

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2010 – 2 (212)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2010**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *Д.Е. Фурман* – д-р ист. наук, *В.Н. Сченникович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2010. – № 2 (212). – 176 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андрей Загорский.</i> Нашла ли Россия новое место в мировой политике?	4
<i>Дарья Халтурина, Светлана Кобзева.</i> Геополитические перспективы России в условиях социально-демографического кризиса	13
<i>В. Зорин, А. Рудаков.</i> Проблемы противодействия вызовам религиозного экстремизма в России	21
<i>Лилия Сагитова.</i> Ислам в постсоветском Татарстане	31
<i>Найма Нефляшева.</i> От традиции к модернизации ислама в Адыгее	38
<i>Кафлан Ханбабаев, Р. Мамараев.</i> Исламизация Дагестана: Миф или реальность?	46
<i>С. Передерий, А. Мозговой.</i> Этническая миграция на Северном Кавказе: Угрозы российской государственности ...	53
<i>Камалудин Гаджиев.</i> Кавказ: Между единством и фрагментацией	57
<i>Н. Миллер.</i> Каспийский регион: Проблемы и перспективы	67
<i>Рустам Махмудов.</i> «Большая игра» в сердце Центральной Евразии: Новый виток конкуренции	76
<i>Очил Захидов.</i> О геополитических приоритетах современного Таджикистана	94
<i>Владимир Парамонов, Алексей Строков, Олег Столповский.</i> Внешняя политика России в Центральной Азии: Взгляд из Узбекистана	101
<i>Василий Белозёров.</i> Страсти по воде и Центральная Азия.....	117
<i>М. Карамихова.</i> Ислам в Болгарии	124
<i>А. Драганов.</i> Иран как региональный geopolитический игрок	134
<i>Е. Мелкумян.</i> Персидский залив: Влияние ислама на взаимоотношения стран региона	140
<i>И. Яшин.</i> «Братья-мусульмане» в Египте: От радикальности к умеренности.....	153
<i>О. Трофимова.</i> Мусульмане и ислам в Западной Европе.....	163

**КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – НЕТ!
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – ДА!**

**Андрей Загорский,
ведущий научный сотрудник
Центра исследований проблем войны и мира,
профессор МГИМО
НАШЛА ЛИ РОССИЯ НОВОЕ МЕСТО
В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ?**

Нашла ли Россия за последние 15 лет свое место в мире? Сама постановка вопроса, мне кажется, настраивает на не совсем верный тон, потому что сразу хочется сформулировать, каким мы хотели бы видеть это место в идеале. Что-то вроде «лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным». В стороне остается главное: каково объективное положение России в мире? Это очень напоминает мне дискуссию начала 90-х годов о том, по какой модели должен развиваться российский капитализм: по шведской модели сильного социального государства или по американской модели либерального капитализма? Этот спор мало общего имел и имеет с реальной действительностью, поскольку в России ни тогда, ни сейчас не могла быть в чистом виде реализована ни та, ни другая модель.

Постановка вопроса о том, каким должно быть место России в современном мире, таит в себе опасность самообмана: легко податься искушению выдать желаемое за действительное. Именно этим и занимаются сегодня официальные российские СМИ. Рисуя благостную картину встающей с колен России, возвращающей себе статус великой, если не мировой сверхдержавы, готовой жестко отстаивать свои национальные интересы, в том числе, если потребуется, вопреки стремящимся навязать ей свою волю США, – эти СМИ лукавят. Правда, это лукавство льстит нашему самолюбию, поэтому в него так охотно верится – до поры до времени.

В основе нового самосознания российских элит и россиян, безусловно, лежит экономический рост последних лет, избавление от довлевшего как дамоклов меч бремени внешнего долга, накопленного в конце 80-х – 90-е годы, и от страха перед новым финансовым обвалом и дефолтом. Существенно выросший российский бюджет позволяет больше средств тратить на зарплаты и пенсии, на оборону, безопасность, образование, науку, медицину, на государственные инвестиции. В основе нынешнего самовосприятия России тезис о том, что страна оставила далеко позади неурядицы 90-х годов и созрела для решения новых задач – коренной модернизации экономики и общества, что не может и дальше не повышать роль России на мировой арене. Без нее как постоянного члена Совета Безопасности ООН и «Большой восьмерки» не может и не должна решаться ни одна из острых проблем современности. Россия сегодня (по объему ВВП в 2007 г.) – седьмая по размерам экономика мира. Еще в 2006 г. она была десятой в этом списке. Так что не за горами и достижение иной цели – возвращение России в число пяти ведущих держав мира. Это существенная разница с концом 90-х годов, когда российский политический класс видел цель в том, чтобы вывести Россию в число пятнадцати, а не пяти ведущих государств мира.

Все это дало повод многим полагать, что возвращающаяся на мировую арену в качестве великой державы Россия сегодня превращается из страны, безуспешно пытавшейся в 90-е годы удержать статус-кво хотя бы вокруг своих границ (распад европейской «внешней империи» СССР – Организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи, уход из Восточной Европы, расширение НАТО и ЕС, ослабление позиций в СНГ), в ревизионистскую державу, которая может не просто отыграть часть из того, что она «сдала» в предыдущее десятилетие, но и диктовать новые правила миропорядка для XXI века. Россия сегодня все чаще видится как участница эксклюзивного клуба («концерта») мировых VIP-держав, которые, как и в XIX веке, по договоренности друг с другом коллегиально вершат судьбы мира.

Справедливости ради следует отметить, что образ сильной России, возвращающейся в мировую политику, распространен не только среди россиян, но и достаточно широко в мире. Так, в октябре 2007 г. немецкий Фонд им. Бертельсмана представил результаты опроса, который он второй раз проводил в странах «Большой восьмерки», Китае и Бразилии. Результаты опроса показали, что

население стран, в которых он проводился, считает, что Россия вернулась даже не в пятерку, а в тройку великих мировых держав и уверенно заняла третье место в списке, правда в основном по экономическим показателям. Такое понимание места России в современном мире основано на ряде мифов и иллюзий, которые не просто настойчиво насаждаются особенно в последние два года, но в которые так охотно верится большинству россиян.

Во-первых, Россия никогда в 90-е годы не стояла на коленях. Несмотря на необходимость жить в долг, она отстаивала свои позиции (всегда ли они были оправданы или нет – это отдельный вопрос) и в том, что касается расширения НАТО, и по Косово, и при подготовке Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с ЕС, которое Ельцин отказался подписывать в 1993 г. в предложенном Брюсселем виде, и по американской противоракетной обороне, и по многим другим вопросам, которые сегодня стоят в повестке дня. Ресурсов у Российского государства в то время было немного для того, чтобы по всем этим вопросам настоять на своей точке зрения. Но и сегодня, в условиях возросших ресурсов, Москва не добилась ни одной принципиальной уступки со стороны Запада. Наоборот, жесткая риторика и неуступчивость все больше отбивают на Западе охоту идти навстречу Москве. Ельцину, который не посыпал стратегические бомбардировщики к берегам Америки, они шли навстречу гораздо охотнее, а, например, марш-бросок российских миротворцев из Боснии в косовскую Приштину в 1999 г. просто игнорировали.

Во-вторых, многие договоренности, на которые и сегодня опирается российское руководство и которые составляют часть позитивного имиджа России в мире (такие, как членство в «Большой восьмерке», урегулирование пограничных вопросов с Китаем, начало выстраивания партнерских отношений с НАТО, адаптация ряда базовых положений Договора 1990 года об обычных вооруженных силах в Европе с учетом распада Варшавского договора и многие другие), были достигнуты еще в 90-е годы. В нынешнем десятилетии Российское государство использовало этот капитал. Оно отчасти продвинулось вперед в развитии этих договоренностей, но никаких других серьезных вложений в строительство новых отношений с окружающим миром не сделало.

Большинство из нерешенных вопросов, доставшихся нынешним российским властям от ельцинской эпохи (например, вступление во Всемирную торговую организацию (ВТО), Организацию

экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и другие), так и остались недорешенными. В то же время, несмотря на жесткую риторику, начиная с 2006 г. Москва так и не смогла добиться от Запада фундаментальных подвижек ни по одному из поставленных ею «ребром» вопросов – о дальнейшем расширении НАТО (Украина, Грузия), о размещении в Европе элементов американской противоракетной обороны или о пересмотре договоренностей об ограничении обычных вооруженных сил в Европе. Более того, Москва в последнее десятилетие так и не смогла противостоять продолжающемуся изменению статус-кво, и прежде всего – на постсоветском пространстве. Разгромленная Грузия – не в счет. Здесь Россия действительно сломала хрупкий статус-кво. Но изменился он совсем не так, как того хотела Москва.

Объективное положение России в мире как средней региональной державы, стремящейся прежде всего удержать меняющийся статус-кво (в основном безуспешно), принципиально не изменилось на протяжении последних 15 лет. В начале 90-х годов Россия была страной со скромным достатком (ВВП на душу населения, рассчитанный по паритету покупательной способности, учитывающий более низкий уровень цен в стране по сравнению с мировыми на ряд товаров и услуг, составлял в 1990 г. 8,4 тыс. долл. США, в 2000-м – 7 тыс.). При этом в начале прошлого десятилетия она была практически банкротом, взявшим на себя долги и другие обязательства СССР.

Россия была страной, весьма однобоко интегрированной в мировую экономику и в высокой степени зависимой от внешней экономической конъюнктуры. Она экспортirует энергетические и иные сырьевые ресурсы с низкой степенью переработки и при этом в возрастающих объемах импортирует машины и оборудование. При этом в 90-е годы Россия развивалась в весьма неблагоприятных внешнеэкономических условиях. Достаточно вспомнить, что мировые цены на нефть были на уровне 14 долл. за баррель, а в конце десятилетия даже упали ниже 10 долл. Природный газ мы продавали в Европу по 70 долл. за тысячу кубометров. Так что ресурсная база российской внешней (да и внутренней) политики в 90-е годы оставляла желать много лучшего, особенно если учитывать огромный масштаб социальных обязательств государства, унаследованных от СССР, а также коллапс медленно реформировавшейся государственной экономики. Страна была вынуждена жить в долг, хотя, конечно, целесообразность тех или иных внеш-

них заимствований и, главное, того, насколько эффективно заемные средства использовались, вызывает немало справедливых вопросов.

В то же время страна развивалась в довольно благоприятной внешней политической обстановке. Хотя с окончанием «холодной войны» Россия, в том числе в силу ограниченности своих ресурсов, переместилась из центра на периферию мировой политики и экономики, а российско-американское противостояние перестало быть центральной осью международной системы, страна осталась единственной ядерной наследницей СССР, постоянным членом Совета Безопасности ООН. Эти два элемента старого миропорядка продолжали и продолжают играть важную роль в российской политике, в формировании статуса страны и в определении ее имиджа за рубежом.

В 90-е годы Москва искала способы максимальной капитализации своего политического ресурса, добиваясь консолидации постоянных членов Совета Безопасности и его превращения в ведущий центр регулирования мировых процессов и в один из главных институтов мирового порядка. Более того, в 1997 г. Москва добилась полноценного участия в политической «восьмерке» ведущих стран мира, что выразилось в том, что Б.Н. Ельцин стал принимать участие во всех заседаниях этого клуба, на которых обсуждались политические аспекты мировой политики, а не только в тех, на которые его приглашали с 1992 г. (а Горбачёва – с 1990 г.) для решения вопросов отношений «семерки» с Россией (как сейчас к диалогу с этой группой ведущих государств мира приглашают Китай, Индию, Бразилию, некоторые страны Ближнего и Среднего Востока, Африки).

Нельзя сказать, что эта политика была успешной. В конце 1998 г. Москва впервые столкнулась с трудным выбором: или поддержать в Совете Безопасности авиационные удары США и Великобритании в Ираке, или смириться с тем, что Вашингтон будет действовать в обход ООН, тем самым девальвируя значение Совета Безопасности как элемента мирового порядка и вместе с этим девальвируя статус России в нем как постоянного члена с правом вето. Ситуация повторилась весной 1999 г. в Косово. Ни тогда, ни в 2003 г., когда в Совете Безопасности обсуждалось иракское досье, ни в 2008 г., когда в нем стоял вопрос о независимости Косово, – Москва так и не нашла адекватный ответ на эту дилемму.

Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что Россия в 90-е годы (как и сейчас) развивалась в условиях отсутствия традиционных военных угроз для нее извне, и прежде всего со стороны Запада в Евро-Атлантическом регионе. Более того, на протяжении большей части 90-х годов Москву никто не пытался поставить на колени, в то же время она пользовалась значительным кредитом доверия на Западе, который стал главным донором России, остро нуждавшейся в ресурсах (но далеко не всегда оптимально распоряжавшейся ими). Эта политика объяснялась бытовавшим в то время на Западе ожиданием успеха экономической (рыночной) и политической (демократической) трансформации в России, которая позволила бы Москве со временем стать полноценным партнером и участником многосторонних институтов экономического, политического и военно-политического взаимодействия стран Евро-Атлантического региона и – шире – Северного полушария. Такая ситуация сохранялась вплоть до конца 90-х годов, пока дефолт, а также нараставшая риторика «холодного мира» (Ельцин на Стамбульской встрече ОБСЕ в ноябре 1999 г.) не породили мощный эффект разочарования итогами российской трансформации.

Что изменилось сегодня в международном положении и в политике России в сравнении с прошлым десятилетием?

Изменилось финансовое положение страны и российской элиты. Благодаря прежде всего высоким мировым ценам на энергоносители (от 80 до 100 долл. за баррель нефти против 14 в 90-е годы, более 300 долл. за 1 тыс. м³ природного газа против 70), Москва расплатилась с большей частью старого советского и с частью нового российского внешнего долга. За период с 1992 г. почти утроился валовый внутренний продукт, пересчитанный по курсу рубля к доллару. Он вырос с 460 млрд. долл. в 1992 (260 – в 2000) до 1291 млрд. долл. в 2007 г. Если пересчитать его по паритету покупательной способности, то рост тоже очевиден, хотя и менее значителен, – с 1725 млрд. долл. в 1990 (1085 – в 2000) до 2100 млрд. долл. в 2007 г. Правда, в постоянных ценах 2000 года этот рост выглядит более скромно (313 млрд. долл. в 1992 и 373 млрд. долл. в 2006), что отражает зависимость показателей российской экономики от цен на экспортруемое сырье. Но все

равно доля России в мировом ВВП выросла с 2,7% в 2000 до немногим более 3% в 2007 г. (в 1990 г. она составляла около 5,5%). Заметно выросли положительное сальдо торгового баланса и национальные резервы. Страна не только рассчитывается со своими старыми долгами, но и быстрыми темпами наращивает бюджетные расходы, сохраняя при этом бюджет профицитным.

В значительной мере отсюда происходит и сказавшееся на внешнеполитической самооценке и выразившееся в формуле «суверенной демократии», не нуждающейся ни в ВТО, ни в партнерстве с США, НАТО или ЕС, ощущение того, что страна преодолела трудности и что ей сегодня по плечу многое из того, о чем трудно было и подумать в 90-е годы. Однако более пристальный взгляд показывает, что в структурном плане объективное положение России изменилось по сравнению с 90-ми не так уж существенно и что это изменение не дает оснований для подобной эйфории. Более того, увлечение иллюзией необратимого роста значимости России на мировой арене сегодня чревато дорого обходящейся в политике болезнью авантюризма, а в будущем – глубоким разочарованием.

Как и в 90-е годы, Россия остается сегодня страной со скромным достатком. Дело даже не в том, что по абсолютному показателю ВВП, рассчитанному по обменному курсу, Россия находится сегодня на 11-м месте в мире, а не на 7-м (по объему ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности), и что по этому показателю Россия не «обогнала в 2007 году Францию», а продолжает существенно (примерно на 50%) отставать от нее, как и от Великобритании, Италии, Испании, Канады и Бразилии. В любом случае Россия остается в списке стран со скромным достатком по такому показателю, как ВВП на душу населения.

Экспортно-сырьевая ориентация российской экономики не только не сократилась, но даже усилилась за эти годы. Минеральные продукты составляют сегодня примерно две трети российского экспорта. Доминирование топливно-энергетического сектора очевидно и в экономике страны в целом. Так, если индекс добычи топливно-энергетических полезных ископаемых, по данным Федеральной службы государственной статистики («Россия в цифрах 2008»), в 2007 г. составил 116,6% (1991 г. взят здесь за 100%), то соответствующий показатель для обрабатывающих производств – всего 81,8%. Таким образом, зависимость российской экономики от сырьевого, и прежде всего топливно-энергетического экспорта за

прошедшие годы не только не сократилась, но даже возросла. Вместе с ней возросла и зависимость от внешней конъюнктуры.

Не уменьшилась, а возросла зависимость российской экономики и от внешних заимствований. Хотя объем государственного внешнего долга России действительно существенно сократился в последние годы (со 127,5 млрд. долл. в 2001 до 37,4 млрд. долл. в 2008), одновременно значительно вырос объем внешних заимствований так называемых суверенных (часто – квазисуверенных) частных заемщиков. В результате общий объем внешнего долга России вырос со 161,4 млрд. долл. в 2001 г. до 459,6 млрд. на начало 2008 г. («Россия в цифрах 2008»). Этот показатель практически идентичен объему золотовалютных резервов страны. Так что высокая степень зависимости экономики от внешнеэкономических факторов сохраняется и сегодня.

При этом на протяжении всего последнего десятилетия Российской Федерацией развивалась в крайне благоприятных внешнеэкономических условиях. В начале десятилетия никто не прогнозировал столь значительный и столь устойчивый рост цен на топливно-энергетическое сырье (нефть и газ), как и на многие другие товары сырьевого российского экспорта. Правда, в последний год серьезные осложнения на мировых финансовых рынках не могли не сказаться на стабильности российских фондовых рынков. Привели они и к нарастанию сложностей в привлечении заемных средств на международных рынках ликвидности, что в перспективе ведет к отрицательному балансу текущих платежей (когда нам придется платить по счетам больше, чем мы сможем привлекать средств на международных рынках). Но накопленные за последние годы резервы позволяют в краткосрочном плане смягчить отрицательное воздействие этой тенденции. В долгосрочном же плане растущая зависимость от мировых цен и международных финансовых рынков ничего приятного Российской Федерации не сулит.

Как и в 90-е годы, Россия развивается сегодня в благоприятной в целом внешней политической обстановке. Это заключение относится прежде всего к отсутствию серьезных военных угроз для безопасности России как на Западе (в Европе и в евроатлантическом регионе), так и на Востоке (со стороны Китая). Наиболее спокойной по-прежнему остается ситуация в Европе, где последние 18 лет были отмечены радикальным сокращением накопленного военного потенциала. Причем наиболее существенным сокращением подверглись прежде всего американские вооруженные силы в

Европе и вооруженные силы, вооружения и военная техника государств, расположенных в Центральной Европе, т.е. на самом опасном участке противостояния в годы «холодной войны». Сегодня у 26 стран НАТО меньше вооружений и техники, чем 16 «старых» членов НАТО могли бы иметь и по условиям Договора 1990 г. об ограничении обычных вооруженных сил в Европе, и по условиям адаптированного Договора 1999 г., который понизил их соответствующие предельные уровни.

Однако менее благоприятно складывается взаимодействие России именно с западными государствами. После короткого подъема в начале десятилетия отношения с США до и особенно после войны России с Грузией в августе 2008 г. достигли самой низкой точки, начиная с конца 1980-х годов.

При этом политика жестких заявлений и требований остановить процесс дальнейшего расширения НАТО на Восток, в очередной раз пересмотреть условия Договора об обычных вооруженных силах в Европе не принесла видимого успеха. Более того, «мюнхенская» стратегия (отталкивающаяся от жесткого выступления В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности в феврале 2007 г.), по сути, оказалась проваленной. По всем вопросам, поставленным Россией «ребром» к весне 2008 г., достигнут консенсус, не позволяющий более рассчитывать на возможность играть на противоречиях между европейскими членами Альянса и Вашингтоном. НАТО продолжит политику «открытых дверей». США готовы к сотрудничеству в сфере противоракетной обороны, но не ценой отказа от своих планов. США и страны НАТО готовы обсуждать взаимоприемлемые решения в том, что касается обычных вооруженных сил в Европе, но без ультиматумов и не поступаясь интересами других государств, в том числе Грузии.

Ни «мюнхенская» стратегия, ни победоносная пятидневная война с Грузией не вернули Россию в центр европейской и мировой политики. Не вернули ей статус великой державы. Последние годы продемонстрировали, что с Россией мало кто хочет ссориться, но уж коль скоро сотрудничество начинает буксовать, то придется как-то обходиться без него. У России не хватило ресурсов для того, чтобы стать эффективной ревизионистской державой, способной переиграть многие из договоренностей 90-х годов. Но она не выступила и в роли эффективной державы, способной сохранить и статус-кво таким, как он сложился к началу нынешнего десятилетия. Вооруженный конфликт с Грузией наиболее ярко продемонст-

рировал то одиночество, в котором оказалась Россия в отношениях не только с США и европейскими государствами, но и со своими ближайшими соседями по СНГ и с Китаем.

Возможно, такое одиночество и является идеалом с точки зрения концепции «суверенной демократии». Однако оно не только не прибавило России веса в решении международных дел, но, наоборот, затруднило решение насущных проблем со старыми и новыми партнерами, приобретенными на протяжении 90-х годов.

«Россия: Итоги трансформации.
Алтайский форум», М.–Барнаул, 2009, с. 101–116.

Дарья Халтурина,
кандидат исторических наук

Светлана Кобзева,
антрополог

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА

В начале 1990-х годов Россия погрузилась в долговременный масштабный социально-экономический кризис, затронувший все сферы жизни; он не только не преодолен, но и усилился в связи с глобальными тенденциями. Новейшие статистические данные российских и международных структур свидетельствуют, что многие из показателей социального неблагополучия в современной России имеют экстремально высокие значения не только на фоне западных стран, но и по сравнению с более бедными государствами СНГ и «третьего мира». В наибольшей степени кризисные тенденции проявились в демографической сфере. Россия на протяжении 1990-х годов переживала демографическую катастрофу.

Согласно данным Всемирного банка с 1985 по 1999 г. в России наблюдалось резкое снижение рождаемости, сопровождавшееся (особенно с 1992 г.) катастрофическим ростом смертности. Эти две тенденции создали колossalную естественную убыль населения, получившую впоследствии в научно-исследовательской среде название «русский крест». Анализируя факторы, предопределившие демографическую катастрофу в России, следует отметить, что уровень рождаемости гораздо в меньшей степени повлиял на демографическую ситуацию в России, нежели показатели смертности.

По европейским меркам уровень рождаемости в России нельзя назвать беспрецедентно низким: столь же низкая рождаемость наблюдается и во многих развитых странах Запада (да и не только Запада, в Гонконге она, например, составляет 7,1%, а в современной России – 10,5%). Что касается уровня смертности в России и в некоторых других восточноевропейских государствах, то он, действительно, аномально высок по сравнению с другими странами мира. Исключительно высокая динамика смертности среди мужчин, лиц трудоспособного возраста и менее образованных слоев, достигшая своего пика в постперестроечный период, безусловно, существенно подрывает основы национальной безопасности и потенциал развития нашей страны. Подобные показатели смертности (более 15%) встречаются только в пораженных ВИЧ странах Тропической Африки.

Российскую сверхсмертность невозможно объяснить только кризисом постсоветского перехода к либеральной политической системе и рыночной экономике, последствия которых – падение уровня жизни, безработица, социальная депрессия – во всех странах бывшего социалистического блока привели к кратковременному всплеску смертности. Однако только в таких странах, как Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан и государства Балтии, сверхсмертность достигла катастрофического размаха, и только в первых четырех странах ее до сих пор можно назвать катастрофической. В мире существуют десятки более бедных стран, где люди, особенно мужчины, живут дольше. В самой России продолжительность жизни мужчин в самых бедных, но глубоко исламизированных (а значит, непьющих) регионах – Ингушетии и Дагестане, в среднем на 10 лет выше общероссийской. Одна из важнейших причин смертности и социальной деградации – крайне тяжелые проблемы алкоголизации, достигшие масштабов гуманитарной катастрофы.

По показателям смертности от убийств и самоубийств Россия также занимает одно из лидирующих мест в мире. Согласно исследованию, проведенному Всемирной организацией здравоохранения (Европейская база данных «Здоровье для всех»), в России за период с 1980 по 1994 г. смертность от убийств в возрасте до 64 лет выросла почти в три раза. Более того, начиная с середины 1990-х годов Россия является лидером по уровню смертности от убийств среди европейских стран. По уровню самоубийств Россия в последние годы стабильно занимает второе место среди 200 стран

мира, а в 1995 г. Россия занимала к тому же первое место по смертности от самоубийств среди подростков 15–19 лет.

Значимая проблема, представляющая серьезную угрозу для улучшения демографической ситуации в России, – крайне высокий уровень никотиновой зависимости. Проблема курения, так же как и алкоголизм, уходит корнями в советское прошлое, однако за последние годы ее тяжесть стремительно прогрессирует: за период 1990–2000-х годов потребление сигарет в России выросло практически вдвое и составило в 2005 г. 375 млрд. штук. По этому показателю наша страна в настоящий момент входит в пятерку лидирующих стран мира. Особенно чувствителен рост курения среди молодых женщин, находящихся в репродуктивном возрасте: около половины беременных в России не отказываются от курения, даже несмотря на то что это может повлечь тяжелые врожденные аномалии у ребенка. Уровень курения среди подростков в России после перестройки устроился. Новейшие данные доказывают, что курение, в среднем, сокращает жизнь на 10 лет, провоцируя сердечно-сосудистые заболевания, рак и др.

Согласно отчету ООН, Россия – один из лидеров по потреблению инъекционных наркотиков. По потреблению опиатов она делит лидерство с Афганистаном и Ираном, однако в Центрально-Азиатском регионе распространено курение, а не инъекционное потребление, что существенно снижает риск заболевания ВИЧ/СПИДом, а также летального исхода от передозировки.

Помимо упомянутых мощнейших факторов угрозу для здоровья и жизни россиян представляют и кризисные социальные явления: криминализация общества, рост тюремной популяции, насилие в армии, тюрьмах и правоохранительных органах. Согласно прогнозу экспертов Всемирного банка, если заболеваемость и смертность к 2025 г. будут постепенно приведены к уровню стран ЕС, то экономическая выгода составит до 29% ВВП России. Следовательно, от того, насколько эффективно будут реализовываться социальные проекты в современной России, зависят перспективы ее дальнейшего развития.

В настоящий момент показатели рождаемости в России остаются одними из наиболее низких по сравнению с другими странами мира (около 1,3 ребенка на женщину), что, безусловно, представляет собой фактор риска для развития нашей страны в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Следует отметить, что снижение рождаемости – общемировая тенденция, которая наблю-

дается во всех регионах и странах мира, что позволило говорить о «демографическом переходе», переживаемом современным миром, но наиболее явно оно проявляется в развитых странах.

В России зависимость между уровнем образования и рождаемостью по типу стран «третьего мира» в последние годы становится все более очевидной: самый высокий уровень рождаемости зафиксирован в Чечне и сельском Дагестане, т.е. там, где по разным причинам уровень образования не так высок, как в остальной России. У мусульман Поволжья и Восточного Кавказа рождаемость лишь немногим выше, чем у соседних христианских народов. У народов Сибири рождаемость пока еще относительно высока, что способствует поддержанию их численности при очень высокой смертности, связанной с потреблением алкоголя и дефицитом квалифицированной медицинской помощи. Необходимо отметить, что само по себе снижение рождаемости, хотя и является негативной тенденцией, однако не предполагает социально-демографической катастрофы. В большинстве стран мира оно сопровождается ростом человеческого потенциала или, иными словами, качества населения. В богатых странах с низкой рождаемостью родители и государство имеют больше возможностей инвестировать в образование и здоровье ребенка, развивать его творческие и интеллектуальные способности – несомненный плюс даже в условиях снижения рождаемости.

Однако падение рождаемости в России происходит не только в условиях ужасающей по своим масштабам сверхсмертности, но и на фоне глубочайшего кризиса института брака и семьи, а также государственной политики по их поддержке и развитию. Согласно статистическим данным ООН, в 2006 г. количество разводов на 1 тыс. человек в России было самым высоким в мире, почти в два раза превышая показатели европейских стран. Только за 2006 г. на 100 браков приходился 71 развод. Растет вовлечение подростков в сексуальные связи, преимущественно случайного характера. Существенной угрозой продолжает оставаться проблема существования в России детской и подростковой проституции. При этом крайне неудовлетворительно пресекается вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией.

По данным мониторинга Детского фонда ЮНИСЕФ, в 2004 г. 30% детей в России были рождены вне зарегистрированного брака. Ежегодно в России выявляются около 130 тыс. детей-сирот и детей, лишившихся родительского попечения, подавляю-

щее большинство их – сироты при живых родителях. Можно констатировать, что социально-демографический кризис разрушает человеческий капитал России и подрывает перспективы ее дальнейшего развития (ведь человеческий капитал – один из важнейших факторов экономического развития). Не решив эти социально-демографические проблемы, Россия не сможет войти в число наиболее развитых стран мира, и ее дальнейший прогресс в среднесрочной перспективе будет весьма затруднителен.

По оценкам ведущих аналитиков, социально-демографическая ситуация в современной России продолжает оставаться одной из наиболее сложных в мире. Несмотря на некоторое снижение убыли населения, наблюдавшееся в 2006–2007 гг., общая тенденция свидетельствует, что кризис сверхсмертности до сих пор не преодолен и сохранится в ближайшей перспективе. Прогнозы в этой сфере дают самые разные цифры. Например, по прогнозу ООН, население России к 2050 г. сократится до 101,5 млн. человек, т.е. на 40%.

Сверхсмертность в России имеет катастрофические последствия для экономики. В отчете Всемирного банка о состоянии здоровья россиян говорится, что наша страна несет колоссальные экономические потери от преждевременных смертей и болезней: падает производительность труда, сокращается внутренний рынок, происходит деградация трудовых ресурсов. Высокая смертность и низкая рождаемость подрывают потенциал экономического прогресса: дефицит молодых кадров негативно сказывается на инновационном технологическом развитии, тогда как в последнее время именно этот фактор является определяющим в мировой конкуренции. Старение населения ставит под вопрос пополнение пенсионного фонда. По подсчетам экспертов Всемирного банка, если России не удастся преодолеть кризис сверхсмертности, то к 2025 г. она недополучит 29% ВВП.

Стремительная убыль населения – не только экономическая и социальная проблема, но и угроза национальной безопасности страны: падение численности людей призывного возраста и запускение огромной территории объективно уже в самой ближайшей перспективе будут способствовать нарастанию внутри- и внешнеполитических рисков. Для того чтобы сохранить население России хотя бы на современном уровне, потребуются значительные усилия со стороны государства – как финансовые, так и в сфере повышения компетентности государственного управления. Только в этом

случае удастся постепенно сменить современный регрессивный тренд на рост населения и, возможно, компенсировать потери предыдущих лет.

Социально-демографические проблемы России крайне неблагоприятно влияют на позиционирование страны на международной арене, формируя негативный имидж в средствах массовой информации. В публикациях западной прессы в резкой форме критикуются претензии России на мировое лидерство. По мнению английского журналиста Д. Блэра, «у государств, которые смогут оказывать реальное влияние на мировые события к концу XXI в., нет проблем с демографией. Низкий показатель средней продолжительности жизни, алкоголизм, а также тот вопиющий факт, что число абортов в России превышает количество новорожденных, – все это практически неизбежно влечет за собой упадок страны». Согласно прогнозу Блэра, «мир в XXI в. поделят между собой Америка с 300 млн. жителей, Европейский союз с населением в 460 млн., а также Китай и Индия – страны, в каждой из которых живет более миллиарда людей. На этом фоне Россия выглядит неубедительно». Во французской статье¹ с красноречивым названием «Демография – зло, мешающее амбициям России» содержится недвусмысленное утверждение о том, что «с точки зрения экономического развития российская демография – бомба замедленного действия». Описывая демографический кризис в нашей стране, автор говорит: «Это явление может привести к драматическим для России с ее стремлением к могуществу демографическим последствиям. Начиная с 1992 г. население России сократилось на 3% – с 148,7 млн. до 143,8 млн. человек. Такое сокращение уникально для индустриального мира. Российские Вооруженные силы со временем могут испытать резкую нехватку людей, и в результате военные амбиции Кремля будут ограничены. Эффект домино может привести к тому, что даже внутренняя безопасность страны окажется под угрозой». Несмотря на необоснованно резкий тон данной публикации, невозможно не согласиться с главной для ее авторов темой: в основе суверенитета, мощи и инновационного потенциала государства лежат здоровье и трудоспособность граждан. Даже при наличии колоссальных природных богатств без решения своей

¹ «La démographie, le mal qui ronge les ambitions de la Russie», Le Temps, 20 sept. 2007.

главной проблемы – вымирания нации – Россия не сможет утвердиться как государство – мировой лидер.

Для того чтобы переломить существующие тенденции, нашей стране необходимо всерьез приняться за ликвидацию пробелов в общественном здравоохранении и социальной политике, преодолеть влияние различных коммерческих и бюрократических лоббистских структур, заинтересованных в сохранении *status quo*, и провести компетентные действия по решению широкого круга проблем, приводящих к гуманитарной катастрофе сверхсмертности. В сфере антиалкогольной политики (по единодушному мнению ведущих экспертов) необходимы запрещение, замена и денатурация всех напитков, которые могут использоваться в виде суррогатов алкоголя, и вместе с тем ограничение доступности легальных алкогольных напитков, особенно крепких. Это достигается постепенным повышением цен, сокращением торговых точек и часов работы. Необходимо остановить и спаивание несовершеннолетних слабоалкогольными напитками. России совершенно необходимо ратифицировать такие международно-правовые документы, как Рамочная конвенция Всемирной организацией здравоохранения по борьбе с табакокурением.

Решение демографических проблем в современной России невозможно без фундаментальной реформы системы здравоохранения, которая до сих пор в значительной степени живет реалиями послевоенного времени, когда основной угрозой были инфекционные заболевания. В современном мире ключевыми проблемами остаются неинфекционные заболевания и травматизм, а к этим вызовам российское здравоохранение оказалось неготовым. Снижение смертности от этих причин требует некоторого переноса акцента с лечения на профилактику, ликвидации информационной изоляции российского медицинского сообщества, внедрения принципов доказательной медицины в научные исследования. Продуманная семейная политика, поддержка семьи со стороны государства – то, без чего в настоящее время невозможно решить проблему рождаемости в России. В развитых странах рождаемость во многом определяется тем, насколько государство стремится снизить издержки семьи в сложный период до и после рождения ребенка. Ведь экономические и карьерные потери родителей более всего чувствительны именно в первые годы воспитания ребенка. Поэтому увеличение пособий на детей и оплачиваемый декретный отпуск – эффективные механизмы семейной политики государства.

Постоянная конкуренция за лучшие рабочие места и социальные позиции, существующая в рыночных условиях, приводит к откладыванию или к отказу от рождения детей, а очень высокий уровень разводов в современных обществах стимулирует женщин больше ценить собственную работу и благополучие. Поэтому рождаемость в развитых странах выше там, где государственная политика снижает карьерные риски матери. Предоставление гибкого графика работающим матерям, создание рабочих мест, позволяющих работать на дому, – достаточно эффективная мера, способствующая балансу между финансовыми нуждами семьи, личными потребностями матери и нуждами ребенка. В советский период достаточно высокой рождаемости способствовала практика «беременных ставок»: женщина имела право вернуться на свою должность после декретного отпуска. Такая практика действует сейчас, например, в Скандинавии, оказывая позитивное влияние на рождаемость. В современных условиях Российское государство должно стимулировать работодателей к предоставлению женщинам таких льгот.

Проведенное в Великобритании крупное исследование показало, что успеваемость детей и их контакт с матерью были худшими в семьях, где мать не работала (видимо, из-за ее усталости от организации быта), а лучше всего там, где у нее была работа с частичной занятостью. В семьях, где матери работали на полной ставке, успеваемость и контакт у детей с матерью также неплохие. Таким образом, помочь матерям в возвращении на рынок труда оправдана во всех отношениях. Увеличение доступности и качества детских садов – одна из наиболее эффективных мер государственной политики, которая способствует росту рождаемости. Наконец, государственным структурам следует усилить работу по совершенствованию качества услуг населению. Сбор бесконечных справок для получения пособия на ребенка (при мизерности самого пособия) вряд ли прибавит решимости родителям завести следующего, а ожидание в очередях в муниципальных поликлиниках не улучшит здоровья пенсионеров.

* * *

В заключение подчеркнем: России не следует рассчитывать, что послекризисное восстановление экономики станет панацеей от демографических и социальных проблем. Корреляционный анализ

показывает, что уровень дохода влияет на уровень рождаемости слабоотрицательно. Уровень рождаемости значительно ниже в развитых странах с высоким уровнем подушевого дохода. Общеизвестен тот факт, что потребление алкоголя и табака растет по мере роста дохода. Неравенство, а вместе с ним и социальный цинизм, протестные настроения, преступность также нередко возрастают по мере экономического роста. Российскому государству необходимо повернуться лицом к серьезным социальным и демографическим проблемам, раздирающим российское общество, – как унаследованным от советского периода, так и новым. Для этого необходимы два условия: политическая воля и компетентность в решении социальных проблем. Только в этом случае Россия выйдет из состояния перманентной гуманитарной катастрофы и сможет по праву войти в число лидеров мирового развития.

«*OHC: Общественные науки и современность*»,
M., 2009, № 6, с. 140–150.

В. Зорин, А. Рудаков,

ПОЛИТОЛОГИ

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВЫЗОВАМ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИИ

Россия исторически сложилась как многонациональное и многоконфессиональное государство. Это наглядно подтвердили результаты Всероссийской переписи населения 2002 г. На начало 2004 г. в России проживают представители 160 национальностей; 23 народа, имеющие численность более 400 тыс. человек, составляют более 96% населения. По мнению российских и международных экспертов, на фоне устойчивого развития экономики в России ослаб потенциал этнополитических конфликтов, но усилилось масштабное проявление ксенофобии. Замечен и общий рост экстремистских организаций различного толка, использующих этнополитическую и конфессиональную риторику как средство политической мобилизации. Вряд ли общество может оставаться в стороне от такой сложной проблемы в современной России, как противодействие экстремизму, который в значительной степени проявляет себя в скрытой и в завуалированной формах. Исторический опыт показывает, что одной из форм политического экстремизма является религиозный радикализм. Расставить акценты в этой сфере весьма важно.

но, и это необходимо прежде всего в плане организации или выстраивания системы раннего предупреждения. Такая попытка реализована, как известно, принятием российского Закона «О противодействии экстремистской деятельности».

Несомненно, апеллируя к конфессиональной сфере, следует особо акцентировать внимание на пресечении расовой и религиозной розни. При этом применение названного закона в обществе должно быть не бездумным, т.е. ставящим целью только прекращение действий по разжиганию национальной розни, а таким, чтобы оно не только служило определению степени наказания, но и содействовало формированию ценностных ориентиров в обществе, формированию толерантных отношений между народами, достижению гражданского согласия. Применение только просветительских форм деятельности со стороны самих конфессий или только административных рычагов деятельности будет делом не очень значительным. В данном случае важно, чтобы эти усилия были эффективными и со стороны самих сообществ. Надо заметить, что в обществе возникает своего рода двойственная ситуация, например, в связи с принятием и реализацией государственной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе». На наш взгляд, не решается проблема в целом, если не будет в первую очередь реализована главная задача – воспитание культуры межнационального общения. Можно рассуждать об идеологии толерантности, однако совместное проживание представителей различных национальностей в условиях оказания помощи одним и в отсутствие таковой другим сводит на нет любые усилия по достижению этой толерантности. Поэтому главным, в том числе и в сфере конфессиональных отношений, должен быть принцип равноправия, создания одинаковых условий обитания, возможностей доступа к работе, образованию и т.д. Одним словом, в обществе пока не выработаны социально-культурные механизмы утверждения норм толерантности. Это в полной мере относится и к конфессиональной сфере, хотя, несомненно, поиск консенсуса в отношениях религиозных организаций становится непрерывным процессом.

Современная общественно-политическая обстановка в РФ с учетом глобальных геополитических перемен последнего времени характеризуется расширением масштабов угроз национальной безопасности государства. Рост, острота и многообразие экстремистских проявлений в экономической, духовной, культурной

нравственной, религиозной и иных областях жизни и деятельности общества оказывают дестабилизирующее влияние на внутриполитическую обстановку в стране, подрывают международный авторитет России. Особая роль внейтрализации причин и условий, способствующих возникновению политического и религиозного экстремизма, сепаратизма, и устранении их последствий принадлежит органам государственной власти при их активном взаимодействии с различными общественными институтами.

Тенденция нарастания экстремизма под религиозными знаменами во многом обусловлена существующими противоречиями во взаимоотношениях как между конфессиями, так и внутри них, активизацией деятельности некоторых иностранных религиозных организаций, практическая деятельность которых имеет явно выраженный деструктивный характер. По нашему мнению, обеспокоенность вызывают их попытки, направленные на внесение раскола в традиционные для России религиозные объединения (православные, мусульманские, иудейские и другие общины). Религиозная экспансия на территорию России со стороны других государств привела к значительному росту новых религиозных движений. Достаточно сказать, что количество зарегистрированных в РФ конфессиональных направлений возросло за десятилетие с 20 до 90. Если в 1992 г. было 4846 религиозных организаций, то уже в начале XXI в. их насчитывалось более 20 тыс. По данным различных социологических центров, верующие составляют от 43 до 57% населения. Среди них заметен рост количества мужчин, а также представителей молодежи. Среди верующих 91,4% имеют среднее и высшее образование. Интенсивный рост религиозных новообразований нарушает сложившийся в стране этноконфессиональный баланс, вызывает возрастание межконфессионального соперничества и недовольства основной части населения. Очевидно, задача налаживания эффективного противодействия проявлениям экстремизма под религиозными знаменами в РФ едва ли решаема без учета внешних факторов, прямо или косвенно способствующих распространению этого опасного феномена, разработки и реализации комплексной системы мер, призванных поставить этому надежный заслон. В сложившихся условиях органы исполнительной власти не всегда правильно выстраивают свои отношения с религиозными организациями, а нередко и уходят от новых проблем, не обеспечивают соблюдения законности, не налаживают взаимодействия в решении общих задач.

Столкнувшись в последние годы с феноменом массового распространения новых религиозных движений, европейские страны стали проводить по отношению к ним более жесткую линию. Такая постановка вопроса находится в полном соответствии с решением Европейского парламента от 12 февраля 1996 г. «Постановление о сектах в Европе», призывающим правительства стран-членов «не предоставлять статус религиозной организации автоматически. А в случаях, когда речь идет о сектах, замешанных в незаконных или преступных деяниях, обдумать возможность лишения их статуса религиозного объединения, который гарантирует им налоговые льготы и определенную правовую защиту».

В целом в усилиях по противодействию в РФ экстремизму под религиозными знаменами, как представляется, следует исходить из нашего общего подхода к проблеме новых угроз и вызовов, решение которой требует объединения усилий всего мирового сообщества. Подход к данной проблеме демократических европейских стран должен служить ориентиром и для РФ. Подчас весьма проблемный характер носит деятельность в РФ разного рода филиалов зарубежных религиозных, благотворительных и прочих организаций, которая формально не противоречит положениям российского законодательства, а на деле нередко способствует появлению напряженности на религиозной почве. Неуважительное отношение к российским традиционным конфессиям способствует формированию предпосылок к экстремистским проявлениям религиозного характера, в том числе и на бытовом уровне, возбуждению религиозной розни и антиобщественным действиям по религиозным мотивам, влияет на состояние межгосударственных отношений.

В РФ ислам является также одной из традиционных религий. По оценкам экспертов, в РФ проживают 14–15 млн. граждан, относящихся к мусульманской культуре. А с учетом миграции это число может возрасти. Для РФ важно наличие четкой ориентации сотрудничества государственной власти со всеми конфессиями, в том числе с исламом. Анализируя роль и место религиозного экстремизма в формировании внутренних и внешних угроз национальной безопасности и территориальной целостности России, нельзя не отметить, что экстремизм под исламскими знаменами в международном масштабе превращается здесь в реальную политическую и военную силу. Специфика его угроз, по нашему мнению, определяет основные направления укрепления и совершенствования обще-

государственной системы обеспечения безопасности, включая защиту основ конституционного строя в России.

Анализ современного состояния угроз основам конституционного строя РФ показывает, что они носят комплексный характер, затрагивая жизненно важные интересы личности, общества и государства. Соответствующими государственными органами принимаются различные меры как оперативного, так и долговременного характера по противодействию проявлениям исламского экстремизма.

Негативное влияние на обстановку в среде российских мусульман оказывают обостряющиеся противоречия между руководителями наиболее крупных религиозных духовных управлений мусульман. Анализ содержания деятельности зарубежных исламских экстремистских центров свидетельствует о том, что в их планы в отношении РФ входит противопоставление интересов российских мусульман интересам государства и общества, побуждение общественно-политической элиты регионов с преобладающим мусульманским населением к формированию условий для выхода из состава РФ и созданию новых государственных образований, ориентированных на страны исламского мира. Исламский фактор пытаются разыгрывать в своих целях лидеры некоторых националистических и сепаратистских движений, что вносит дестабилизирующие элементы в общественно-политическую ситуацию в ряде регионов страны, особенно на Северном Кавказе, народам которого пытаются навязать не свойственный им мировоззренческий и религиозный выбор.

Наиболее серьезные последствия экспансии исламского экстремизма проявились на Северном Кавказе, где переплелись сложные политические, социально-экономические, национальные, конфессиональные и криминогенные проблемы. Росту экстремистских проявлений на фоне обостряющихся социально-экономических проблем способствуют попытки со стороны ряда зарубежных исламских организаций активизировать распространение на территории России радикальных форм исламской идеологии, в том числе путем финансирования деятельности экстремистских группировок. Духовные управлении мусульман, большей частью раздробленные, часто оказываются не в состоянии эффективно противостоять организованному наступлению экстремизма под знаменами ислама. В ряде случаев они попадают в материальную и иную зависимость, превращаются в проводников интересов тех, кто платит. Особую

опасность представляют попытки экстремистов расширить свою социальную базу за счет молодежи. В этих целях зарубежные эмиссары направляют усилия на формирование в РФ своего кадрового резерва, организуют направление молодых российских граждан на обучение в зарубежные исламские центры. По оценкам экспертов, в настоящее время более 4 тыс. российских граждан обучаются в исламских учебных заведениях Алжира, Турции, Сирии, Саудовской Аравии, Катара, Иордании, Египта, Туниса, Пакистана, Малайзии и других стран арабского мира. Большинство обучающихся там россиян, пройдя подготовку в духе чуждых российскому исламу установок, после возвращения служат проводниками исламского экстремизма и радикализма..

Серьезную угрозу национальной безопасности страны представляют попытки навязать российскому обществу идею цивилизационного конфликта и якобы неразрешимых противоречий между христианами и мусульманами. Кроме того, одним из глобальных последствий событий 11 сентября 2001 г. стал повсеместный рост исламофобии, которая подогревается некоторыми средствами массовой информации. Ни ислам как религия, ни мусульмане как вероисповедная группа не несут и не могут нести ответственность за подобные акции. В вопросе об экстремизме, использующем исламские лозунги, нам, видимо, следует исходить из того, что это – долговременный фактор мировой политики и преодолеть его, а также сопряженную с ним террористическую угрозу в обозримой перспективе вряд ли удастся.

Поэтому необходимо выстраивать свою линию таким образом, чтобы, вписываясь в целом в рамки международных усилий по преодолению «исламского экстремизма» (эта формула используется как условный термин), устраниению его корневых причин, не допустить превращения РФ в главную мишень терроризма под исламским флагом. В этой связи общественным и религиозным институтам, СМИ в приоритетном порядке следует распространять и пропагандировать исторический опыт добрососедского сосуществования в многонациональной России последователей различных культур и религий, факт глубокого различия между ваххабизмом и традиционным российским исламом. Учитывая изложенное, целесообразным было бы определиться и в тех задачах, которые стоят перед государственными и конфессиональными институтами по противодействию проявлениям экстремизма:

- предусмотреть ответственность централизованной религиозной организации за противоправную деятельность входящих в нее местных религиозных организаций;
- выработать единую (письменную) форму согласия родителей и лиц, их замещающих, на участие несовершеннолетних в деятельности религиозных организаций;
- предусмотреть обязательное уведомление органов местного самоуправления о создании религиозной группы;
- создать межведомственный банк данных о различного рода проявлениях политического и религиозного экстремизма;
- с учетом мнения лидеров ведущих конфессий страны рассмотреть вопрос об образовании органа, ведающего проблемами государственно-религиозных отношений или осуществляющего мониторинг конфессиональной ситуации в стране;
- создать при полномочных представителях Президента РФ в федеральных округах совещательные (консультативные) органы по вопросам государственно-религиозных отношений с непосредственным участием в их деятельности представителей общественных и религиозных объединений;
- способствовать преодолению раздробленности и узконациональной ориентированности мусульманского духовенства, добиваться объединения усилий духовенства в борьбе с религиозным экстремизмом. Содействовать созданию координационного совета, в состав которого входили бы муфтии РФ;
- осуществить комплекс мер по разоблачению идеологии религиозного экстремизма. Разработать программу, содействующую созданию позитивного имиджа мусульман и ислама в России;
- разработать и реализовать во взаимодействии с религиозными объединениями систему государственных мер поддержки религиозного образования в РФ, направленную на совершенствование организации учебного процесса, обеспечение его соответствия государственным образовательным стандартам, подготовку преподавательских кадров по светским дисциплинам;
- активизировать разноуровневый диалог с зарубежными государствами, включая бывшие советские республики Центральной Азии, по вопросам противодействия распространению религиозного экстремизма с целью обмена опытом, поиска эффективных решений, а по ряду аспектов и определения вариантов совместных действий.

Если обратиться к западному опыту противодействия экстремизму в контексте российских реалий, то можно указать на следующие основополагающие моменты. Не секрет, что, в зависимости от политической конъюнктуры, средства массовой информации западных стран предпочитают называть террористов, не ведущих на их территории террористической деятельности, «бойцами», «активистами», «борцами за национальное освобождение» или «боевиками». СМИ формируют общественное мнение, а потому в сознании западного обывателя и власти укореняются «двойные стандарты»: «у нас – террористы, у них – борцы за свободу». Как показывает опыт истории, политика «двойных стандартов» часто бьет по тем, кто ее проводит.

Между тем, осознание факта навязывания нам этой войны еще недостаточно укоренилось в российском обществе. Война в Чечне, взрывы домов в Москве и Волгодонске все еще рассматриваются некоторыми нашими соотечественниками как своеобразное стихийное бедствие, а не как специально подготовленные и тщательно спланированные акции против Российской Федерации, а это приводит к тому, что слишком часто отечественный законодатель отвергает разумные справедливые, но жесткие меры, опасаясь гнева «мирового общественного мнения», идет на полумеры. В отечественной практике практически не разработан механизм осуществления религиозной экспертизы. Возможности экспертизы сужаются рамками государственной регистрации религиозных объединений, а возможность постепенной радикализации религиозной группы, перехода ее на экстремистские антиобщественные позиции не учитывается. А именно это весьма часто происходит в последнее время в России.

Необходимо отметить, что феномен терроризма нов для России. Несмотря на то что историки могут вспомнить народовольцев-«бомбистов», в СССР террористические проявления были редким явлением. Начиная с середины 60-х годов прошлого столетия страны Запада и Израиль столкнулись с волной терроризма и смогли наработать определенный опыт в области противодействия экстремизму и терроризму. Этот опыт тем более важен, так как показывает – страны Запада, сталкиваясь с террористическим вызовом, идут гораздо дальше, чем отечественный законодатель. По мнению экс-премьера Израиля Б. Нетаньяху, во многих современных демократических государствах наступает «момент истины», когда становится ясно, что безусловная охрана гражданских свобод мешает защите жизни и свободы граждан. Такие государства, встав перед

дилеммой, порождаемой демократией: «Если они не будут вести борьбу с терроризмом теми способами, которые имеются в их распоряжении, они поставят под угрозу безопасность своих граждан, если же будут, то окажется, что под угрозой находятся те самые свободы, которые они обязаны защищать», – как правило, решаются принять активные меры против сил, представляющих угрозу обществу. В Великобритании осознание того, что для победы над терроризмом можно и нужно несколько ущемить гражданские свободы, наступило в 1972–1973 гг. после ряда активных выступлений ИРА. Парламент принял Закон о чрезвычайных обстоятельствах, позволяющий без санкции прокурора производить задержание, арест или обыск подозреваемого, а также ослабил требования к уликам, представляемым для доказательства виновности задержанного.

Российское уголовно-процессуальное законодательство ставит орган дознания, следователя и прокурора – участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, правомочных задержать лицо по подозрению в совершении преступления, в жесткие рамки процессуальных сроков. Без судебного решения лицо может быть подвергнуто задержанию на срок не более 48 часов. Так, в случае задержания участника вооруженного формирования на территории Чечни зачастую объективно отсутствует возможность его физического доставления в кратчайшие сроки в орган дознания, к следователю или прокурору. Учитывая, что период доставления включается в срок задержания и в указанном выше случае может превышать двое суток, дальнейшее удержание задержанного будет являться незаконным.

Недостатком механизма процессуального задержания лица, подозреваемого в причастности к терроризму, является отсутствие на первоначальном этапе достаточных поводов к возбуждению уголовного дела. При этом само задержание допускается исключительно в рамках уже возбужденного уголовного дела либо вопрос о процессуальном задержании должен решаться одновременно с вынесением постановления о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству.

Деятельность ИРА на территории Ирландии и Соединенного Королевства вынудила пойти на введение особого порядка судебного процесса по делам о терроризме. Был учрежден Специальный уголовный суд из трех членов-судей, без присутствия присяжных. В этих судах бремя доказательства непричастности к террористической организации возлагалось на обвиняемого. Схожая практика

была принята и в Великобритании, которая была вынуждена отказаться от института присяжных заседателей, а дела о терроризме стали рассматриваться единолично судьей, что значительно уменьшило вероятность манипулирования присяжными со стороны сообщников обвиняемого. Можно привести тот факт, что все обвиняемые «по Буденновску» сами отказались от рассмотрения их дела судом присяжных, в этом случае они опасались более сурового наказания.

Весьма жестким является и французское законодательство, которое, несмотря на возрастание террористической угрозы и введение с 1979 г. специального антитеррористического плана «Вижипират», даже несколько смягчилось, пройдя путь от военных трибуналов и Суда государственной безопасности начала 60-х годов прошлого века до Суда присяжных Парижа.

Наиболее жесткими процессуальными нормами обладает Перу. Все дела, связанные с терроризмом, рассматриваются военными трибуналами, при этом на треть сокращены сроки проведения судебного процесса. Обвинительный приговор может быть вынесен в отсутствие обвиняемого, а осужденные за преступления, связанные с терроризмом, не могут воспользоваться привилегиями, установленными в УК или Кодексе исполнения наказаний.

Выше приведены лишь несколько примеров того, как действуют демократии при наличии террористической угрозы. Для спасения общества следует поступаться некоторыми гражданскими свободами. Этот урок должен усвоить и отечественный законодатель.

Анализ современных тенденций развития терроризма, изучение литературы неоспоримо свидетельствуют – террористы все время меняют тактику, приспосабливаются к новым мерам безопасности и вырабатывают новое «сильнодействующее средство» воздействия на общество. Наблюдается своеобразный спор между правоохранителями и террористами. Как только первым удается найти действенные средства, чтобы вырвать инициативу из рук последних, террористы привносят новое. Правоохранительные органы и спецслужбы все время вынуждены работать в догоняющем режиме. Необходимо переламывать ситуацию. Система антитеррористических мероприятий должна отвечать вызовам времени и быть глубоко эшелонированной.

Зорин В.Ю., Рудаков А.В. «Межнациональные и межконфессиональные отношения в Российской Федерации: Проблемы раннего предупреждения и профилактики деструктивных явлений», Н. Новгород, 2008, с. 120–143.

Лилия Сагитова,
кандидат исторических наук
(Институт истории АН Татарстана)

ИСЛАМ В ПОСТСОВЕТСКОМ ТАТАРСТАНЕ

Говорить о российском исламе как о некой гомогенной и однозначной культуре представляется сегодня проблематичным в силу многих причин. Богатая и многообразная историческая традиция бытования ислама на территории России и противоречивость постсоветских трансформационных процессов за последние 20 лет создали и продолжают создавать своеобразную картину. Наблюдение за возрождением ислама подводит к выводу, что мы имеем дело с динамичным и противоречивым явлением, не лишённым парадоксальности. Особенно сильно это проявляется в ситуации сворачивания советской идеологии и расширяющегося сотрудничества со странами Запада и Востока. За 20 лет мы имели возможность наблюдать, как ислам постепенно приобретал в ходе либерализации новые функции, всё более отдаляясь от таких интерпретаций советского периода, как «опиум для народа» или «архаика народных традиций».

Спектр апелляций к исламу в постсоветской России неизменно расширился. Ислам стал необходимым атрибутом возвращения к «исконным корням народа», или «вере предков», обеспечивая массовую поддержку этнического ренессанса в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Он явился важным аргументом во внутриполитическом и культурном самоопределении регионов России с мусульманским населением. Ислам заполнил идеологический вакuum для многих тысяч обычных людей, ищущих опору и ориентиры в сложную эпоху перемен. В то же время ислам стал важнейшим ресурсом в поиске экономических и политических союзников для региональных администраций и мусульманских институтов в условиях новых политических реалий и рыночной экономики.

Региональная специфика ислама в Татарстане, где татары-мусульмане считаются титульной нацией и составляют большинство (по данным переписи 2002 г. численность татар – 52,9%, русских – 39,5%), обусловлена рядом факторов. Среди них можно назвать:

- наличие «родных» для этноконфессиональной группы административных границ;

- наличие «родной» для мусульман государственной бюрократии;
- развитость интеллектуальной элиты;
- тесная связь мусульманского духовенства с региональным правительством;
- наличие у этноконфессиональной группы легитимного исторического багажа;
- соотношение конфессионального большинства и меньшинства в рамках региона;
- социально-экономические условия региона;
- история бытования ислама в конкретном регионе.

Ислам в Татарстане, несмотря на продекларированное отделение религии и религиозных институтов от государства, играет важную роль в политической и культурной идентификации региона в рамках Российской Федерации. Исламское возрождение, начавшееся с конца 1980-х годов прошлого столетия, тесно переплеталось с этнокультурным ренессансом татар. Девальвация советской идеологии стимулировала обращение людей к духовной традиции предков – исламу в качестве морально-нравственных ориентиров в условиях идеологического вакуума. Казалось, сошедшая на нет в советское время религиозность татар быстро реанимировалась. Так, если в начале 1989 г. в республике было 18 мусульманских общин, то к середине 1990-х годов их число увеличилось до 700, к 2001 г. их стало около 1000, а к 2003 эти показатели почти не изменились. Динамику подтверждают данные массовых социологических опросов: в 1980-е годы верующими себя признавали 15,7% опрошенных татар-сельчан, а в 1994 г. – 86% сельчан и 66,6% татар-горожан. Численность верующей молодежи близка к доле старшего поколения – более 70%.

Примечательно, что активисты национальных движений рассматривали ислам как важную составляющую этнической идентификации и национального самосознания татар. Исследователи считают, что появление первых религиозных институтов в республике – результат деятельности этих организаций. В 1992 г. было создано самостоятельное Духовное управление мусульман РТ (ДУМ РТ). Этот период – с 1988 по 1992 г. – назван «периодом легализации» ислама у поволжских татар.

Многие исследователи связывают реисламизацию в Татарстане с процессом национального самоопределения татар в новейших условиях. Процесс этого поиска стимулировался общей ситуа-

цией в России. Религиозный институт становился важным ресурсом как для возрождения этноконфессиональной идентичности татар, так и для отстаивания желаемого регионального политического статуса. Национальное движение рассчитывало на поддержку Духовного управления мусульман Европейской части России и Сибири (ДУМЕС). Но ДУМЕС, действовавшее в общероссийской рамке координат, по своей функции и положению не могло удовлетворить амбиции отдельно взятого региона России. Тогда национальное движение выступило за перемещение управления из Уфы в Казань. Ситуация располагала к реанимации двухсотлетнего спора о местонахождении Духовного управления мусульман России. Но поскольку планы по перемещению управления в Казань не воплотились, национальное движение приложило усилия для организации своего регионального духовного института. У истоков его формирования стояло татарское национальное движение: такие организации, как «Татарский общественный центр» и партия «Иттифак». ДУМ РТ, созданное в 1992 г., мыслилось как один из важных стимулов единения татарской нации, поэтому его основная функция определялась конъюнктурой татарского национализма и ограничивалась преимущественно полем политики.

Исследователи констатируют, что при первом муфтии ДУМ РТ Габдулле-хазрате Галиулле до 1995 г. эта организация была более политической, чем конфессиональной. В период народного подъема она находилась в оппозиции к республиканской власти. С укреплением региональной власти в рамках России изменился режим ее отношений и с духовными институтами. Власть активно включилась в регулирование религиозной жизни в республике. В ходе съезда мусульман в 1998 г. был избран новый муфтий, уже по согласованию с республиканской властью. При новом муфтии, Гусмане-хазрате Исхакове, была создана работающая на всех уровнях вертикальная структура для управления мусульманским сообществом и его институтами. Лояльность властям и принцип отделения религии от государства стали определяющими во взаимоотношениях ДУМ РТ с властью.

Однако факт отделения духовных институтов мусульман от государства сегодня можно оценивать как декларацию, поскольку его роль в жизни мусульманских общин значима. Это касается не только компетенции государства в качестве регистрирующего и, следовательно, легитимизирующего существование мусульманских организаций органа. Зависимость от республиканских и местных

властей остается достаточно высокой в связи со сложившимися на сегодняшний день экономическими условиями жизнедеятельности мусульманских общин. Не случайно уже на II съезде мусульман РТ, прошедшем в феврале 2002 г., в качестве основной на повестку дня была поставлена проблема определения источников их существования. Дело в том, что сегодня община не способна самостоятельно обеспечивать свое существование. Если раньше большую помощь оказывали зарубежные спонсоры, то после вытеснения зарубежных фондов этот источник иссяк. Доля татар-мусульман среди предпринимателей и бизнесменов, спонсирующих общины, невелика и не может служить для них серьёзной экономической базой. Сами прихожане, как правило, малоимущие, поэтому не способны делать большие пожертвования общине. Единственной стабильной помощью может быть помощь государства и местных администраций.

Вовлечение ислама в поле политической игры неизбежно придает ему свойства «товара», который используется различными социальными акторами в зависимости от их интересов. Для политической элиты апелляция к этническим и духовным ценностям татар стала важнейшим основанием, легитимирующим ее притязания на большую самостоятельность в рамках Российской Федерации. На начальном этапе этнического ренессанса ее цели совпадали с чаяниями национального движения. Подъем демократизации способствовал тому, что уже в 1989 г. власти Татарстана смогли организовать торжества, посвященные 1100-летию официального принятия ислама предками татар и одновременно 200-летию учреждения ДУМЕС в России. Впервые в апреле 1991 г. на территории кремля, где располагается резиденция республиканского правительства, прошел праздничный намаз-молебен по случаю Ураза-байрама (Ант-аль-Фитр), собравший десятки тысяч людей. Завершающей кульминацией стало шествие, посвященное памяти татар, защищавших Казань от войск Ивана Грозного в 1552 г. Оба эти события стали традиционными: они проводятся ежегодно.

Республиканские власти, в свою очередь, осознают не только дивиденды от своего участия. Помощь общинам легитимирует вмешательство государства в деятельность религиозных институтов с целью осуществления контроля, что стало особенно актуальным в контексте борьбы с терроризмом, который уже по умолчанию ассоциируют с исламскими организациями.

Ислам в Татарстане стал выгодной составной частью республиканского имиджа. «Мирный характер татарского ислама», «паритетность сосуществования христианства и ислама на территории республики», «татарское реформаторство», «джадидизм» и «евроислам» – идеологемы, которые можно интерпретировать как хорошо продающийся «товар» на внутреннем и внешнем рынках. В свете последних событий, обостряющих конфронтацию между Западом и Востоком, они приобретают geopolитическое измерение.

С открытием границ особую популярность в дискурсах власти и татарских интеллектуалов приобрела метафора: «Татары – “передаточное звено”, или “мост”, между Западом и Востоком». Эта формула синтеза стала краеугольным камнем стратегии развития современных татар в программных разработках как официальной республиканской идеологии, так и общественных национальных организаций. Например, в «Концепции развития татарской культуры» (1992) подчеркивалось, что она «продолжительное время развивалась как ветвь мусульманской культуры», так же как и то, что татары «в равной мере приобщены и к западной цивилизации».

При всей пафосности звучания формула: «татары – “мост” между Западом и Востоком» вполне рациональна – таким образом декларируемые идентичность и стратегия развития Татарстана и современных татар позволяют эффективно расширять круг потенциальных партнёров на международной арене и выстраивать экономическое и культурное взаимодействие. Кроме того, эта формула помогает успешно лавировать в постоянно меняющейся политической конъюнктуре международных отношений, в которые включена Россия. «Татарстан – регион, являющийся образцом “мирного ислама”» – эта формула стала транзитным товаром, к которому обращаются и государственные чиновники из Москвы, и местные чиновники на встречах высокого уровня с дипломатами западных и восточных государств.

Ставшие в последние годы традиционными светские по характеру культурные мероприятия с мусульманской составляющей также укрепляют имидж мусульманской и в то же время светской республики. Сам факт появления Международного фестиваля исламского кино «Золотой минбар» можно расценить не только как стремление республиканской элиты придать исламу современный облик и укрепить «не фундаменталистский» характер татарского ислама. Это еще и идеология «голоса» российских мусульман, сво-

его рода ответ на антиисламскую пропаганду в западных и российских СМИ. Президент фестиваля – председатель Совета муфтиев России шейх Равиль Гайнутдин, представляя цель данного события, сказал, что это «не только обмен опытом, но и хорошая возможность рассказать мировому сообществу об исламе и мусульманах, показать истинные ценности религии, которые в последние годы трактуются не совсем правильно».

Следует заметить, что в Татарстане ислам не ограничивается внешней презентацией региона в качестве республики с исламской составляющей. Безусловно, низовые процессы, связанные с религиозной идентификацией и духовными поисками рядовых людей, активно идут и здесь. Но проведенные исследования свидетельствуют о том, что между декларацией религиозности и реальным религиозным поведением татар-мусульман существует значительная дистанция.

Исследование 1990 г. показало, что многие молодые не знают азов ислама. Доля соблюдающих все основные, обязательные для мусульманина принципы, такие как пятикратный намаз, ураза, садака, закят, хадж, немногочисленна даже среди тех, кто считает себя верующим. Из татар-горожан моленье дома совершали 8,4%, а среди лиц, признававших себя верующими, 15,4% посещали мечети. Более позднее исследование религиозности среди молодежи выявило, что 70% молодых татар из общего числа опрошенных называют себя мусульманами. Из них 46,7% отмечают религиозные праздники; у 56% опрошенных есть Коран.

Однако 50,2% из них не посещают мечеть; 2% посещают не менее одного раза в неделю; 4% – один раз в месяц; 22,2% – по религиозным праздникам; 11,8% – по семейным событиям.

В городах, где уровень социального контроля выше, чем на селе, атеизм был распространен сильнее. В сельской местности ислам выжил лишь за счет соединения с традиционной культурой. Но это обстоятельство имело свои следствия: сохранилась преимущественно нормативно-обрядовая сторона ислама. Мировоззренческая же основа, обычно поддерживаемая теологией, изучаемой в духовных учебных заведениях, была почти утеряна. Индикатором сложившегося состояния может служить качество духовенства, появившегося в постсоветский период: первое официально зарегистрированное духовенство в Татарстане 1990-х годов состояло из «неофициальных и необразованных сельских мулл».

В связи с этим можно расценить как объективную закономерность тот факт, что институциональное строительство в Татарстане шло намного активнее, чем собственно духовные, мировоззренческие поиски. Так, исследователи говорят о том, что практическая деятельность религиозных институтов концентрировалась вокруг удовлетворения культовых потребностей верующих. На это были направлены строительство мечетей, открытие религиозных учебных заведений. Содержание выпускаемой религиозной литературы в основном ограничивалось описанием религиозных обрядов и ритуалов. Таким образом, внешняя институционализация ислама в республике значительно отрывалась от институционализации реально функционирующих исламских общин.

Официальный ислам в Татарстане в публичном дискурсе ассоциируется с «джадидизмом» – реформаторским мусульманским движением, целью которого была адаптация ислама к условиям либерального индустриального общества. Активный проводник идей джадидизма Р. Хакимов считает, что сегодня «нет каких-либо иных достижений (кроме джадидизма), с которыми татарам можно было бы выходить на широкую (мировую) арену». Использование джадидизма в качестве «культурного товара», который будет способствовать интеграции татар в российское и европейское сообщество, прочитывается в другом его высказывании: «История нашего народа предстает как непрерывное движение с Востока на Запад в прямом и переносном смысле. Когда-то на Востоке была передовая мысль и высокая культура».

В формировании исламского дискурса в Татарстане важную роль играет татарская интеллигентская элита. Стало исторической закономерностью то, что каждая волна демократизации в России актуализирует этнический и религиозный ренессанс татар. Это не случайно, поскольку модель национального государства, получившая патент в Европе, используется в качестве международного легитимного обоснования политических, экономических и этнокультурных претензий элит. Эта рамка соединяет этничность, религию и политику. Тот факт, что ислам в Татарстане тесно связан с национальным движением и этническим ренессансом, подтверждает актуальность этой модели. Все вопросы, связанные с татарским исламом в республике, обсуждаются в парадигме «контейнерной теории общества». Известный ученый-исламовед Р. Мухаметшин говорит о том, что татарские интеллектуалы описывают проблемы современного мусульманского сообщества в Татарстане в рамках

модернизационного подхода. Его утверждение: «Ислам сегодня перестал быть только формой семейного и общественного самосознания и стал важнейшим элементом этнического самосознания и идеологического осмыслиения современной действительности» – подтверждает влияние идеологии и политики на роль ислама в конструировании регионального политического дизайна.

«Власть», М., 2009, № 10, с. 110–116.

Найма Нефляшева,

публицист

(Центр цивилизационных и региональных исследований РАН)

ОТ ТРАДИЦИИ К МОДЕРНИЗАЦИИ ИСЛАМА В АДЫГЕЕ

Адыгейя – республика в составе РФ – занимает территорию в 7,8 тыс. кв. км, население – 447 тыс. человек (2002). В республике проживает более 80 национальностей. 68% населения – русские, 22,5% – адыгейцы (западные адыги) и др. Ислам у адыгейцев – суннитского толка. Специфика демографической ситуации в Адыгее заключается в преобладании здесь русского населения, так как после окончания Кавказской войны 94% адыгского населения переселилось в Османскую империю. Адыгейцы составляют наряду с современными кабардинцами и черкесами группу адыгских народов, говорящих на родственных языках адыго-абхазской группы кавказской языковой семьи. Особенностью социально-политического устройства адыгов в первой половине XIX в. явилось деление их на две группы: «аристократические» общества с княжеской властью (кабардинцы, бесленеевцы, темиргоевцы, ма-хошевцы, мамхеговцы, бжедуги, натухаевцы, егерухаевцы, жанеевцы, адамиевцы) и «демократические» (абадзеши, шапсуги, натухайцы) – с народным правлением. На протяжении всей истории функционирование адыгского социума основывается на принципах адыгагъэ (адыгства) и адыгэхабзэ – базовой системы морально-нравственных и этических норм. Ни одна из монотеистических религий в действительности не оказала на адыгов влияния, сопоставимого с воздействием этих регуляторов общественных отношений.

Ислам стал впервые проникать в адыгскую языческо-христианскую среду уже в XIV в. через торговые, военные контакты и отношения с Золотой Ордой, соседним государством, официально заявившим об исламе как о своей государственной религии в XIV в. После взятия в 1475 г. турками Кафы и других городов Черноморского побережья ислам распространяется в регионе при участии крымских ханов. Среди них особенно выделяется Шах-Аббас-Гирей, насаждавший ислам среди черкесов во время своего похода. Одним из главных центров распространения ислама становится построенная турками крепость Анапа. К началу XVIII в. Черкесия фактически оказывается окружённой мусульманскими территориями – Турцией и Крымским ханством. В конце XVIII в. в Кабарде разворачивается «шариатское движение», инициаторами которого были адыгские служители культа. Возглавили движение майор князь Адиль-Гирей Атажукин и эфенди Исхак Абуков. Это движение ставило своей целью не только упразднение учрежденных русской властью в 1793 г. в Кабарде «родовых судов» и «расправ» и организацию «духовного суда», но и выдвинуло широкую социальную программу уравнения прав адыгских князей и дворян.

Активизация борьбы против российского проникновения на Кавказ способствовала ускорению принятия ислама в Адыгее, он стал идеологической основой консолидации адыгских субэтнических групп. «Пока Турция делала попытки поработить страну, она оставалась, по крайней мере по некоторым обрядам, христианской, когда же Россия начала ее завоевывать, она сделалась магометанской», – так охарактеризовал неустойчивую религиозную ситуацию в Черкесии польский полковник Т. Лапинский. Интересно, что, когда Шамиль, уже уставший от войны и осознавший обреченность сопротивления России, в 1858 г. спрашивал своего наиба в Черкесии Мухаммада-Амина о возможности получить здесь убежище, его верный приверженец, для которого распространение ислама и шариата в Черкесии было делом всей жизни, с сожалением произнес: «И через 20 лет черкесы не станут мусульманами, если им вообще суждено быть таковыми».

Мусульманское сознание стало органичной, но не доминирующей составляющей адыгской культуры. В обрядовой сфере, за исключением похоронного ритуала, преобладали языческо-христианские традиции. Разные слои адыгского общества являлись носителями разной религиозности. В адыгском фольклоре имя Аллаха употреблялось наряду с упоминанием верховного в адыгском

пантеоне божества Тхъэ. Этические принципы способствовали гармоничному освоению и воспроизведству мусульманской этики, в свою очередь дополняющей уже существующие нравственные категории, прежде всего идею псане – спасения души через благодеяние.

Все адыгские духовные лица именовались эфенди. В адыгской среде это обозначение применялось только по отношению к духовному сословию. Адыгские эфенди были, как правило, выходцами из крестьян – князья и дворяне традиционно искали самовыражения в набегах и войнах. Еще во времена христианской проповеди они оставались равнодушными к идеям единобожия. «Духовенство между черкесами не имеет преимуществ, подобных дворянам, – писал один из первых адыгских историографов, командир Кавказского горского полуэскадрона, ротмистр Хан-Гирей, – но, согласно с правилами магометанского закона, они освобождаются от всех повинностей, и их доходы состоят из получаемого ими от деревенского прихода договоренного количества хлеба и прочих сельских произведений, что обеспечивает содержание их семейств». Здесь не сложился институт вакуфной собственности, что определило отсутствие у адыгских эфенди серьезных экономических позиций. Окончание военных действий на Кавказе сопровождалось переселением адыгов в Османскую империю, в результате которого 94% населения было выселено со своей этнической территории. После окончания Кавказской войны (1864) западные адыги были включены в Кубанскую область, образованную в 1860 г. в ходе административно-территориального устройства Северного Кавказа. Номинально они были отнесены к ведению Оренбургского магометанского духовного собрания, однако реальный контроль осуществляла местная кубанская администрация. Отдельное духовное управление для мусульман Северного Кавказа так и не было создано. Одним из направлений исламской политики России на Северо-Западном Кавказе было конструирование духовенства как сословия и регламентация его деятельности.

Строительство мечетей наиболее интенсивно развернулось на Кавказе в 80–90-х годах XIX в. Мусульманская образованность основной части духовных лиц, как правило, ограничивалась элементарными знаниями Корана, шариата и мусульманской экзегетики, арабской письменности и арабского языка. Примерно десятую часть духовенства (более 20 человек) составляла группа, прошедшая через престижные исламские университеты – Османский уни-

верситет в Стамбуле, каирский Аль-Азхар и образовательные центры Дагестана, Казани и Уфы. Накануне революционных событий 1917 г. исламские институты на Северо-Западном Кавказе не представляли собой окончательно оформленных структур. При преобладании этнического самосознания над религиозным, мусульманские ценности заняли органичное место в системе традиционных адыгских этнических норм и мотиваций.

В течение 1918–1920 гг., в период сложных политических изменений, северо-западные адыги оказывались в системе управления разных административно-государственных советских образований. Взаимоотношения ислама и советской власти в 1920-е годы складывались и развивались достаточно сложно и неоднозначно. Поиски компромисса с исламом, характерные для начала 1920-х годов, сменились государственной политикой, создавшей жесткую систему, в которой мусульманская культура не могла поддерживать и воспроизводить свои составляющие элементы.

С конца 1980-х годов в Адыгее начинаются процессы реисламизации, в числе которых и осмысление места ислама в системе национальных ценностей. В 1991 г. Адыгея вышла из состава Краснодарского края и получила статус республики в составе РФ. В настоящее время на территории Адыгеи действует 30 исламских религиозных объединений. В собственности религиозных обществ мусульман Адыгеи находится 30 мечетей, в которых осуществляют культовую деятельность 72 эфенди.

Очевидно и неизбежно преобладание нероссийских действующих лиц в возрождении ислама в Адыгее. Адыги-репатрианты из стран Ближнего Востока вели активную деятельность в адыгейских аулах в начале 1990-х годов; они преподавали основы ислама, чтение Корана и арабский язык. Важную роль в распространении ислама в регионе играл адыг из Сирии Фаиз Аутлев (в 2005 г. ему не была выдана российская виза), возглавлявший Исламский центр при Соборной мечети Майкопа. Сама мечеть была построена на средства шейха из Рас-эль-Хайма (ОАЭ), выделившего для этой цели 1 млн. долл. В 2000–2005 гг. имамом Соборной мечети являлся сирийский адыг.

Специфической группой, серьезно влияющей на умонастроения молодых мусульман, являются адыги-репатрианты из югославского Косова. Албано-сербский конфликт, развернувшийся на Балканах, существенно осложнил положение косовских адыгов,

которым в конечном счете не удалось сохранить в этом конфликте традиционный для них нейтралитет. Возобладавшая просербская ориентация адыгов и нарастающие военные действия с албанской стороны стали одним из факторов, ускоривших принятие решения о возвращении их на историческую родину. В августе 1998 г. при активной поддержке правительства РФ и Международной Черкесской ассоциации (МЧА) 21 семья потомков мухаджиров, покинувших Северный Кавказ в XIX в., вернулась в Адыгею. Юридические и экономические сложности процесса депатриации наложились на определенную ментальную дистанцию между косовскими и местными адыгами, сложившуюся в течение более чем 100 лет проживания в различных этнокультурных и политических системах. Функционирование исламского комплекса в Югославии существенно отличается от такового на Западном Кавказе, где никогда не существовало иерархии духовных лиц, характерной для косовских служителей культа – имамы, ходжи, мударрисы. По существу, косовские адыги являются носителями нехарактерных для местного адыгского населения исламских традиций. В частности, сложилась ситуация противостояния между косовскими религиозным авторитетом Р. Цеем и лидерами Духовного управления мусульман Республики Адыгея (ДУМ РА) и Краснодарского края. К весне 2004 г. противостояние достигло своей критической точки, и Р. Цей был депортирован в Турцию.

ДУМ Адыгеи и Краснодарского края было образовано в 1991 г. на I съезде мусульман Адыгеи. В настоящее время ДУМ возглавляет ранее работавший в государственных структурах Нурбий Емиж. В ДУМ Адыгеи и Краснодарского края координирующую роль осуществляет исполнительный орган – Совет Духовного управления в составе 13 человек. Сегодня большая часть мечетей не имеет хорошо образованных имамов и заполняется только во время полуденного намаза по пятницам. В некоторых аулах в пятницу не читается хутба. Благодаря позиции муфтия Н. Емижка ситуация стала меняться: при Соборной мечети были организованы двухнедельные курсы для обучения имамов из районных центров арабскому языку, исламской догматике и обрядности. Важной инициативой ДУМ представляется постановка вопроса о необходимости обучения будущих духовных лиц в российских учебных заведениях – в Москве, Нальчике, Казани. Особая проблема, которую предстоит решать уже сейчас, – налаживание отношений с адыгскими студентами, обучающимися в Сирии и ОАЭ. Именно они

будут оказывать серьезное влияние на настроения мусульман, посещающих мечети, и религиозную ситуацию в республике через несколько лет. Н. Емиж стремится удержать в сфере своего влияния исламизирующуюся сельскую молодежь Адыгеи. Н. Емиж выступил с инициативой создания молодежного мусульманского центра, объединившего мусульман Майкопа и Адыгейска.

Одной из современных тенденций возрождения ислама в Адыгее является приход в молодежные центры, созданные при мечетях, интеллектуалов, получивших светское образование, – преподавателей вузов, аспирантов. На республиканском телевидении и радио пока нет ни одной действительно серьезной аналитической передачи, посвященной проблемам мусульман. Серьезную проблему в Адыгее представляет отсутствие должного образования у курирующих проблемы религии в правительстве и комитетах республики чиновников, зачастую не имеющих представления об исламе. При абсолютном внешнем благополучии и публично демонстрируемом сотрудничестве лидеров традиционных для региона конфессий – православия и ислама, выражением чего стал созданный 19 апреля 2005 г. Межрелигиозный совет, очевидно, что угрожающие тенденции только в последнее время стали встречать адекватную реакцию властей республики и Совета ДУМ Адыгеи и Краснодарского края. Соборная мечеть так и не стала культурно-просветительским центром, способным серьезно влиять на умонастроения молодых мусульман, формирование у молодежи современной адыгской идентичности как российской и исламской одновременно.

При отсутствии у населения информации о традиционной для региона религии, какой является ислам (о времени и исторических условиях распространения на Северо-Западном Кавказе, его позитивном миротворческом потенциале, служителях мусульманского культа как о носителях мусульманской культуры и образованности в конце XIX – начале XX в., наконец, о Северном Кавказе в целом как регионе взаимовлияния двух культурных потоков – русского православного и османо-мусульманского), информационная ниша оказывается заполненной более активными представителями нетрадиционных для региона религиозных течений. Именно в эти группы в последние годы наблюдается колоссальный отток адыгского населения. 22 апреля 2005 г. по инициативе Комитета по межнациональным отношениям, образованию, науке, культуре и СМИ Госсовета Республики Адыгея состоялись парламентские

слушания, посвященные роли религиозных конфессий в духовно-нравственном возрождении общества. На слушаниях прозвучала тревожная статистика – из опрошенных в Майкопе и в различных районах Адыгеи 1 тыс. человек более половины подвергались попыткам вовлечения в нетрадиционные религиозные организации. Продолжается также и активная деятельность представителей зарубежных исламских радикальных организаций. В 2003 г. в Майкопе по решению Арбитражного суда Адыгеи власти закрыли благотворительно-образовательный пансионат исламской организации «Сулейманджи», созданный в 2001 г. турецким миссионером Б.Н. Исмаилом.

В настоящее время ситуация в Адыгее действительно стабильна – в республике нет мусульманских духовных общин и организаций, оппозиционных ДУМ Адыгеи и Краснодарского края. Духовное управление не поддерживает идею возрождения шариатских судов, о чем было заявлено в резолюции съезда мусульман 20 сентября 1997 г. В республике издаются газеты для верующих – «Тхъэм инур», «Тхъэм инэшу», «Читай». С 1995 г. возобновлен хадж. В 1999–2000 гг. в Адыгее было проведено социологическое исследование «Состояние и перспективы ислама в Адыгее», по данным которого тотальной исламизации в Адыгее не происходит, этническая идентичность традиционно превалирует над религиозной. Исламская составляющая проявляется в свадебной и поминальной обрядности. В 1990 г. в Майкопе было открыто мусульманское кладбище. Формирующаяся традиция организации пространства кладбища включает в себя как собственно мусульманские элементы (коранические надписи на арабском языке), так и элементы, заимствованные из русской культуры. ДУМ Адыгеи уделяет большое значение регламентации этой стороны погребальной обрядности и стремится максимально приблизить ее к нормативной мусульманской традиции.

Адыгей не беспокоит федеральный центр террористической активностью «ваххабитских групп», но это кажущаяся тишина. По уровню жизни среди других субъектов Федерации доля населения с доходами ниже прожиточного минимума здесь превышает общероссийские показатели, а по уровню среднемесячной зарплаты республика отстает от аналогичного показателя по стране на 30%. В последний год в республике почти вдвое сократился объем жилищного строительства, а безработных насчитывается, по официальным данным, около 33 тыс. человек. Социальные проблемы и

духовный вакуум способствуют тому, что возможное появление какого-либо харизматического лидера, несущего идеи, нехарактерные для российского ислама, может найти отклик в среде молодежи. В Адыгее, конечно, далеко до самоуправляющихся джамаатов, конкурирующих с официальными властями. Однако и здесь наблюдается предсказуемая тенденция, очевидно связанная в том числе и с неспособностью официального Духовного управления удержать молодежь в поле своего влияния. «Часть мусульманской адыгейской молодежи, не имеющая возможности для социального продвижения в современном коррумпированном российском обществе, вынужден замыкаться в независимые от Духовных управлений мусульман локальные религиозные группы, возможность перерождения которых в радикальные структуры вопреки традиционным для адыгов-черкесов миролюбию и гибкости возрастает при складывающихся условиях». Спугнув мусульман милиционскими репрессиями в мечетях, власть сама загнала их в частные квартиры, рассеяла по студенческим общежитиям и лавочкам в городских скверах, где сотни молодых людей вдохновенно обсуждают, внимая заезжим гуру от ислама, каким быть исламу в Адыгее. В их смутных представлениях нет места интеллектуальным поискам, а личные амбиции причудливо переплетаются с апелляцией к трагической истории адыгов в Российской империи и поисками индивидуального исламского проекта.

В этих условиях движение за сохранение статуса Адыгеи неизбежно объединит национальный и религиозный протест в единый поток. В ряду многих причин, по которым вхождение республики в край будет иметь негативные последствия, молодые мусульмане выделяют отсутствие мечети в Краснодаре и, как следствие, невозможность реализовать свои духовные потребности.

«Ислам в Европе и России», М., 2009, с. 146–166.

Кафлан Ханбабаев,
кандидат философских наук

Р. Мамараев,
аспирант (г. Махачкала)

ИСЛАМИЗАЦИЯ ДАГЕСТАНА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

На сегодняшний день Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД) это разветвленная структура, в которой трудятся 75 человек. Главный идеолог его – шейх накшбандийского и шазилийского тарикатов Сайд Асаев из с. Чиркей Буйнакского района. Имея собственные религиозные печатные издания и доступ на телевидение и радио, ДУМД принимает активное участие в формировании соответствующего общественного мнения и оказывает влияние на различные общественно-политические и гражданские процессы в дагестанском обществе. ДУМД контролирует несколько изданий СМИ: официальный печатный орган – газету «Ассалам», которая выходит на восьми языках народов Дагестана, еженедельник «Исламский вестник», газету «Нур-ул ислам», журнал «Ислам». Электронные версии газет «Ассалам» и «Нур-ул ислам» размещены в сети Интернет. ДУМД имеет свой сайт в Интернете. Два раза в неделю ведет 15-минутные передачи «Мир вашему дому» на русском языке на ГТРК «Дагестан» и более часа в неделю на канале ТНТ-Махачкала. Исламская пропаганда ведется работниками ДУМД и по республиканскому радио, в муниципальных СМИ, местных студиях телевидения, в том числе на языках народов Дагестана. Издательский отдел ДУМД печатает исламскую литературу на русском и национальных языках.

ДУМД ведет планомерную систематическую работу по расширению своего влияния на местах, для чего почти во всех районах проводятся маджлисы (собрания) имамов. Важнейшее направление их работы – создание на всей территории Дагестана иерархической системы исламских организаций, подчиненных ДУМД, с правом назначения имамов местных мечетей и руководителей всех духовных учебных заведений. ДУМД на сегодняшний день остается самой влиятельной духовной силой в республике, которая в последнее время продолжает усиливаться. После разгрома ваххабитских сил в августе–сентябре 1999 г. ДУМД постепенно усиливает свое влияние, стремясь монополизировать политику в сфере государственно-конфессиональных отношений. К настоящему времени

ДУМД контролирует около 25% мечетей республики и 12 исламских вузов.

В последние годы значительно активизировалась работа ДУМД по расширению своих рядов, пропаганде трудов и утверждению в исламской общине республики исключительного статуса своего идеологического лидера. Большая, мобильная и управляемая масса его мюридов (около 10 тыс. человек) готова принять непосредственное участие в решении конкретных задач по отстаиванию интересов ДУМД, в том числе и силовыми методами, и активно противостоит любым попыткам избрания нового состава алимов ДУМД. На этой основе имеют место конфликты в среде мусульман между представителями ДУМД и местными джамаатами с. Калининаул и Инчхе Казбековского района, с. Нечаевка, Комсомольское и Стальское Кизилюртовского района, пос. Шамхал, Джума мечети № 2 г. Дербента и др. Пользуясь предоставленными Законом РД от 16 сентября 1999 г. «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории РД» административными полномочиями, ДУМД ведет политику дискриминации оппозиционных ему руководителей тарикатских братств, обвиняя их в лжешейхстве; продолжает политику замены имамов мечетей, преподавателей в исламских учебных заведениях на мюридов Сайда Ацаева; пользуясь предоставленными законодательством республики исключительными правами на создание исламских вузов, чинит всевозможные препятствия государственным органам при проверке подконтрольных им образовательных учреждений, одновременно требуя проверки учебных заведений, управляемых оппозиционными тарикатскими братствами; монополизирует организацию и проведение хаджа и умра (малого паломничества). (В 2006 г. из 18,5 тыс. россиян, совершивших хадж, 15,5 тыс. были дагестанцами.)

ДУМД наладило систему проведения встреч со студентами всех государственных вузов и средних учебных заведений, имеет мечети на территории некоторых вузов (ДГПУ, ДИНХ). С целью трудоустройства сотен выпускников своих мусульманских вузов, игнорируя требования законодательства об образовании, ДУМД настойчиво добивается для них разрешения на преподавание в государственных учебных заведениях. Уровень профессионализма и компетенции данных «учителей» в религиозной и светской сферах оставляет желать лучшего.

Светское образование должно оставаться светским. Никто и ничто не запрещает вести свою преподавательскую деятельность исламским учебным заведениям. Проникновение в светские образовательные учреждения религиозных деятелей противоречит закону о светском государственном образовании. В республике достаточное количество учреждений профессионального религиозного образования. От почти достигнутого равновесия сил они имеют цель и реальную возможность перейти к приоритетному положению на рынке разнообразных образовательных услуг. С открытием множества религиозных школ существенно сокращается число детей в общеобразовательных школах. По информации Координационного центра мусульман Северного Кавказа, всего в ЮФО действует 26 высших исламских учебных заведений, из них на Северном Кавказе – 23, все они зарегистрированы как религиозные организации. 19 находятся в Дагестане, по одному в Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Ни одно из них не аттестовано и не аккредитовано. Еще слабее развита система начального и среднего исламского образования. При этом следует подчеркнуть, что главным объектом воздействия радикальных религиозных организаций выступает молодежь, в том числе дети школьного возраста. В этой связи озабоченность вызывает то, что, согласно экспертным данным, в течение 90-х годов более 4 тыс. молодых людей получили исламское образование за рубежом. Определенная часть их была обработана в радикальном ключе. Их последующая после возвращения на родину деятельность, как правило, входит в противоречие с традиционными на Северном Кавказе течениями ислама.

Активно проникая во все сферы жизнедеятельности дагестанского общества, ДУМД берет на себя функции по регулированию общественной жизни в республике средствами религии, всячески стараясь продекларировать неспособность власти к выполнению своих прямых обязанностей, решению тех проблем, которые накопились за последние годы, показать, что единственным выходом из сложившейся ситуации является ислам. Затрагивая вопросы, не входящие в сферу религиозно-духовной деятельности, публично обсуждая их, они пытаются привлечь общественное внимание к сложившимся проблемам и через призму религии влиять на общественное мнение, все более и более политизируя ислам, подводя к мысли, что именно ислам – залог справедливого решения всех наболевших проблем в обществе. Политиза-

ция ислама в той форме, которая навязывается руководством ДУМД, – это тенденция к установлению религиозного контроля в духовной сфере общественной жизни.

Опасность исламизации молодежи, у которой только формируется самостоятельное взрослое мировоззрение, мнение о жизни и отношение к ней, довольно велика. В последующем мы можем получить поколение, которое будет строить общественную жизнь в Дагестане только по исламскому принципу, для которого светская власть станет пережитком прошлого. А если еще это поколение попадет под влияние внешних сил, то не трудно спрогнозировать, на что или кого оно и, соответственно, республика будут ориентированы в будущем. Исламизации молодежи способствует уровень образованности и развития подрастающего поколения. Беспокойство и опасение вызывают культурный уровень, на котором находится наша республика, институт семьи, социально-экономическое положение населения, образование и образованность граждан, как проводит свой досуг молодежь, ее увлечения и пристрастия, проникновение в ее ряды не лучших образцов массовой культуры с соответствующей системой моральных норм и ценностей и т.д. Если так дело будет продолжаться и впредь, Дагестан в скором времени может превратиться в один из самых неграмотных, отсталых регионов нашей страны. И именно такая серая необразованная масса людей в большей степени подвержена различным видам влияния, в том числе и исламизации, причем в большинстве случаев в фанатичном виде. Подобная масса людей легче всего управляется, ее легче всего манипулировать.

В конце XX – начале XXI в. в Дагестане активизировалась деятельность филиалов таких организаций, как Международная исламская организация «Спасение» (МИОС), «Беневоленс Интернейшнл Фаундейшн» (БИФ), «Джамаат Ихъя Ат-Турс Аль-Ислами», «Лашкар Тайба», «Аль-Хайрия», «Аль-Харамейн», «Катар», «Икраа», «Ибрагим бен Ибрагим» и др., финансируемых и направляемых Саудовской Аравией, Пакистаном, Кувейтом и др. Эти организации сыграли огромную роль в финансировании экстремистских организаций Северного Кавказа, выступающих под знаменем ислама. Для них были характерны практически открытая пропаганда панисламистских идей объединения всех мусульман региона для вытеснения России с Северного Кавказа, создания в Северо-Кавказском регионе исламского государства. Политизируя ислам в Дагестане, ДУМД раскачивает лодку, в которой мы все

сидим, и религиозная часть населения, попав под влияние подобных организаций, вряд ли сумеет противостоять им идеологически и экономически. Именно выход ситуации из-под контроля духовенства и власти составляет серьезную угрозу и опасность для Дагестана и Юга России в целом.

При бурном росте исламского самосознания северокавказских народов сохраняется религиозная безграмотность населения. Традиционные духовные управлении мусульман (ДУМ) не владеют ситуацией в должной мере. Экстремистские религиозные течения (так называемые «ваххабиты») имеют серьезную финансовую и идеологическую подпитку из ряда арабских и других исламских государств, тогда как у традиционного ислама положение иное – четкая государственная политика в этой сфере до сих пор не сформирована. Политические технологии, связанные с искусственным созданием национальных, религиозных или иных движений, тайных обществ, а иногда и целых государств, считаются самыми опасными. Ведь нередко такого рода образования выходят из-под контроля их «авторов», начинают развиваться и действовать самостоятельно, часто против тех идей и начинаний, во имя которых они изначально создавались.

В последние годы фактор искусственно созданных политических образований в мировой политике ощущается все болезненнее. Например, для республик СНГ, Центральной Азии нет более живо-трепещущей проблемы, чем угроза экспансии талибов из Афганистана. Между тем, по оценкам практических всех экспертов, движение этих фанатиков, как и других таких же организаций от Кандагара до Алжира, является плодом вышеупомянутых политических технологий. «Талибан» появился еще во времена российско-афганской войны. Он был создан ЦРУ руками пакистанской политической разведки «Эхтесаб» как движение antimоджахедовской направленности. Ведь как бы ни помогали внешние силы, борьба моджахедов была типично национально-освободительной. А задачи национальных движений всегда разумно ограничены и в данном случае сводились лишь к изгнанию оккупантов. Для решения более широких региональных задач требовались силы наднационального характера, которые действовали бы без привязки к интересам конкретной страны или народа. А если таковых нет, то их следует создать. В регионе такой движущей силой стал радикальный религиозный фундаментализм в лице исламского движения «Талибан». Он был удобен еще и потому, что в идеологии талибов заложены

механизмы, тормозящие любые их попытки к развитию и просвещению. Ведь темные, безграмотные толпы просто идеальны для политического манипулирования. И, следуя сценарию США, Афганистан превратился в страну без будущего, выполняющую лишь роль страшилки для всего региона.

Очевидно, что народности Дагестана и остальных республик Северного Кавказа, если вытеснить из их сознания национальные элементы, могут стать неплохим «материалом» для исламизации, а в дальнейшем – талибанизации. С учетом потенциальной политической и экономической нестабильности на Юге России нельзя исключить сценарий частичной «талибанизации» этого региона по американским технологиям. Именно так развивались события в Чечне, куда «Хезбалла» направляла вербованных наемников, которые уже вытесняли местных боевиков на задний план.

По всем признакам создается новый и глобальный «интернационал», который продемонстрировал свою способность «мобилизовать и направлять в «горячие точки» тысячи религиозных экстремистов, провозгласивших своей целью создание «единого мирового исламского государства». Однако для таких масштабных программ нужны деньги, притом очень большие. Именно этот вопрос и стал предметом исследования швейцарского журналиста Р. Лабевьера, опубликовавшего книгу с недвусмысленным оглавлением «Доллары террора. Соединенные Штаты и исламисты». Автор, опираясь на многочисленные факты, доказывает, что исламизм в его наиболее радикальной форме во многом явился порождением деяний США и их союзников. Финансиование же террористов осуществляют люди и организации, весьма далекие от мусульманского мира, но пытавшиеся использовать его для достижения своих политических целей. Среди таких фигурируют ЦРУ и Пентагон, одиозный экс-советник президента США Збигнев Бжезинский в качестве идеолога, «Рэнд корпорейшн» и т.д. По мнению Лабевьера, США, Саудовская Аравия и Пакистан ответственны за развязывание всех без исключения конфликтов последнего десятилетия с участием исламистов. В целом везде, где в последнее десятилетие лилась и льется кровь с участием «защитников ислама», они, сами того не замечая, служили и служат финансовым, а значит – и политическим интересам тех, кого рядовые религиозные фанатики зачастую считают своими самыми заклятыми врагами.

Талибанизация народов по исламской геополитической дуге, проходящая от Афганистана до Северной Африки, создает хрони-

ческую конфронтацию между мусульманскими странами и основными соперниками США – Европой и Россией, попутно разделяя исламский мир на «террористический» и «нетеррористический». Тем самым, по замыслу американцев, заметно упрощается управление всеми этими сегментами. Но в этих политических эволюциях они мало учитывают факторы культурологического, этнопсихологического и т.д. характера. Другими словами, пренебрегают «нематериальной» сферой, особенностью которой является то, что процессы в этой области не могут быть прогнозированы.

В Дагестане сегодня ситуация усугубляется настолько, что можно говорить об откровенном навязывании мусульманского образа жизни, и не только на бытовом уровне, но и через широко распространенную сеть религиозно-образовательных учреждений, периодических изданий, теле- и радиопередач, обширную религиозную литературу как официального, так и неофициального, самостоятельного характера. В условиях, когда насаждение религиозных идей достигает высшей степени интенсивности, очевидно, что в дагестанском обществе происходит заметное отчуждение от светских традиций, и эта ситуация имеет тенденцию к нарастанию. Положение дел в Республике Дагестан складывается таким образом, что мы можем получить второй талибский Афганистан по образу и подобию. Поэтому работники культуры, государственных светских министерств и ведомств, занимающиеся вопросами религии, компетентные в истории традиционного ислама, хорошо разбирающиеся в мусульманской религии, знающие учения выдающихся религиозных ученых Дагестана, способные активно противостоять всякого рода реакционным течениям, должны проводить определенную просветительско-воспитательную работу. А религиозные деятели – не противостоять, не соперничать с ними, а тесно взаимодействовать и заниматься духовной сферой деятельности. Преодоление религиозной безграмотности могло бы стать гарантией невосприимчивости населения к экстремистской идеологии.

«Этносоциальная безопасность Юга России
в условиях глобализации»,
Махачкала, 2008 г., с. 528–535.

**С. Передерий, А. Мозговой,
политологи**

**ЭТНИЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:
УГРОЗЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Анализ многочисленной литературы в этой области, причем как отечественных, так и зарубежных авторов, показал, что, начиная со второй половины 80-х годов и особенно в 90-е годы, международная миграция населения все более приобретает глобальный характер, что стало особенно заметно после крушения социалистического лагеря и распада СССР. Выделение России среди республик бывшего Союза в качестве своеобразного центра притяжения мигрантов, превращение ее из региона, длительное время «отдававшего» людей в их «собирателя», и «прозрачные границы» с большинством из бывших союзных республик создали здесь условия для интенсивной миграции. Резкое обострение межнациональных отношений, обусловленное политическим экстремизмом между бывшими республиками и внутри них, и как результат – потоки вынужденных переселенцев и беженцев, устремившихся главным образом в Россию, также способствовали увеличению масштабов международной миграции в России.

По абсолютной величине суммарного – за счет внутренней и внешней миграции – миграционного прироста населения за последние 15 лет Южный федеральный округ России уступал только Центральному. Необходимо отметить, что наибольшие миграционные потоки в ЮФО наблюдаются в регионах Северного Кавказа. В последнее время эта проблема стала особенно острой. Если средняя плотность населения в целом по Российской Федерации составляет 8,71 человека на 1 кв. км, то в Республике Адыгея она составляет 57,3. Являясь одной из самых густонаселенных российских территорий, Юг России остается одной из самых миграционно привлекательных территорий Российской Федерации. Поэтому миграционная политика российского правительства вызывает в нашем обществе оживленные дискуссии.

Наиболее миграционно привлекателен Краснодарский край, принимающий мигрантов из различных регионов. Но по абсолютным масштабам миграционного прироста лидирует Ставропольский край, который являлся «первой», «наиболее близкой Россией» для русскоязычных жителей Чечни, ведь, как известно, более

300 тыс. русских были вынуждены покинуть свои дома в период военных действий. Своего рода миграционной агрессии подверглись в последние годы ключевые рекреационные территории, и прежде всего – имеющие не только региональное, но и общегосударственное и международное значение районы Черноморского побережья и Кавказских Минеральных Вод. Обращает на себя внимание, что значительная часть мигрантов направляется не просто в хорошо освоенные районы, но в те, где можно, не прилагая особых трудовых усилий, извлекать доходы и свердоходы в форме ренты от эксплуатации природных ресурсов.

Этнические составляющие миграционных потоков на протяжении последнего десятилетия характеризуются изменениями, происходящими в унисон с политическими и этнодемографическими процессами на постсоветском пространстве. Миграционный поток на Северном Кавказе этнически является достаточно пестрым, им охвачено около 120 национальных групп. На основе осмыслиения миграционной ситуации за текущее десятилетие этнические группы, образовавшиеся тут, можно разделить на ряд типов.

Первый тип – представители народов, миграционные потоки которых имеют положительный, но постепенно снижающийся прирост, пусть и падающий в абсолютных цифрах, однако не меняющий вектора. Прежде всего это славяне – русские, украинцы, белорусы. Подобная же динамика миграционных показателей отличает татар, греков и осетин.

Второй тип – этноносители, вектор миграции которых трансформируется с отрицательного на положительный на рубеже 1980–1990-х годов. СК после распада СССР стал привлекательной территорией для грузин, азербайджанцев, туркменов, прибывающих сюда из различных регионов России и бывшего СССР, оказавшихся для них некоторое время назад местом работы и учебы. С 1997 г. приток чеченцев в регионы СК стал существенно превышать их отток.

Третий тип олицетворен представителями этносов, миграцию которых правомерно назвать экспансией, поскольку показатель миграционного прироста у них выражается постоянным возрастанием, что на фоне снижения абсолютных показателей миграции выглядит довольно необычно. В первую очередь речь идет об армянах и даргинцах.

Четвертый тип охватывает этнофоров, у которых вектор миграции изменился с положительного на отрицательный. Правомер-

но говорить о выходцах из Дагестана – аварцах, кумыках, лакцах, агулах. С 1995 г. происходит отток цыган, быстро реагирующих на обострение этнополитической обстановки.

Пятый тип включает этническую группу немцев, которая с 1989 г. претерпевает стабильный миграционный отток, показатель которого постоянно увеличивается. Немцы, приехавшие на Северный Кавказ из Казахстана и республик Средней Азии, используют его в качестве «плацдарма» для дальнейшего движения в Германию.

Миграционные потоки, устремляющиеся в регионы Северного Кавказа, носят угрожающий характер. Происходит образование крупных национальных диаспор, активно вмешивающихся в формирование политического курса страны. Как свидетельствуют многочисленные региональные исследования, межэтнические и межнациональные отношения в большинстве регионов России оцениваются потенциально конфликтопасными. Уже сейчас в республиках РФ раскручивается этноклановая борьба за сферы власти и управления, практикуется протекционизм по национальному признаку при приеме на работу, все более основательно укореняется этническая безработица (ситуация, когда люди одной национальности чаще становятся безработными, чем их соседи другой национальности). Многие приезжие из бывших советских республик пытаются занять ключевые места, навязывают свои традиции и обычаи, не желают ассимилироваться с исконными жителями своего «нового дома». Вместо того чтобы подстраиваться под нормы быта коренного населения, мигранты пытаются подстраивать всех под себя. Любая миграция является в определенной мере злом. Мигранты всегда создают дополнительные проблемы на новом месте проживания. Пока они не ассимилировались, они являются носителями другой культуры, другого образа мыслей. Приезжие стараются селиться компактно, образуя национальные кварталы. Создание подобных районов порождает разнообразные проблемы во всех странах (Гарлем в Нью-Йорке и пригороды Парижа, в которых опасаются появляться даже служители закона). Низкая квалификация многих мигрантов затрудняет поиск достойного рабочего места, в качестве выхода из тяжелой ситуации выступает криминальная деятельность, приносящая средства к комфорtabельному существованию.

Можно сделать вывод, что неконтролируемые миграционные потоки угрожают безопасности России, и вспомнить процесс при-

соединения к США Техаса, который когда-то был частью Мексики. В России возможно повторение такого сценария, и если раньше главные опасения вызывали Дальний Восток и «желтая угроза», то в начале XXI в. можно говорить и о Северном Кавказе.

Для того чтобы обезопасить себя от тяжелой криминогенной обстановки и угрозы территориальной целостности, России необходимо проводить грамотную миграционную политику. Северному Кавказу, как и всей России, нужны мигранты, но они должны быть квалифицированными и заинтересованными в честной деятельности, а не криминальном бизнесе. Выделение комплекса вопросов по положению русского населения действительно является острой необходимостью, поскольку его положение как государствообразующего этноса напрямую определяет безопасность и целостность Российского государства. Необходимо отметить, что положение русских ухудшают масштабная миграция и рост проявлений национализма по отношению к ним со стороны других, более организованных этнических групп. Подобные проявления не являются чем-то новым и фиксировались предыдущими исследованиями. Так, уже отмечалось, что русские ощущают на себе проявления национализма в восемь раз чаще, чем проявляют его сами. Положение славянского населения на Юге России усложняется и вследствие того, что интересы славян фактически игнорируются многочисленными правозащитными организациями и деятелями – как отечественными, так и зарубежными, – оказывающими существенное влияние на политику федерального центра и на формирование международного общественного мнения. Более того, во многих случаях эти организации занимают явно русофобские позиции и играют провокационную роль, способствуя разжиганию этнических конфликтов, оказывая покровительство фашистствующим националистам и сепаратистам и выступая фактически в роли инструментов geopolитических сил, стремящихся к расчленению России.

Возвращаясь к проблеме миграции, мы полагаем, что нельзя пытаться остановить демографическую катастрофу только за счет миграции, как к этому призывает ряд исследователей, ориентирующихся на «западные ценности». (Ежегодная убыль населения порядка 1 млн. в год – это не «депопуляция» в принятом у многих наших статистиков смысле этого термина, а вымирание русского народа с невиданной в истории скоростью.) Действительно, рабочие руки в нашей стране нужны. Но они нам требуются там, где

необходима рабочая сила, а не там, где эти люди сами хотят жить. Более того, у нас есть очень большой резерв в 25 млн. человек наших соотечественников в странах ближнего зарубежья. Мы должны находить им работу и жилье, особенно на наших дальневосточных, сибирских территориях, предоставлять им кредиты. Надеяться только на то, что мы будем привозить иностранных рабочих и тем самым решим проблему, было бы просто преступно. Недавно весь мир убедился в этом на примере Франции. Мы должны отчетливо представлять себе, что многие представители других стран не ассилируются, а наоборот, создают за границей свои анклавы.

Демографическую катастрофу русского народа, а вместе с тем и гибель Российской государственности может остановить только принципиально новый курс социально-экономической политики.

«Современный Кавказ: Геополитический выбор»,
М.-Пятигорск, 2009 г., с. 88–91.

Камалудин Гаджиев,
доктор исторических наук
КАВКАЗ: МЕЖДУ ЕДИНСТВОМ
И ФРАГМЕНТАЦИЕЙ

С незапамятных времен Кавказ рассматривался как один из важнейших геостратегических регионов. Он находится почти в самом центре евразийского континента, занимая весьма выгодное экономико-географическое положение на одном из оживленных перекрестков мировых коммуникаций. Это – специфический регион, обладающий своим особым обликом, со своими особенностями территориально-географического, исторического, социально-экономического, этнонационального, социокультурного, конфессионального и иного характера. Базовые характеристики Кавказа в значительной степени определяются фактором месторасположения, физико-географическими, территориально-пространственными, климатическими и иными особенностями, которые на протяжении всей истории оказывали и продолжают оказывать глубокое влияние на его этнонациональный состав, исторические судьбы народов и стран, конфигурацию политической карты и т.д. В данной статье предпринята попытка выделения и анализа некоторых важных для

понимания современных реалий региона аспектов данной проблемы.

Крайне рассеченная топография, создающая значительные барьеры на пути интеграции различных народностей и племен, во многом помогает объяснить резко бросающиеся в глаза этническую разнородность Кавказа, факт заметной фрагментации и локализации этнической идентификации. Этому способствовал и тот факт, что постоянные войны и разного рода конфликты составляли одно из основных занятий проживающих здесь народов, не всегда живущих в мире и согласии и имеющих друг к другу немало претензий территориального и иного характера. Здесь зачастую общинные, племенные, местные, региональные идентичности (например, в Грузии – мегрельская, кахетинская, имеретинская, аджарская и др.) приобретают не меньшую значимость, чем просто политико-гражданская идентичность. Это, в свою очередь, создавало условия для сохранения весьма широкого спектра разнообразных культур и языков, что стало естественной основой консервации традиционного образа жизни и оказalo значительное влияние на формирование особого менталитета народов Кавказа.

В регионе проживает множество народов и этнонациональных групп, имеющих друг к другу немало претензий территориального и иного характера. Здесь сошлись ведущие мировые религии, прежде всего христианство и ислам, Запад и Восток, Европа и Азия, Север и Юг. В течение многих столетий Кавказ находился либо в эпицентре серьезных geopolитических катализмов, либо стоял на пути масштабных имперских войн. Борьба за стратегически важный регион сталкивала здесь интересы Византии, Персии, Османской империи, России.

В данном контексте нельзя не затронуть следующий вопрос. В развернувшихся ныне по всему Кавказу, да и не только, дискуссиях, спорах и конфликтах многие их участники для обоснования неких исторических прав на те или иные территории зачастую используют неприемлемые с научной точки зрения приемы и аргументы, произвольно трактуя реальные исторические факты, которые зачастую не могут быть подкреплены достоверными сведениями и документами. Например, азербайджанцы претендуют на Дербент и Южный Дагестан, утверждая, что они составляли исключную территорию Азербайджана, а лезгины Южного Дагестана, в свою очередь, требуют воссоединения с территорией нынешнего Северного Азербайджана, где с незапамятных времен компактно

проживают народы лезгиноязычной группы. Ссылками на историю Карабах обосновывает свое стремление к независимости, а Азербайджан, в свою очередь, в попытках вернуть Карабах в свое лоно также апеллирует к истории.

В рамках требований о восстановлении исторической справедливости Тбилиси обосновывает свои претензии на территорию Абхазии ссылками на якобы неабхазский характер Абхазии до XVII в. Со своей стороны абхазы, никоим образом не желающие возвращаться под юрисдикцию Грузии, могут использовать тот факт, что территория нынешней Абхазии была некогда попеременно частью Древнего Рима, Византии и Персии. В разное время ею с большим или меньшим успехом пытались завладеть арабы, генуэзские колонисты. Они могут обосновать свои претензии на суверенитет ссылками на Абхазское царство, существовавшее в IX–X вв. В этой связи уместно напомнить, что с конца XV в. до начала XIX в. Абхазия находилась под властью Турции. В то же время правители Абхазии находились в той или иной форме и степени (номинальной или действительной) вассальной зависимости от тех или иных грузинских царств и княжеств или же в союзе с ними. Могут привести и тот довод, что зависимость Абхазии от грузинских царств и княжеств была эпизодической и зачастую номинальной и т.д.

Подобная историческая аргументация в той или иной форме используется во всех других спорах и конфликтах, определяющих облик современного Кавказа. Результатом такого подхода стало разделение народов региона на автохтонные и пришлые, хозяев и гостей, титульные и нетитульные и т.д. Однако, как представляется, экскурсы в дебри истории для поисков обоснований тех или иных позиций по данному вопросу представляют собой весьма шаткий путь доказательства древности одних народов и отказа в этом праве другим народам, а тем более – построения на этом зыбком фундаменте идеологии государства так называемой титульной нации. Суть вопроса состоит в том, что право того или иного народа на территорию проживания определяется не столько некими историческими прецедентами, сколько самим фактом проживания на этой территории. Тем более вопрос о территориальной принадлежности того или иного района Кавказа настолько запутан, что порой определить, какая из вовлеченных в спор сторон обладает на него «историческим правом», что здесь истина, а что вымысел, представляется весьма трудным, если не невозможным делом.

Историю ни одного кавказского народа невозможно рассматривать изолированно, вне рамок общекавказского исторического процесса и того социокультурного фона, который представляет собой результат созидающей деятельности всех народов Кавказа. Им никуда не уйти как от своей истории и земли, так и друг от друга. Расположенный на стыке Европы и Азии, Кавказ всегда являлся одним из важнейших регионов разносторонних контактов между странами Ближнего и Среднего Востока, а также Восточной Европой. История региона с незапамятных времен характеризовалась переселениями и миграциями народов, изменениями, порой существенными, ареалов заселения тех или иных народов, беспрерывными перекроjkами государственных границ и т.д. Через его территории с глубокой древности проходили многие племена – от киммерийцев и скифов до разнообразных тюркских племен. Часть их оставалась на Кавказе и, смешиваясь с автохтонным населением, создавала новые этнические общности. Немаловажное значение с рассматриваемой точки зрения имели внутренние миграции представителей различных этносов в различных направлениях, особенно с Северного Кавказа в Закавказье и обратно с юга на север.

Эта тема довольно обстоятельно исследована в отечественной исторической и политической науке. Здесь отметим лишь тот факт, что в течение многих столетий этнокультурные сообщества Кавказа не имели сколько-нибудь устойчивых и крепких скрепов, способных объединить их на длительное время в сколько-нибудь крупные, действительно суверенные и жизнеспособные государства. Для них эфемерные квазигосударственные, субгосударственные формы правления были не исключением, а правилом. Их члены разделяли общее название, общий миф о происхождении, общую историю и специфическую культуру, при этом ассоциируя себя с конкретной территорией. Естественно, они разделяли также общее чувство солидарности, хотя и не в государственно-политическом смысле в современном понимании этого слова.

На территории современной Грузии более или менее самостоятельные княжества сохранялись под сюзеренитетом Османской империи на западе и Ирана – на востоке. С приходом русских в конце XVIII – начале XIX в. оставшиеся грузинские князья потеряли свои троны. В XIV в. Армения потеряла свою государственно-политическую идентичность. Армяне, разбросанные по трем империям – Османской, Персидской и Российской, – нигде не составляли компактное большинство, кроме как на территориях вокруг

Еревана, где в результате миграций в ходе серии русско-турецких войн они заняли господствующие позиции. Что касается территории нынешнего Азербайджана, то во второй половине XVIII в. на кануне его присоединения к России там сложилось около 15 государственных образований – ханств, наиболее крупными из которых были Шекинское, Карабахское и Кубинское. Существовали и более мелкие феодальные владения – наибства и меликства.

Особенно отчетливо этническая и политическая раздробленность была характерна для Северного Кавказа. К началу XIX в. Северный Кавказ оставался политически раздробленным на множество самостоятельных или полусамостоятельных государственных образований. Так, в одном только Дагестане насчитывалось более десяти феодальных владений и несколько десятков союзов сельских общин. В тот период крайней раздробленностью и наличием многих независимых друг от друга обществ характеризовались Чечня и Ингушетия. Такая разобщенность особенно была присуща горным районам, где тейпы объединялись в территориальные союзы или ассоциации, так называемые тухумы, джамааты, что служило серьезным препятствием к внутреннему преодолению политической дробности, созданию сколько-нибудь прочных политических объединений. Разделенными на множество политических образований оставались адыги. Здесь каждый князь или крупный дворянин одновременно являлся и правителем своего владения. То же самое можно сказать о Кабарде, где феодальные отношения были более развиты по сравнению с другими адыгскими областями.

Иными словами, политическая и этническая раздробленность сохранилась на всем Северном Кавказе вплоть до присоединения к России. Все это позволяет сделать вывод, что политическая жизнь на протяжении всей истории Кавказа вплоть до его присоединения к России в конце XVIII – начале XIX в. характеризовалась партикуляризмом, была лишена единой территориально-политической или этнокультурной идентичности.

Этим во многом объясняется тот факт, что при образовании новых независимых государств на Кавказе сначала после октябрьского переворота 1917 г. и в наши дни после распада СССР многие ставили под сомнение их правомерность и легитимность. Действительно, в регионе претензии конкретных этносов на те или иные территории путем ссылок на историю зачастую имеют под собой весьма зыбкие основания и не всегда могут служить достаточным основанием легитимности или нелегитимности того или иного го-

сударства. Мы можем, например, как заклинания, повторять рассуждения о том, что Азербайджан как государство не существовал вплоть до провозглашения Азербайджанской демократической республики в 1918 г., что она есть «искусственное создание муссаватистов и коммунистов» и т.д. Но никуда не деться от того самоочевидного и неоспоримого факта, что в настоящее время Республика Азербайджан существует как самостоятельное независимое государство, признанное всем мировым сообществом в качестве суверенного и равноправного субъекта международных отношений и, соответственно, международного права.

Если исходить из вышеприведенных установок, причем принимая их в качестве весомого аргумента «за» или «против», то Азербайджан действительно не имеет права на существование, поскольку, как уже говорилось, на территории нынешнего Азербайджана до ее присоединения к России существовали 15 ханств и ряд других феодальных владений. Однако хотел бы я увидеть и услышать того человека, который назвал бы в современном мире хотя бы одно «не искусственное» государство. Профессиональный историк прекрасно сознает, что такого самопроизвольно, естественным образом образовавшегося государства просто не существует. Чтобы убедиться в этом, достаточно обозреть исторические вехи и перипетии формирования политической карты современного мира. Кто может утверждать, что Соединенные Штаты Америки, Германия, Франция, Италия, Россия – не «искусственные» образования, созданные волей и гением сформировавшихся в их границах народов и их руководителей путем переселений, миграций, завоеваний, вторжений, войн, насилий, порабощений, слияний, ассимиляций (как добровольных, так и принудительных) и т.д. и т.п.? Латиноамериканские и африканские государства, Индия, Пакистан (вообще такого названия не существовало), Венгрия, Израиль... Одним словом, этот список в общем и целом совпадает со списком стран – членов Организации Объединенных Наций.

Можно сказать, что такими же искусственными образованиями являются все три южнокавказские республики. Суть вопроса состоит в том, что в реальностях современного мирового порядка нужно исходить не только из исторических или каких-либо иных прав и преимуществ, но и из самого факта существования того или иного государства. Поэтому рассуждения относительно легитимности или нелегитимности того или иного государства не всегда кор-

ректно обосновывать ссылками на исторические или иные подобные им аргументы.

Что касается Кавказа, то ни регион в целом, ни Южный Кавказ и Северный Кавказ в отдельности никогда не были политическими понятиями. Контуры политической карты Кавказа почти всю его историю зависели от исхода борьбы между различными сопредельными с ним империями. Регион действительно обладает определенными исторически обусловленными устойчивыми особенностями политического, социокультурного, языкового характера, типологически отличающими его от соседних регионов. Это, прежде всего, близость исторических судеб, национально-культурных традиций, менталитета, путей эволюции составляющих его народов. Причем независимо от того, сознают это сами эти страны и народы или нет. Эта специфика прослеживается на протяжении, возможно, всей писаной истории региона. Свою специфику имел в регионе и процесс консолидации и образования этнических групп и народов. Одна из важнейших особенностей этого процесса состояла в том, что формирование и выживание этих групп и народов не всегда напрямую были связаны с государственными образованиями.

Здесь в силу комплекса факторов медленно изживались феодальные, патриархальные, клиентелистские и иные элементы социокультурной матрицы и политической культуры, существенно тормозившие развитие экономики и политической системы. Они значительно позже, чем большинство народов Европы, вступили на путь капиталистической модернизации. Живучесть позиций полуфеодальных групп и аристократии в политической жизни, устойчивость консервативных ценностей, конфессионального начала в общественном сознании обусловили особую противоречивость и затянутость процесса утверждения ценностей, институтов отношений гражданского общества, рыночной экономики и правового государства.

Немаловажный отпечаток на политический ландшафт и состояние умов народов Кавказа накладывало то, что для него почти во все времена было характерно существование весьма сложного и запутанного клубка проблем и противоречий, которые слишком часто становились причиной ожесточенных споров и кровавых конфликтов и войн между различными народами и странами региона. В то же время он был в некотором роде яблоком раздора между соперничающими великими державами, граничащими с ним

на западе, востоке и юге. Тысячи лет регион представлял собой либо буферную зону между конкурирующими империями, либо составную их часть. С незапамятных времен в регионе были проложены границы, разделяющие ареалы обитания этносов, принадлежащих порой к различным культурно-цивилизационным кругам, нередко враждебным друг другу: Византия, Парфия, арабы, монголы, тюрки, Персидская, Османская и Российская империи, христианство и ислам, суннизм и шиизм, народы, принадлежащие к кавказско-иберийской, тюркской, семито-хамитской семьям, различным ответвлениям индоевропейской семьи, сталкивались здесь, порождая почти неразрешимые противоречия и конфликты.

Что касается непосредственно нынешнего положения Кавказа, то нельзя не обратить внимания на тот факт, что само понятие «Кавказ» не имеет четкого определения, тем более что здесь этнические границы не совпадают с государственными и даже с государственно-административными границами. В пространстве Большого Кавказа можно выделить несколько подпространств – сугубо географическое, культурно-языковое, историческое, этническое, конфессиональное, экономическое, политическое, которые, налагаясь друг на друга и дополняя друг друга, создают многомерное, сложное, обремененное противоречиями, конфликтами и нестабильностью геополитическое пространство, соприкасающееся на юге с Ближне-Средним Востоком, на востоке – с Прикаспийской Центральной Азией, на западе – с Причерноморским регионом.

В политическом плане Кавказ разделен на две части: Северный Кавказ входит в состав Российской Федерации, а Южный Кавказ занимают три независимых государства: Азербайджан, Армения и Грузия. Необходимо учесть и то, что ряд авторов включают в данный регион как территории, занимаемые северокавказскими национальными республиками Российской Федерации, так и территории Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев. Другие же, исходя из чисто этнодемографических критериев, ограничивают его территориями, заселенными коренными горскими народами, политически оформленными в национальные республики.

Все же весьма трудно, если не невозможно, провести сколько-нибудь четко очерченную линию разграничения между Предкавказьем и Северным Кавказом, если исходить, например, из такого критерия, как ареалы расселения русских и собственно

кавказских этносов. Эта связь станет особенно очевидной, если учесть этнодемографический состав населения этих регионов. Как известно, территории Предкавказья и Северного Кавказа в течение XVII–XIX вв. интенсивно заселялись русскими, украинцами и представителями других народов. Одновременно в Предкавказье шли миграционные потоки представителей как закавказских народов – армян, грузин, азербайджанцев, так и горских народов Северного Кавказа. В Ставропольском и Краснодарском краях значительную часть населения составляют выходцы из северокавказских национальных республик и стран Закавказья, сохраняются этнические анклавы автохтонного населения, которые в начале 90-х годов преобразованы в Республику Адыгея и Карачаево-Черкесскую Республику. В четырех субъектах Российской Федерации – Ставропольском крае, Дагестане, Чечне и Карачаево-Черкесии – расселены ногайцы. С другой стороны, реальностью является наличие довольно больших масс русского населения в северокавказских республиках. Более того, в Карачаево-Черкесии и Адыгее русские численно превосходят автохтонное население.

Поэтому при анализе места и роли Кавказа как в мировой политике, так и в политической стратегии России весь регион следует рассматривать как единое целое безотносительно к государственным, административным, этнонациональным и иным границам, разделяющим его изнутри. Обоснованность такого подхода определяется общностью целого ряда основополагающих проблем, таких как тесные многовековые экономические, культурные, политические и иные связи, общность исторических судеб, близость форм, стандартов и стереотипов поведения, особенности менталитета и др. У народов Кавказа есть целый ряд общих целей и интересов, особенно в плане обеспечения и поддержания в регионе мира и стабильности, преодоления последствий войн и конфликтов, предотвращения нового витка конфронтации, защиты его этнокультурного и природно-экологического своеобразия.

Однако при всем единстве и однородности стоящих перед Кавказом как единым регионом проблем приходится говорить также о довольно широком диапазоне различий между населяющими его народами и отдельными государствами с точки зрения как природно-географических условий, наличия тех или иных ресурсов, факторов и видов хозяйственной деятельности, транспортной инфраструктуры, так и интеллектуального потенциала, качества рабочей силы, менталитета и т.д.

В свете всего изложенного возникает вопрос: «Можно ли считать Кавказ особой цивилизацией или неким единым культурно-цивилизационным ареалом и можно ли говорить об особой кавказской цивилизации?» Здесь, вынося за скобки споры и дискуссии в мировой и отечественной гуманитаристике о природе и критериях определения цивилизации, считаю целесообразным ограничиться констатацией позиции автора статьи, согласно которой Кавказ можно рассматривать как некий культурно-цивилизационный круг, состоящий из множества в чем-то взаимосвязанных, а в каких-то важных аспектах противоречащих, конфликтующих друг с другом субкультур, этнонациональных, конфессиональных, лингвистических, национально-культурных, региональных и иных элементов и пластов, каждый из которых включает множество групп с собственной специфической для нее индивидуальностью.

Здесь при общей численности населения не более 30 млн. человек не просто разные этносы и народы, а этносы и народы, принадлежащие к разным языковым семьям: грузины, горские народы Дагестана, вайнахской и адыгской групп и др., относящиеся к иафетической или кавказско-иберийской семье; азербайджанцы, кумыки, ногайцы, карачаевцы, балкарцы и др. – к тюркской; осетины, талыши и др. – к иранской ветви индоевропейской группы; армяне – к индоевропейской; таты – к семито-хамитской и т.д. Народы Кавказа исповедуют большинство существующих в современном мире религиозных верований: грузины – православие, армяне – монофизитскую ветвь христианства, горские народы Дагестана и народы вайнахской и адыгской групп – суннизм, азербайджанцы – шиизм, таты – иудаизм, и т.д.

Тем не менее нельзя сказать, что на Кавказе существуют две, три, четыре, множество цивилизаций. Даже признавая, что здесь сохранились фрагменты прежних – древних или средневековых цивилизаций, нельзя не признать также то, что длительный опыт совместного проживания, общая историческая судьба в значительной степени подвергли нивелировке многие различия сугубо цивилизационного характера. В этом плане Кавказ отличается, скажем, от ближневосточного или центральноазиатского культурно-исторических кругов. В отличие от западной христианской цивилизации, базирующейся на единой для каждой из них историко-культурной и конфессиональной инфраструктуре, многообразие и разломы коренятся в самой инфраструктуре кавказского культурно-цивилизационного круга. Этим, по-видимому, в значительной

степени определяется преобладание в регионе конфликтных, центробежных, дезинтеграционных, сепаратистских начал над консенсусными, центростремительными, интеграционными началами.

Кавказ – это трансграничное пространство, где веками протекали сложные процессы диффузии культур, обычаяев, традиций, ценностей многих народов мира, пограничная зона между различными мирами, но при этом он сформировал свойственную только ему уникальность. Вполне естественно, что этническое, конфессиональное, культурное пространство Кавказа в результате смешения внутренних и внешних миграционных потоков не имеет четких границ. Оно не заканчивается на южной государственной границе Российской Федерации или северной границе южнокавказских государств, а простирается на территорию как Азербайджана и Грузии, так и Российской Федерации. В частности, это пространство включает территории, занятые такими этносами, как абхазы в Абхазии, осетины, проживающие в Южной Осетии, лезгины в Азербайджане и т.д. С точки зрения этнического, традиционного, социокультурного, языкового и др. аспектов они могут быть отнесены к Северо-Кавказскому региону, хотя с точки зрения юридически-правового, политического они входят в состав разных государств.

Тем не менее почти все этносы в условиях взаимопроникновения этнических и даже культурных границ вынуждены уживаться вместе. В результате они образуют уникальный многонациональный и многоконфессиональный ареал, глубоко инкорпорированный в своеобразную географическую нишу.

«Власть», М., 2009 г., № 10, с. 70–75.

**Н. Миллер,
политолог**
**КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Предпосылками к становлению Каспийского региона в качестве самостоятельной геополитической общности явились распад СССР с последующим ослаблением позиций России в южных постсоветских государствах. Стремление республик Закавказья и Центральной Азии закрепить новый, суверенный статус послужило для крупных мировых и региональных политических сил поводом

для начала целенаправленных действий по вовлечению этих стран в сферу своего влияния. Каспийский регион относится к типу «функциональных» регионов, и его формирование было призвано способствовать решению задач целым рядом политических акторов. Концепция региона изначально формулировалась как инструмент экспансионистских устремлений крупных западных держав, связанных с проникновением на ранее «закрытое» постсоветское пространство. Весьма различные по многим параметрам новообразованные государства региона стали рассматриваться как единое целое именно вследствие такой их общей характеристики, как отсутствие какого бы то ни было опыта самостоятельной внешней политики, а равно и достаточных ресурсов для независимых действий на международной арене. Исходя из этого, ядром региона следует признать территории восьми южных постсоветских государств.

Наличие на территориях ряда этих государств крупных запасов энергетических ресурсов способствовало формированию образа сырьевого региона, своего рода «энергетической кладовой». Замкнутость данного пространства, его изолированность, вместе с необходимостью создания путей доставки энергоносителей на мировой рынок, а также стремление ряда внешних акторов снизить влияние традиционно доминировавшей в регионе России, вызвали к жизни концепцию «нового Шелкового пути», призванного переориентировать существующие транспортные потоки. Это обусловило формирование образа «региона – транспортного коридора». Отсутствие действенной системы безопасности на данном пространстве и его расположение между несколькими влиятельными политическими акторами, выступающими в роли самостоятельных геополитических единиц, предопределило восприятие региона в качестве своеобразной «буферной зоны», а обилие актуальных и потенциальных этнических, территориальных и иных конфликтов привело к появлению образа «зоны нестабильности».

Взаимодействие этих и других образов пространства формирует несколько концептуальных границ региона, иногда совпадающих с государственными, а иногда пересекающих их. Каждый из таких образов, являясь результатом осмысления акторами собственных интересов и пространственных реалий, оказывает серьезное влияние на динамику политических процессов в регионе, во многом предопределяя становление и задавая вектор развития региональной системы политических отношений. В зависимости от того,

какое конкретное проблемное поле и соответствующий ему образ анализируются, в регион включаются либо только территории бассейна Каспийского моря, либо территории государств (всех или только обладающих крупными энергетическими запасами), либо чрезвычайно широкое пространство, пределами которого выступают по линии «восток–запад» Памир и Черное море, а по линии «север–юг» – российско-казахстанская граница и Персидский залив. Политические проблемы, одна часть которых вписана в глобальный уровень политики, другая – в региональный, создают различные «карты региона», т.е. слои, «срезы» отношений, касающихся разных географических пространств.

В результате применения проблемно-ориентированного подхода к Каспийскому региону может быть выделено несколько взаимопересекающихся проблемных блоков, играющих наиболее важную роль в формировании каспийской региональной системы: вопросы контроля на постсоветском пространстве; проблемы добычи и транспортировки энергоносителей; этнонациональные конфликты; проблемы, связанные с характером политических режимов; проблемы региональной безопасности. При этом достаточно оправданной представляется познавательная модель, согласно которой и особенности политических режимов, и энергетические ресурсы, и региональные конфликты рассматриваются как инструменты geopolитического противоборства, а логика развития ситуации в данных проблемных блоках связывается с действиями конкурирующих «суперакторов». Основными акторами в такой схеме выступают крупные государственные образования, как глобального, так и регионального уровня. Среди интересов каждого из них, и в первую очередь России и США, – установление контроля над регионом. Основным путем решения этой задачи является воздействие на региональные элиты с целью увеличить их зависимость от того или иного заинтересованного игрока. Осуществление такой привязки достигается прежде всего за счет увеличения экономического (участие в добыче и транспортировке энергетических ресурсов, приобретение важных экономических объектов и т.д.) и военного (размещение военных баз, сотрудничество в сфере безопасности) присутствия заинтересованных государств. Используемые инструменты давления чрезвычайно разнообразны и варьируются от финансовой помощи и предоставления кредитов до критики политических режимов и поддержки оппозиционных сил и сторон в вооруженных конфликтах.

При решении вопросов о получении контроля над нефтяными и газовыми ресурсами и о маршрутах их транспортировки особенно ярко проявляется влияние факторов политического характера. Освоение ресурсов региона стало предметом острого соперничества, в котором региональная активность Запада в целом направлена на уменьшение влияния России. Однако для каждого актора соотношение экономических и политических факторов при целеполагании различно, причем для американской администрации вопрос контроля над транспортировкой углеводородов носит скорее инструментальный характер, и такой контроль является лишь промежуточной целью, в то время как для европейских государств и ряда транснациональных компаний диверсификация источников поставок служит ключевым мотивом активности в регионе.

Хронологическое совпадение наиболее значительных событий в сфере нефтяного и газового сотрудничества с обострением региональных конфликтов и увеличением числа террористических актов во всех странах, имеющих отношение к каспийской нефти, позволяет констатировать тесную связь вопросов контроля на постсоветском пространстве и транспортно-энергетического проблемного блока с проблемами этнонациональных конфликтов. Актуальность последних для всех крупных региональных государств (России, Турции, Ирана) вкупе с наличием у каждого из них инструментов, способных существенно ухудшить положение друг друга в данной области, а также слабая предсказуемость последствий их применения, играют роль сдерживающего фактора в их региональной политике, сходную с ролью ядерного оружия на глобальном уровне. В то же время для западных государств, и особенно США, во внутренней политике которых проблемы сепаратизма не столь значимы и на безопасности которых конфликтное развитие событий в Каспийском регионе непосредственно не отражается, такие сдерживающие факторы отсутствуют. Поэтому дестабилизация вполне отвечает логике американских стратегических планов по интернационализации конфликтов и вводу международного миротворческого контингента, позволяющих США создать дополнительные возможности по закреплению в регионе.

Проблема обострения конфликтов тесно взаимосвязана с особенностями политических режимов в регионе и с проблемами механизмов передачи власти. За редким исключением в южных постсоветских государствах, особенно в центральноазиатских, имеются давние традиции авторитаризма, характерные в целом для

«восточного типа» государственного управления. При этом динамика американской политики по отношению к этим режимам позволяет предположить, что требования соблюдения демократических норм и прав человека хотя и будут усиливаться, но станут все более формальными и «инструментальными». Противоречивость ситуации заключается в том, что, теоретически не вписываясь в рамки «нового мирового порядка», формируемого США, постсоветские авторитарные режимы на практике могут оказываться более удобны для достижения поставленных целей. Вместе с тем можно ожидать подготовки новых «цветных революций» там, где выстраивание отношений по этой схеме Западу не вполне удаётся.

Вопросы функционирования авторитарных политических режимов в регионе тесно связаны с проблемами безопасности. Именно здесь наглядно проявляются «конфликты логик» крупных акторов, вынужденных, действуя в различных подсистемах отношений, по-разному формулировать свои интересы в связи с одной и той же проблемой. Политика США в области прав человека в регионе, которую в подсистеме американской энергетической безопасности более целесообразно в краткосрочной перспективе основывать на трактовке критики в этой сфере как инструмента получения уступок в вопросе контроля над энергоносителями, с точки зрения долгосрочной стратегической стабильности должна базироваться на реальных мерах по улучшению социально-экономической ситуации в государствах региона.

Военное присутствие США в Центральной Азии, которое в какой-то мере помогло снизить угрозы распространения в регионе терроризма и исламского экстремизма, в то же время усиливает традиционные угрозы межгосударственного типа и вступает в противоречие с интересами России в сфере добычи и транспортировки энергоносителей и создания транспортных коридоров. Новые вызовы в дополнение к межгосударственным угрозам могут поставить под сомнение тезис об «игре с нулевой суммой» в регионе, однако переоценивать степень общности интересов России и США в сфере борьбы с терроризмом нецелесообразно.

Одной из важных составляющих комплекса проблем безопасности в регионе является развитие международной криминальной деятельности, причем не только в сфере терроризма. Так, не менее серьезную угрозу представляет наркотрафик, причем после свержения режима талибов наблюдается резкое увеличение потока наркотиков из Афганистана. Проблемы бедности, безрабо-

тицы и растущей дифференциации доходов различных социальных групп, характерные не только для южных постсоветских государств, но и для российских республик Северного Кавказа, создают высокий уровень социальной напряженности в регионе и служат питательной средой для общего роста преступности, расширения влияния радикальных исламских группировок и усиления этнонациональных и конфессиональных противоречий.

Среди важных тенденций развития региона в ключевых проблемных полях можно отметить следующие. Усиливаются борьба за контроль над региональными постсоветскими государствами и конкуренция за обладание их ресурсным потенциалом. Повышается активность западных государств, и в первую очередь США, по закреплению своего присутствия в регионе. Долгосрочное воздействие военного присутствия на динамику региональной системы далеко не однозначно и может являться источником дестабилизации. Становится все более заметным агрессивное внешнее вмешательство в политические процессы в регионе. Расширяется использование разрушительного потенциала тлеющих в Каспийском регионе конфликтных очагов, и наблюдается желание ряда как западных, так и региональных сил добиться интернационализации конфликтов. Обстановка в государствах региона, где во многих случаях продолжается борьба за власть, остается весьма противоречивой и неустойчивой. Можно прогнозировать резкую дестабилизацию в этих государствах по мере ухода действующих региональных лидеров, причем не исключены вооруженное противостояние и приход к власти экстремистски настроенных группировок. Таким образом, регион в перспективе с весьма высокой вероятностью может стать зоной нестабильности и постоянным источником угроз региональной и мировой безопасности. При этом конфликтный потенциал формирующейся региональной системы так велик, а проблемные комплексы настолько сложны, что изменить направление сложившихся тенденций ее развития представляется возможным только путем координации и объединения усилий всех значимых политических акторов регионального и глобального уровней. Однако несовпадение экономических, политических, идеологических интересов крупнейших из них (США, ЕС, России, Турции, Ирана, Китая) в настоящее время приводит к жесткому противоборству на региональном пространстве. Представляется целесообразным выделить несколько ключевых параметров,

которые в наиболее существенной степени будут влиять на перспективы России в Каспийском регионе.

Во-первых, характер изменений региональной политики самой России.

Во-вторых, динамика позиций внешнеполитических элит ведущих западных держав, и прежде всего США.

В-третьих, процесс трансформации авторитарных политических режимов, функционирующих в государствах региона, и динамика их внутренней политики.

В-четвертых, действия различных политических сил, создающих угрозы безопасности региона, отличные от традиционных (межгосударственных). При этом все данные факторы следует рассматривать как тесно взаимозависимые, а на основе того или иного их сочетания можно построить несколько основных сценариев развития политической ситуации в регионе.

Наиболее важными здесь представляются (по критерию имеющихся возможностей воздействия на регион) позиции США и России и состояние российско-американских отношений, поскольку политика региональных постсоветских государств во многом производна от них. Террористическая же активность пропорциональна расширению социальной базы терроризма и в этом смысле зависит от внутриполитической динамики в государствах региона. Наряду с этим полностью устранить или снизить влияние этого фактора вне зависимости от характера политики всех акторов в ближайшем будущем навряд ли удастся, поэтому он может рассматриваться как некоторый относительно устойчивый «прогнозный фон», в краткосрочной перспективе имеющий тенденцию к повышению.

В связи с этим представляется оправданным выделить как минимум четыре основных прогнозных сценария: «агрессивная политика США – “реактивная” политика России»; «агрессивная политика США – “превентивная” политика России»; «уменьшение активности США в регионе – активная политика России»; «стратегическое соуправление регионом».

Первый сценарий по сути предполагает продолжение текущих тенденций в политике всех значимых акторов. Отношения России и США на региональном пространстве становятся все более конфликтными. В политике США по отношению к региону остается ключевой установкой передел сфер геополитического влияния и ослабление позиций России. Тем не менее как США, так и Россия

удерживаются от прямого военного вмешательства в региональные конфликты. Продолжается информационная и экономическая война против России, которую облегчает отсутствие четко сформулированной российской стратегии. Авторитарные режимы региона балансируют свою внешнюю политику, используя российско-западные противоречия; баланс складывается не в пользу России, в том числе вследствие непривлекательности ее модели общественного развития и допускаемых ею политических и «политтехнологических» ошибок. При этом ни одна из сторон не предпринимает реальных усилий по демократической трансформации этих режимов. Рост общественного расслоения и обострение социально-экономических проблем в государствах региона ведут к расширению социальной базы террористических и иных криминальных организаций. Итогом этого становится приход к власти в региональных государствах наиболее радикально настроенных сил, действующих под исламскими лозунгами. США проводят ряд военных операций в регионе с не более успешными результатами, чем в Афганистане и в Ираке, и регион надолго превращается в зону нестабильности и постоянный источник угроз региональной и мировой безопасности.

Второй сценарий предполагает активизацию каспийской политики России, ее логичное концептуальное и институциональное оформление, минимизацию политических просчетов и создание адекватных ответов – политических, идеологических, экономических – на вызовы, исходящие от США. Предпринимаются попытки построения системы безопасности и экономического пространства под руководством России, культивирования в государствах региона пророссийски ориентированной оппозиции и т.д. Однако рассмотрение при этом США и Запада как основных стратегических противников (необходимость чего обуславливается их агрессивным антироссийским курсом и нежеланием его корректировать) ведет к втягиванию в новую «холодную войну» на региональном пространстве, которую, как известно, проигрывает противник, располагающий меньшими ресурсами. К тому же необходимость собственными силами борьбы с проблемами терроризма в регионе, для разрешения которых с очевидностью требуются согласованные с Западом коллективные действия, ведет к неэффективному расходованию ресурсов, а в конечном итоге – к дестабилизации ситуации и потере рычагов воздействия на регион обеими сторонами.

Третий сценарий предполагает достаточно быстрый уход США из региона (преднамеренный или вынужденный – вследствие необходимости высвобождения ресурсов на другие направления политики или очевидной неспособности контролировать ситуацию и несения неприемлемых потерь) одновременно с наращиванием экономического и военного потенциалов России в регионе. При этом Россия наряду с geopolитическими и экономическими приобретениями, вытекающими из этой ситуации, принимает на себя основное бремя ответственности за стабильность в регионе, которое она в краткосрочной перспективе не в состоянии нести. Наиболее вероятный итог – одновременное ведение нескольких локальных антитеррористических операций, полное истощение ресурсов с последующими угрозами потери территориальной целостности, насильственной смены власти и т.п.

Четвертый сценарий – сочетание внятной политики России, не исключающей возможности «игры с ненулевой суммой» на региональном пространстве, с аналогичной готовностью западных держав на кооперационные отношения в регионе. Стороны осознают взаимовыгодность экономического сотрудничества, совместного развития нефтяных, транспортных и иных проектов. Наблюдается понимание необходимости реального, а не декларативного объединения усилий в борьбе с общими угрозами, и происходит отказ от конфронтационной политической риторики. Выстраивается система «соуправления» регионом, в которой Россия, вследствие занимаемого ей геополитического положения, постепенно занимает лидирующие позиции, при этом гарантируя соблюдение разумных и умеренных (преимущественно экономических) интересов западных государств.

Очевидно, что первый сценарий крайне опасен для России; во втором и в третьем, хотя и предполагается большая свобода действий, также преобладают негативные для России последствия; четвертый же открывает перед ней наибольшие возможности. В то же время анализ политических процессов, протекающих в Каспийском регионе, позволяет с наибольшей вероятностью предположить реализацию первого сценария, с несколько меньшей – второго и третьего. Четвертый же сценарий представляется крайне маловероятным вследствие видимого отсутствия политической воли сторон.

В заключение следует отметить, что в последнее время наряду с усилением активности западных государств, направленной на

закрепление в регионе, наблюдается и тенденция к новой концептуализации региональных границ. Так, в мировом информационном поле появляются и популяризируются концепты «Балто-Черноморско-Каспийский регион», «Регион трех морей» (Каспийское, Средиземноморское, Черное моря) и другие, призванные на смысловом уровне «открыть» регион с использованием таких «аргументов регионализации», как распространение и защита демократии, обеспечение энергетической безопасности и т.п. Если ранее идея Каспийского региона как относительно автономного образования, ядром которого являлись южные постсоветские государства, вполне отвечала интересам «регионастроителей», то сейчас, с учетом активизации российской политики в регионе и других факторов, присутствует их заинтересованность в новом «переформировании» данного пространства.

«Современный Кавказ: Геополитический выбор»,
Москва–Пятигорск, 2009 г., с. 22–29.

Рустам Махмудов,
независимый аналитик (Узбекистан)
**«БОЛЬШАЯ ИГРА» В СЕРДЦЕ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ:
НОВЫЙ ВИТОК КОНКУРЕНЦИИ**

После распада СССР Центральная Азия вновь стала ареной активных геополитических процессов регионального и международного значения. В последний раз такие процессы наблюдались здесь после распада Российской империи, когда регион оказался площадкой для большой геополитической игры между Советской Россией и Британской империей. Сегодня ситуация по ряду параметров намного сложнее, чем в начале XX в. Если тогда было два основных игрока и слабые государственные образования, типа Афганистана и Бухарского эмирата, то в настоящее время количество участников игры значительно увеличилось.

Кроме указанных игроков есть еще один, по многим аспектам представляющий собой системообразующий фактор в региональной геополитике, – Афганистан. Его особенность обусловлена тем, что с геополитической точки зрения он одновременно относится к трем регионам: ЦА, Среднему Востоку и Южной Азии, но вместе с тем является в определенной мере отдельным субрегионом.

ном со своей внутренней логикой развития. Подобная размытость его геополитического статуса вносит заметный элемент непредсказуемости в процессы формирования политической ситуации и расклада сил в Центральной Евразии. К тому же геополитическая уникальность Афганистана в том, что преобладание в нем интересов одного из региональных игроков, например Пакистана, как это было в середине 1990-х, сразу же вносит заметный элемент нестабильности в сопредельные регионы, изменяя балансы сил и влияния. Это, естественно, вынуждает других региональных игроков более активно втягиваться в афганские дела, как это было в случае с Ираном, Индией, некоторыми государствами ЦА, поддерживавшими Северный альянс в противовес пропакистанским талибам.

Если в Афганистане начинают преобладать интересы одной из внeregиональных держав, то это не устраивает или всех региональных акторов или, по крайней мере, их значительную часть, а также некоторых других влиятельных внешних игроков. Причина подобной реакции кроется в угрозах относительно того, что данный внешний актор может использовать Афганистан в качестве базы для своей дальнейшей геополитической экспансии. Так было в годы пребывания на его территории советских войск, и это вызывало опасения у Пакистана и Ирана, что дело не ограничится лишь Афганистаном и Москва захочет получить доступ к портам Индийского океана. Этого также опасались США и КНР.

С точки зрения региональных стран доминирование в Афганистане одного из внешних игроков создает угрозу ограничения и их «жизненных пространств», которые либо полностью, либо в каком-то отдельном геополитическом аспекте связаны с афганским стратегическим полем. Ведь «жизненное пространство» государства не ограничивается его официальными границами, оно всегда включает в себя и другие сопредельные территории, где развитие ситуации напрямую сказывается на его внутренней политико-экономической, социальной и идеологической стабильности. Поэтому и невозможно добиться полной геополитической автаркии, ибо по своей природе процессы в отдельной стране всегда в значительной мере связаны с процессами, происходящими вне ее официальной территории.

Конечно, добиться стабилизации региональных процессов можно за счет превращения Афганистана из площадки геополитической игры в отдельного полноценного политического субъекта, что позволит достичь баланса интересов всех заинтересованных

сторон. Однако практически это пока нереально. На Афганистане завязано слишком много проблем, и от того, в чью пользу они будут решены, в значительной степени зависит судьба многих вовлеченных акторов. Эта страна уже стала одним из тех ключевых факторов глобальной geopolитики, который в определенной степени формирует облик нового посткризисного мира. Этим во многом и объясняется то, что сразу же после прихода к власти в США администрации Б. Обамы «большая игра» вокруг Афганистана и Центральной Азии вошла в очередной качественно новый виток развития.

Избрание Б. Обамы президентом Соединенных Штатов сопровождалось громкими заявлениями по внешнеполитическим вопросам, включая и будущее американской политики в Афганистане. Было заявлено, что эта страна станет приоритетом для внешней политики Вашингтона, планируется в корне переломить складывающиеся там негативные тенденции и завершить строительство демократического общества. Однако чего-то прорывного Б. Обама пока не предложил. За основу он взял традиционный силовой подход в виде увеличения воинского контингента, который должен интенсифицировать ведение боевых действий и нанести окончательное поражение движению «Талибан». Для этого предполагается перебросить дополнительно 30 тыс. военнослужащих из Ирака, где обстановка, по словам американцев, уже более-менее стабилизовалась.

На начало 2009 г. все выглядело совершенно просто – нужно было добиться лишь согласия Конгресса и начать переброску личного состава и техники по уже имеющимся маршрутам. Однако на тот момент Б. Обама не учел, что у «большой игры» всегда есть своя внутренняя логика, которая в современных условиях стала очень тонкой по причине увеличения количества игроков, а это по ряду параметров существенно повышает сложность прогнозирования следующего хода соперников. Первым сюрпризом для Белого дома было некоторое смещение акцентов в военной стратегии движения «Талибан», которая особое внимание стала уделять целенаправленным действиям, затрудняющим доставку военных грузов, продовольствия и горюче-смазочных материалов для группировки США и НАТО в Афганистане. Внимание также было сконцентрировано на поэтапном блокировании основных дорог, связывающих Кабул с другими регионами страны и Пакистаном. Главный удар талибов принял на себя пакистанский маршрут. Ны-

не 75% поставок осуществляется через территорию Пакистана (по 600 контейнеров в день и 3 млн. галлонов нефтепродуктов). По оценкам экспертов, ежегодно на нужды западной группировки войск необходимо до 70 тыс. таких контейнеров. Талибы в основном нацелены на уничтожение транспортных конвоев, которые идут через Пешавар и Хайберский проход в Кабул. Основная задача – не позволить международной коалиции накопить военно-технический и топливный резерв перед новым сезоном военных действий. Только с начала декабря 2008 г. было совершено три крупных нападения, приведших к приостановке поставок.

Хотя руководство военной группировки США в Афганистане и заявляет, что эти нападения не влияют на боеготовность американских контингентов, эксперты полагают, что в ближайшее время ситуация может стать критической. Подобная оценка основывается на анализе тактических шагов талибов. Согласно декабрьскому (2008) отчету авторитетного аналитического центра «Совет Сен-lis», талибы уже контролируют 72% территории Афганистана (в ноябре 2007 г. – 54%). Во многих населенных пунктах юга и востока Афганистана они фактически взяли в свои руки административное управление. Ныне они пытаются закрепиться на северо-западе и севере страны и, что особенно опасно, принимают активные меры по окружению Кабула.

С другими районами Афганистана и соседними странами Кабул связывают крупные автодороги, три из них уже находятся под постоянными ударами талибов. Эксперты отмечают, что грузы, идущие по трассе из Кабула в Кандагар через провинцию Вардақ, которая расположена всего в 30 мин. езды от окраин афганской столицы, становятся объектом нападения боевиков уже при въезде в провинцию. Дорога из Кабула в Логар и дальше на юг небезопасна почти на всем своем протяжении. Третья дорога на восток – в Пакистан через Джелалабад – опасна уже в часе езды от столицы. Из двух магистралей, ведущих на север, безопасна только одна – через Панджшерскую долину, перевал Саланг и далее – в Мазари-Шариф. Вторая дорога (через Баграм) все чаще становится объектом атаки боевиков. Эксперты «Совета Сенлис» отмечают, что усиливающийся контроль над дорогами позволяет талибам перемещать свои базы все ближе к афганской столице, что приводит к заметному снижению уровня безопасности в Кабуле и его окрестностях, где наблюдатели отмечают резко возросшее количество нападений, терактов и похищений афганцев и иностранцев.

Вторым неожиданным событием для администрации Б. Обамы оказалось решение властей Киргизстана закрыть американскую военно-воздушную базу Манас в Бишкеке. Вашингтон рассматривал ее как ключевой транзитный пункт, через который должны перебрасывать дополнительные контингенты в Афганистан. Кроме того, за счет ее использования планировалось компенсировать уменьшение грузоперевозок по пакистанскому маршруту. Все началось с того, что прибывший в Москву на переговоры с Д. Медведевым президент Киргизстана К. Бакиев заявил на пресс-конференции, что принял решение закрыть эту военно-воздушную базу США. Позднее Бишкек объявил, что закрывать ее будут поэтапно в течение 180 дней. Было названо несколько официальных причин этого решения. К. Бакиев напомнил, что еще в 2001 г. речь шла о базировании американских подразделений сроком на 1–2 года. Кроме того, база не приносила существенных экономических выгод бюджету КР, так как Вашингтон игнорировал просьбы Бишкека о повышении арендной платы. Важной причиной отказа Киргизстана от сотрудничества с США по данной базе эксперты называют необходимость стабилизации ситуации в обществе. Это вызвано тем, что Пентагон отказался провести расследование и выдать американского солдата, виновного в убийстве киргизского гражданина, работавшего на базе.

Понятно, что в результате двух неожиданно возникших проблем в начале 2009 г. Белый дом оказался в довольно сложном положении, так как сразу же попадал на афганском поле в зависимость от РФ и Пакистана – двух стран, в отношении которых в свое время администрация Дж. Буша предпочитала проводить бескомпромиссную политику. Это поставило президента Б. Обаму перед выбором: или пойти на корректировку предыдущего курса, или столкнуться с растущей изоляцией американской группировки в Афганистане. Первая реакция на ситуацию вокруг базы Манас последовала от экспертного сообщества США. Оно усмотрело в действиях Бишкека руку Москвы. Подобный вывод был сделан на основании того, что заявление К. Бакиева совпало с заключением беспрецедентного для Киргизстана соглашения о получении российской финансово-экономической помощи. Более сдержанно по этому поводу высказался глава Пентагона Р. Гейтс. Он, в частности, отметил, что Россия пытается извлечь выгоду из всех аспектов, связанных с закрытием американской авиабазы в Киргизстане. База имеет большое значение для переброски грузов и военнослужащих

США в Афганистан, где военное присутствие американцев в ближайший год планируется увеличить в два раза. «С одной стороны, Россия в положительном ключе отзывается о своей готовности работать с нами в отношении Афганистана, – сказал Гейтс, – с другой, она работает против нас в том, что касается статуса этой базы, которая, безусловно, важна для нас». Российские власти опровергают подобные слухи и заявляют, что решение о выводе базы – суверенное право Киргизстана. Они также указывают, что выделяемый пакет финансово-экономической помощи представляет собой выполнение обязательств по союзническим отношениям – Москва просто не может оставить Бишкек без помощи в период испытываемых КР острых экономических проблем.

В то же время некоторые российские эксперты не скрывают, что закрытие базы все же отвечает геополитическим интересам Москвы, а также Пекина. Например, А. Мигранян отмечает, что американское правительство участвует во многих делах, которые не нравятся Москве, и закрытие базы стало козырем Кремля. Вместе с тем А. Мигранян считает, что в условиях становления ОДКБ как мощной военно-политической организации было бы странным то, что на территории одной из стран – участниц Организации была бы расположена база страны, члена другой военной структуры. Российский эксперт прямо говорит о том, что закрытие военной базы Манас нужно положить в общий контекст отношений России и НАТО, России и США и этот акт должен ответить на вопрос о том, как России строить отношения с НАТО, с Америкой и по Афганистану.

В контексте «большой игры» решение о закрытии базы Манас было принято отнюдь не случайно. С точки зрения соперничества США и РФ на постсоветском пространстве и других регионах Евразии меры по возможному сворачиванию постоянного присутствия Соединенных Штатов в Киргизстане достаточно логичны, поскольку отражают всю глубинную суть противоречий сторон, особенно ярко проявившихся во второй срок президентства Дж. Буша. Логика подобного шага укладывается и в рамки наметившихся изменений в политике Москвы в зоне ее жизненно важных интересов. Она начала более решительно их отстаивать, что, конечно, сразу же (особенно в 2008 г.) привело к заметному повышению напряженности в американо-российских отношениях. В частности, комментируя продолжающиеся попытки Вашингтона создать третий позиционный район американской ПРО в Восточ-

ной Европе, Д. Медведев заявил о готовности разместить мощные ударные ракетные комплексы «Искандер» в Калининградской области и нацелить их на радар в Чехии и базы в Польше. К тому же российский президент дал понять:

во-первых, уступок по данному вопросу не будет, если реализация американских планов продолжится;

во-вторых, Россия готова отказаться от размещения упомянутых ракетных комплексов, если Вашингтон откажется от планов размещения компонентов ПРО в Польше и Чехии.

Второй пункт жесткого столкновения позиций США и РФ в 2008 г. – российско-грузинская война. Оперативные и жесткие действия Москвы стали неожиданностью, поскольку это был первый случай со времен распада СССР, когда армия РФ действовала за пределами своей территории. Также неожиданностью стало признание Кремлем независимости Южной Осетии и Абхазии, установление с ними дипломатических отношений и предоставление им гарантий безопасности. На тот момент напряженность в отношениях между Вашингтоном и Москвой достигла максимума. В Черное море вошли военные корабли США и НАТО. В свою очередь, решение направить свои корабли в Латинскую Америку приняла РФ. И хотя она заявляла, что совместные с Венесуэлой учения, а также посещение Никарагуа и Кубы планировались давно, в контексте войны в Южной Осетии эти меры выглядели как ответный ход. Именно тогда стали говорить, что Москва может перекрыть НАТО транзит грузов в Афганистан по Северному маршруту.

Третьим пунктом, по которому в конце 2008 – начале 2009 г. столкнулись американские и российские интересы, стал очередной газовый конфликт между Москвой и прозападным Киевом. Основная причина – долги Украины за потребленный российский газ и проблемы с его транзитом в Европу по украинской территории. Однако многие аналитики считают, что этот кризис выходит далеко за рамки сугубо двусторонних экономических отношений. Теоретически можно предположить ряд стратегических целей, в число которых могут войти:

– убеждение Европы в необходимости поддержать российские проекты газопроводов «Северный поток» и «Южный поток»;

– демонстрация ненадежности Киева как партнера по транзиту российского газа в ЕС;

– лишение «оранжевых» властей Украины существенных валютных доходов, которые они получали от перепродажи российского газа в Европу и благодаря чему имели возможность финансировать свои политические проекты;

– снижение конкурентоспособности украинской экономики и как следствие изменение баланса политических сил в этой стране.

Четвертый пункт противоречий – стремление Вашингтона решить вопрос о скорейшем вступлении Украины и Грузии в НАТО. Для Москвы это означало бы приближение Североатлантического альянса к РФ по всему периметру юго-западной границы, включая практически все северное побережье Черного моря, через которое проходит значительная часть экспорта нефти и газа РФ. После вступления в НАТО Украина получила бы возможность более жестко требовать вывода российского флота из Севастополя, в результате чего Россия полностью лишилась бы всех территориальных приобретений в регионе, которых она добилась в результате своей 200-летней политики на Кавказе и в Северном Причерноморье.

Таким образом, можно утверждать, что закрытие военной базы США в Киргизстане четко вписывается в логику нынешнего соперничества. Для России теоретически это событие может стать механизмом управления процессами в Центральной Евразии и предметом торга с США по ряду проблем. Актуализация вопроса о закрытии базы Манас сразу же после избрания Б. Обамы рождает предположение, что одной из целей этой инициативы могло стать создание таких условий, при которых новый глава Белого дома не имел бы возможности продолжать политику Дж. Буша в отношении России. В политике традиционно сильна инерционная составляющая. Да, можно менять политическую риторику по тому или иному вопросу, создавая иллюзию намерений вести дела «поновому», но очень сложно избавиться от инерции в практической сфере. Закрытие базы Манас эту инерцию если и не устраниет полностью, то на определенных направлениях заставляет Вашингтон искать варианты выхода из сложившейся ситуации. Здесь прослеживаются и определенно новые ходы в «большой игре»: это фактически первый случай, когда Кремль не реагирует на ходы Белого дома, а сам их делает. Теперь Вашингтону предстоит идти на торг либо с Москвой, либо с другими участниками «большой игры», что, конечно же, потребует привлечения значительных ресурсов, включая финансовые.

Приближающееся закрытие американской базы в Киргизстане создает достаточно сложную ситуацию в геополитическом балансе сил в ЦА и Афганистане, а также в Восточной Европе, на Кавказе, Каспии и в Северном Причерноморье. С точки зрения долгосрочного обеспечения безопасности и геополитического лидерства для России закрытие базы Манас имеет как плюсы, так и минусы. Безусловно, это событие заметно повышает геополитические возможности РФ, но оно несет и прямую угрозу ее безопасности с афганского направления. В условиях, когда талибы укрепляются в Афганистане и представляют прямую угрозу стабильности ЦА, проблемы снабжения западной группировки войск могут негативно сказаться на их боеспособности, что будет иметь далеко идущие последствия для стабильности сопредельных с Афганистаном территорий, в том числе для России. Учитывая это, Москва предложила свой вариант снабжения американских войск в Афганистане, который заключается в транзите невоенных грузов. В частности, правительство России приняло решение оказать поддержку путем предоставления возможности транзита грузов по железной дороге. Подобное сотрудничество уже довольно давно налажено с другими странами НАТО. Россия оказывает содействие антитеррористической операции Альянса, предоставляя воздушные коридоры для переброски подразделений и грузов различного назначения. Необходимо отметить, что схожие соглашения есть у США и некоторыми странами ЦА.

Таким образом, Москва решает две стратегические задачи. С одной стороны, не прерывается снабжение американских войск в Афганистане, с другой – в условиях небезопасности пакистанского маршрута Кремль практически монополизирует право на поставку грузов стран НАТО. Эта монополия представляет собой серьезный рычаг давления на американцев по другим вопросам несовпадения интересов. Наряду с проталкиванием варианта своей монополии на транзит американских грузов в Афганистан Россия стремится изменить ситуацию, сложившуюся в последние годы, когда безопасность ее южных границ в огромной степени обеспечивалась за счет сил НАТО в Афганистане, что служит серьезным козырем в руках западной дипломатии. Чтобы изменить ситуацию, Кремль сделал ставку на ОДКБ. Это проявилось в начале февраля 2009 г., когда на саммите Организации в Москве было принято решение о создании Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР). Довольно полно о цели создания КСОР сообщил Д. Медведев. По его словам,

эта структура предназначена для отражения военной агрессии, проведения спецопераций по ликвидации террористов, экстремистов, для борьбы с организованной преступностью, наркотрафиком и преодоления последствий чрезвычайных ситуаций. Кроме того, как отметил российский президент, на саммите стороны договорились, что в КСОР войдут военные контингенты, достаточные по своему количественному составу, хорошо экипированные и укомплектованные самой современной военной техникой. При этом он акцентировал внимание на том, что они должны быть по своему боевому потенциалу не хуже, чем соответствующие формирования Североатлантического альянса.

Между тем многие аналитики отмечают, что Москва стремится избежать конфронтации с Вашингтоном, и связывают с этим согласие российских властей на транзит американских грузов через территорию РФ. Аналитики рассматривают его как сигнал Кремля администрации Б. Обамы о готовности к продуктивному и взаимовыгодному сотрудничеству, т.е. сигнал к началу торга. Вполне очевидно, что, находясь в преддверии возможной потери базы Манас, Белый дом не склонен вести торг с Кремлем до того, как Б. Обама постарается укрепить свои переговорные позиции. Для этого Соединенным Штатам придется или в кратчайшие сроки изменить ситуацию в Афганистане таким образом, чтобы снизить накал боевых действий, что сделает неактуальным размещение больших контингентов в этой стране, или вернуть авиабазу, или как можно скорее найти альтернативу маршруту через Россию. Каждый из вариантов представляет собой довольно сложную задачу.

В случае с Афганистаном Б. Обама будет вынужден одновременно «сломать хребет» талибам в 2009 г. и запустить в этой стране процесс национального примирения с участием авторитетных пуштунских лидеров. И здесь возникает вопрос: последует ли Б. Обама за Дж. Бушем или разработает какой-то новый проект? При администрации Дж. Буша США уже пытались использовать несколько вариантов разрешения кризиса в Афганистане. Принимая во внимание, что основу движения «Талибан» составляют пуштуны, главный акцент был сделан именно на них. Так, звучивалась идея создания Пуштунского пограничного корпуса из ополченцев племен, проживающих в пакистано-афганском пограничье. Предполагалось, что численность корпуса составит 85 тыс. бойцов, на их содержание будет выделено 350 млн. долл. Также предусматривалось передать им большое количество западного вооружения.

Цель корпуса – превратить границы между Афганистаном и Пакистаном в непроницаемый заслон для боевиков движения «Талибан» и иностранных террористов. Однако пока серьезных подвижек на этом направлении не наблюдается, чему есть несколько причин.

Во-первых, скептики указывают, что вряд ли пограничные пуштунские племена согласятся воевать против своих единоверцев, подавляющее большинство которых также являются пуштунами. Кроме того, многие пуштунские вожди запуганы талибами, которые уже убили некоторых лояльных Западу лидеров племен.

Во-вторых, если современное вооружение попадет в руки пуштунов, большая его часть, скорее всего, расползется по региону и может оказаться у талибов. Это также вызовет недовольство Пакистана, для которого дальнейшая милитаризация пограничных племен представляет прямую угрозу территориальной целостности и стабильности страны.

Многие западные эксперты полагают, что курс Б. Обамы на увеличение численности американского контингента и ставка на нанесение военного поражения талибам представляют собой пока единственный реалистичный вариант действий США, которым необходимо любыми средствами не допустить расширения зоны контроля талибов и подготовить почву для президентских выборов в Афганистане. Но это в краткосрочной перспективе. А в долгосрочном плане не все одобряют ставку исключительно на силовой сценарий, тем более если он будет включать в себя стратегию Дж. Буша по расширению зоны военных операций за счет приграничных районов Пакистана. Достаточно ясно в интервью французской газете «Le Figaro» по этому поводу высказался З. Бжезинский. По его мнению, необходимо быть осторожным, чтобы не превратить проблемы США с «Аль-Кайдой» в проблемы с Пакистаном. «Совершенно точно известно, что убежища «Аль-Кайды» существуют в зонах, слабо контролируемых Пакистаном. Но необходимо различать эти две вещи...», – полагает Бжезинский. Он указывает и на то, что необходимо различать «Талибан» и «Аль-Кайду». Это позволит выработать более конструктивную стратегию в отношении именно талибов. По его мнению, «Талибан» – грубое и отсталое движение, но движение афганское, не являющееся глобальной террористической силой. «Мы должны следить за тем, чтобы наша операция, поначалу пользовавшаяся большой популярностью, не обернулась против нас. Я не против размещения войск в том или ином регионе. Но это не должно быть

центральным узлом нашей деятельности. Нужно искать такое политическое решение, которое бы отделило талибов от “Аль-Каиды” и позволило бы в тех или иных районах прийти к политическому соглашению с талибами в обмен на разрыв их связей с “Аль-Каидой”».

Наряду с быстрой стабилизацией Афганистана, как уже упоминалось, перед Б. Обамой стоит и проблема найти такой маршрут снабжения войск, который стал бы альтернативой российскому и не позволил ослабить позиции США в Центральной Евразии и в других стратегически важных регионах континента. Кроме того, Вашингтону необходимо получить новые пункты базирования войск и тыловых служб, так как без них наладить полноценное снабжение группировки в Афганистане будет весьма сложно. Именно здесь мы сталкиваемся с чрезвычайной актуализацией еще одного важнейшего геополитического фактора «большой игры» – позицией стран Кавказа, Центральной и Южной Азии, Среднего Востока. Как уже упоминалось, нынешняя игра более сложная, чем предыдущие, так как в ней участвуют не только ведущие мировые силы, но и многие региональные государства, преследующие собственные интересы, в том числе по извлечению максимального возможные дивиденды из нынешних геополитических процессов.

Итак, какие действия на транспортном направлении может предпринять администрация Б. Обамы? По большому счету у нее есть лишь два варианта (за исключением российского маршрута): попытаться восстановить безопасность передвижения грузов по пакистанскому маршруту или создать новый, т.е. «Кавказ–Центральная Азия–Афганистан», позволяющий обойти территорию России. Для реализации каждого из этих вариантов необходимы серьезные корректировки внешней политики США и весьма существенные затраты ресурсов. В частности, по мнению ряда экспертов, восстановить полную безопасность маршрута через Пакистан можно только через возвращение к той политике полноценного сотрудничества с Исламабадом, которая была в период первого президентского срока Дж. Буша. Тогда президент Пакистана П. Мушарраф оказал большую помощь американцам, все-таки отказавшись (хотя на первых порах Пакистан был в числе трех стран, включая Саудовскую Аравию и ОАЭ, официально признавших режим талибов в Афганистане) признать и поддержать движение «Талибан», что послужило одной из причин быстрой победы международной коалиции.

Однако со временем отношения между США и Пакистаном стали ухудшаться из-за того, что слабо контролируемые Исламабадом приграничные зоны расселения пуштунских племен превратились в места базирования талибов и других иностранных боевиков, что способствовало дестабилизации ситуации в Афганистане. Стремясь избежать обострения отношений с Западом, в ответ на постоянные протесты Вашингтона и Кабула, П. Мушарраф направил в регион 70-тысячную группировку своих войск, но переломить ситуацию не смог. Основная причина – довольно мощное сопротивление ряда племен Вазиристана и угроза полномасштабного восстания пуштунов, способных поставить Пакистан на грань распада. Все это в конечном счете вынудило центральные власти подписать с племенами Вазиристана соглашение о прекращении огня и обмене пленными, что вызвало недовольство Вашингтона и Кабула. При таком повороте событий в Белом доме и Пентагоне стали усиливаться позиции тех, кто признал необходимым расширить зону операций сил США за счет включения в эту зону некоторых приграничных районов Пакистана. Результатом преобладания подобного мнения стали регулярные ракетные удары по приграничным объектам, что Исламабад оценил как нарушение своего суверенитета. Росло недовольство и местного населения, так как эти удары уничтожали не только террористов, но и мирных жителей.

Все большее расхождение во взглядах между Вашингтоном и Исламабадом привело к отставке П. Мушаррафа и приходу к власти проамериканца А. Зардари, а также к растущему крену политики США на активизацию геополитического сотрудничества с Индией. Однако вопреки ожиданиям Белого дома новый президент Пакистана также не дал официального согласия на проведение Вашингтоном операций в приграничной зоне и не смог собственными силами заметно стабилизировать ситуацию в этих провинциях. Более того, ситуация в Западном Пакистане стала еще больше ухудшаться, что видно по нарастанию угрозы безопасности транзита американских грузов и всплеску террористической активности в Пакистане. В настоящее время американские транспортные конвои находятся в зоне ударов боевиков не только в горной местности, но и в окрестностях Пешавара – ключевого транспортного узла.

Вместе с тем возникает вопрос: смогут ли США переломить ситуацию с пакистанским транзитом, даже если начнут отыгрывать назад? Под последним имеется в виду возвращение к признанию

приоритета Пакистана в качестве главного регионального геополитического партнера США, что, в свою очередь, потребует отказаться от стратегии укрепления партнерства с Индией или скорректировать ее в сторону минимизации ряда аспектов. Также имеется в виду отказ от тактики нанесения ракетно-бомбовых ударов по приграничным районам, которые ослабляют позиции проамериканского президента Пакистана А. Зардари и усиливают влияние радикально настроенных пакистанских политиков и военных.

Как представляется, вряд ли новая администрация Белого дома пойдет на полный возврат к прежней стратегии. Ставка на сближение с Индией, по всей видимости, представляет собой долгосрочную стратегию США в Южной Азии. Индия сегодня является растущей в финансово-экономическом и военном планах силой регионального масштаба, которая все активней заявляет о перспективах своего лидерства в Южной Азии. Если сопоставить экономические потенциалы Индии и Пакистана, то сравнение будет не в пользу последнего. Исламабад сегодня даже не имеет средств для гарантированной оплаты импорта нефти, а Индию называют одним из локомотивов глобального экономического роста. В связи с этим вряд ли из-за проблем в Афганистане Вашингтон откажется от сближения с Индией, которое содержит в себе более масштабные цели для американской geopolитики. Конечно, пересмотр политики США в сторону возврата к Пакистану возможен, но лишь в случае, если в политических кругах Индии возобладают позиции противников чрезмерного сближения с США. Отказ Вашингтона от ударов по объектам предполагаемого нахождения террористов на приграничных с Афганистаном пакистанских территориях также представляется маловероятным, особенно на фоне политики Б. Обамы по дальнейшему наращиванию военной группировки и интенсификации операций против талибов. Вполне вероятно, что дальнейшее наращивание сил в Афганистане не будет иметь смысла, если не начнут уничтожать базы боевиков в Пакистане. В противном случае американцы попадут в такую же сложную ситуацию, в которой в свое время оказались советские войска. Они смогут уничтожить отдельные группы боевиков, но в целом ситуацию не изменят, потому что места подготовки и вербовки боевиков, находящиеся вне зоны досягаемости, будут делать повстанческое движение живучим, подобно мифической гидре. Учитывая, что по двум вышеуказанным параметрам администрация Б. Обамы вряд ли пойдет на коренное изменение своей политики (по крайней

мере, в ближайшей перспективе), максимум, что она сможет сделать для Пакистана, – оказать ему помощь в преодолении сложных экономических проблем. Но в обмен от Исламабада потребуют более решительных действий в отношении боевиков «Талибана» и гарантий обеспечения безопасности транзита.

Вопрос о транзите через Пакистан представляется довольно сложным, что актуализирует для администрации Б. Обамы проблему налаживания Северного маршрута, причем в обход России. По ряду параметров этот маршрут оказывается для Белого дома безальтернативным. Пока дела с получением разрешения на транзит грузов через один из узловых компонентов обходного маршрута по территории республик ЦА у США идут нормально. Вашингтон уже получил согласие ряда стран региона на транзит грузов невоенного характера. Предполагается, что основная их часть пойдет через Таджикистан, где с помощью американских специалистов построен мост через реку Пяндж, который может пропускать 1 тыс. автомобилей в сутки. По американским данным, по этому мосту будут ежедневно доставлять от 50 до 200 контейнеров. Теперь предстоит организовать транзит через страны Кавказа. Вместе с тем эксперты отмечают, что подобный маршрут, обходящий Россию, довольно неудобен с технической точки зрения, да и экономически он более затратный. Американские грузы пойдут по нестабильному Кавказу, и их необходимо будет дважды перегружать на участке Каспийского моря, а затем доставлять через всю ЦА в Северный Афганистан. В этом плане маршрут через Россию представляется более практическим (если оставить в стороне невыгодный для США геополитический аспект), так как эшелоны, загруженные в Риге, по железной дороге будут прямо следовать до ЦА, а затем по территории республик региона до Афганистана без необходимости их перегрузки на другие виды транспорта. Маршрут РФ–ЦА по параметрам «удобство / скорость / стоимость» является вторым из всех существующих направлений после пакистанского, который составляет всего 1 тыс. км от Карачи до границы Афганистана. Однако с точки зрения безопасности он превосходит пакистанский.

Возникает еще один сложнейший для американской дипломатии вопрос: согласятся ли государства ЦА разместить у себя базы Соединенных Штатов? Если рассматривать его сквозь призму безопасности, то оказание помощи США и НАТО в Афганистане представляет собой главнейший приоритет для стран Центральной Азии в обеспечении региональной стабильности. Это осознают все,

включая Киргизстан. Сторонники размещения тыловой инфраструктуры НАТО в ЦА считают, что не нужно питать излишних иллюзий относительно того, что уход или поражение Альянса в Афганистане автоматически приведут к урегулированию ситуации. Самое малое, что может ожидать регион, – это возобновление борьбы противостоящих группировок в самом Афганистане. Противоречия между пуштунами-талибами и бывшими фракциями Северного альянса, представлявшего национальные меньшинства страны, не исчезли, а уход войск НАТО вновь выведет эти противоречия наружу, т.е. возникнет ситуация, аналогичная той, которая была в конце 90-х годов.

Более того, геополитический вакуум, образовавшийся в Афганистане, быстро попытаются заполнить региональные силы. Не сделать этого они не смогут, иначе баланс сил резко нарушится и кто-то в региональном масштабе обязательно окажется проигравшей стороной. Получается замкнутый круг, выход из которого можно будет найти только благодаря гипотетической доброй воле всех вовлеченных игроков. При развитии ситуации по вышеуказанным сценариям странам ЦА придется надолго забыть о создании полноценного южного транспортного коридора, впрочем, и о безопасной южной границе.

Есть и третий вариант развития событий. Если талибы установят контроль над всем Афганистаном, то обстановка в стране для ЦА может развиваться по непредсказуемому сценарию. Принимая во внимание, что в рядах талибов присутствует большое количество иностранных боевиков, не исключено, что они попытаются превратить Афганистан в одну большую базу для подготовки «террористического интернационала», который будет стремиться раскачать ситуацию в сопредельных регионах. Это может означать, что страны ЦА окажутся на «переднем крае защиты» Центральной Евразии. Учитывая, что граница региона с Афганистаном весьма протяженная и проходит в значительной мере по горной местности, обеспечить ее непроницаемость будет крайне сложно. Исходя из этого, конечно, в интересах стран ЦА поддержать операции США и НАТО в Афганистане и оказать им посильную помощь. Однако и у противников размещения тыловых структур НАТО в ЦА есть серьезные аргументы. Они полагают, что расширение военной инфраструктуры Альянса в регионе сделает его арендой более жесткого геополитического соперничества, так как глобальная расстановка сил сегодня серьезно изменяется.

Всего восемь лет назад в мире была лишь одна сверхдержава, США, позиции которой доминировали в международных делах. Ей также принадлежала геополитическая инициатива в ЦА и Афганистане. Сегодня заметны и другие укрепившиеся центры силы (Россия и Китай), стремящиеся перехватить эту инициативу. Следовательно, если НАТО получит возможность расширить свое тыловое присутствие в регионе, то его страны могут столкнуться с принципиально более острым геополитическим соперничеством между центрами силы. Его острота будет обусловлена естественным стремлением соседних с ЦА держав использовать шанс, представившийся им благодаря ослаблению позиций «мирового гегемона». Если следовать логике противников размещения баз НАТО, то в привязке к проблеме Афганистана возможны два варианта действий.

Первый вариант: если все же невозможно избежать появления баз иностранных держав в регионе, то их размещение должно проходить так, чтобы ни один из ведущих геополитических центров не получил решающего преимущества. Этот вариант можно назвать вариантом установления прямого баланса сил. До недавнего времени подобного взгляда придерживался Киргизстан. Дав разрешение создать на своей территории сразу две базы – американскую (Манас) и российскую – (Кант), Бишкек хотел, с одной стороны, снизить накал геополитической конкуренции вокруг себя, с другой – получить реальные политические и финансовые дивиденды от этой борьбы.

Второй вариант: не допускать размещения баз иностранных государств, а проводить политику активного внешнего балансирования, признавая, что устойчивого баланса в природе нет априори. Реализация такого варианта требует поистине виртуозного дипломатического искусства, поскольку в ином случае попытка применить его может привести к весьма негативным последствиям. Это хорошо видно на примере Украины. В свое время президент страны Л. Кучма пытался сделать основой своей внешней политики принцип балансирования между Россией и США, но в конце концов из-за ряда допущенных ошибок она завершилась провалом, и баланс был нарушен в пользу Вашингтона, хотя не окончательно. Сегодня Украина превратилась в страну с открытой геополитической конкуренцией при крайне нестабильной политической и экономической системе.

Если республикам ЦА следовать варианту активного внешнего балансирования, то им необходимо будет совместить два разнонаправленных аспекта. С одной стороны, не допустить дальнейшего превращения региона в зону прямого геополитического столкновения, в том числе посредством размещения баз иностранных государств, с другой – сохранить партнерские отношения с ведущими мировыми игроками, в той или иной степени вовлечеными в процесс стабилизации Афганистана. Совмещение этих двух разнонаправленных аспектов возможно, по сути, лишь на основе выстраивания по линии севернее Афганистана трехэлементной геополитической структуры, в составе: США / НАТО (непосредственное участие в стабилизации Афганистана, противовес России), страны ЦА (тыловая и транспортная поддержка) и Россия (тыловая и транспортная поддержка, противовес Западу). Относительная стабильность подобной системы возможна лишь в том случае, если все государства региона предстанут как единый геополитический макросубъект. Пока же они не выступают подобной единой силой. Регион представляет собой конгломерат из нескольких игроков с различным уровнем геополитической субъектности, по многим параметрам совершенно несопоставимой с потенциалом таких акторов, как РФ и США. Именно различия в геополитическом потенциале стран ЦА и их разнонаправленные цели в нынешних геополитических играх создают условия для того, чтобы внешние игроки вклинивались в регион, потенциально создавая из него площадку для «большой игры».

* * *

Таким образом, можно констатировать, что осью «большой игры» на краткосрочную перспективу станет Афганистан, который, по сути, сегодня играет судьбоносную роль как для будущего евразийской политики США и НАТО, так и России, стран ЦА, Пакистана, Ирана. В принципе Россия уже сделала первый ход в новом раунде афганско-центральноазиатской игры, начавшейся с приходом к власти Б. Обамы. Влияние этого хода сказалось на всем спектре американо-российских геополитических отношений. Теперь же очередь за Соединенными Штатами. В целом же «большая игра» вокруг ЦА и Афганистана еще очень далека от своего завершения. Как показывают последние события, ставки здесь все больше повышаются, к тому же в условиях обостряющегося мирового финансового кризиса ресурсная база практически всех крупных внешних

и региональных игроков существенно сокращается. Сужение ресурсной базы, в свою очередь, заметно повышает элемент непредсказуемости и весьма осложняет прогноз действий сторон. Отсюда следует то, что в ближайшей перспективе в республиках ЦА и Афганистане возможны довольно неожиданные события, в том числе возникновение неожиданных конфигураций временных или более-менее устойчивых геополитических союзов и связок.

«Центральная Азия и Кавказ»,
Лuleo (Швеция), 2009 г., № 3, с. 54–67.

Очил Захидов,

ректор Центра исследования общественного мнения
(Таджикистан)

О ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТАХ СОВРЕМЕННОГО ТАДЖИКИСТАНА

В нынешней внешней политике Таджикистана сформулированы основные направления реализации национальных интересов, продиктованные внутриполитическими соображениями. Прежде всего, это достижение энергетической и инфраструктурной независимости, обеспечение региональной политической безопасности, борьба с терроризмом и наркотрафиком. Эти основные цели, выступая приоритетами во внешней политике, диктуют формирование геополитической доктрины, включая выбор партнеров и союзников. В последние годы азбучной истиной считается то, что Таджикистан придерживается политики многовекторности и открытых дверей. Однако следует подчеркнуть, что многовекторность предполагает диверсификацию не только целей, но политических партнеров для реализации этих целей. Разумеется, не только у Таджикистана существуют свои геополитические цели, но и у других субъектов международной политики имеются собственные национальные интересы, которые могут совпадать или не совпадать как с внешнеполитическими интересами Таджикистана, так и с интересами иных партнеров. И этот факт открывает перед нами широкие возможности.

В выборе наших внешнеполитических приоритетов немаловажную роль играют не только непосредственные соседи Таджикистана, но и другие политические игроки, для которых Центральная Азия оказывается жизненно важным регионом. К числу таких

стран, если обратить внимание на самые сильные из них, относятся прежде всего США и Китай, затем Россия и Индия; Иран, Пакистан, Япония, страны – участницы Европейского союза менее активны в освоении нашего региона. В Центральной Азии сформировался своеобразный внешнеполитический рынок, где идет большой торг; на этом рынке взаимодействуют «страны-покупатели» со своими интересами и «страны-продавцы» со своими потребностями.

Следует признать, что классическая парадигма *Realpolitik*, озвученная одним из британских премьер-министров XIX в. Бенджамином Дизраэли: «У Англии нет вечных врагов и вечных друзей, но есть вечные интересы», вполне применима к внешнеполитическим маневрам стран Центральной Азии в ходе выбора партнеров. Данную парадигму можно применить и к геополитическим интересам Таджикистана. По сути, принцип многовекторности во внешней политике означает, что стране нельзя ориентироваться только на одного партнера. Для Таджикистана жизненно важной задачей остается решение проблемы обеспечения электроэнергией собственного населения и создания новых мощностей по производству электроэнергии, позволяющих экспорттировать ее за границу. В свете этой задачи можно четко понять все особенности взаимоотношений Таджикистана со странами-соседями и теми внешними игроками, для которых Центральная Азия остается зоной преимущественных интересов.

Сразу же следует признать, что решение данной проблемы Таджикистану не по плечу. Чтобы справиться с ней, необходимы такие денежные ресурсы, которых у Таджикистана на данный момент нет, и они едва ли появятся в обозримом будущем. Однако Таджикистан вполне может воспользоваться внутренними резервами, на которые не раз указывали специалисты. Если идущий сегодня в республике масштабный процесс замены обычных лампочек на энергосберегающие увенчается успехом, то, по имеющимся расчетам, Таджикистану удастся за год экономить около 3 млрд. кВт/ч энергии. Кроме того, есть еще один огромный внутренний ресурс экономии: чтобы задействовать его, около 30% жителей республики, имеющие средний достаток, должны установить в собственных домах солнечные батареи. Это позволило бы Таджикистану, по самым скромным прогнозам, освободить около 5 млрд. кВт, что составляет почти полный объем производства электроэнергии на Рогунской ГЭС. Высвобожденные таким образом ресурсы позво-

лили бы государству получить дополнительный доход за счет продажи электроэнергии и направить поступившие средства на строительство новых электростанций.

Но пока ставка делается все-таки на внешние заимствования, которые не бывают безусловными. Поэтому Таджикистану приходится искать таких партнеров, для которых его энергетические проекты были бы привлекательными не только с экономической, но и с военно-политической точки зрения. Между тем энергетические проекты нашей страны затрагивают интересы соседей, и прежде всего Узбекистана, чье вмешательство в таджикские энергетические проекты оказывает заметное влияние на отношения Таджикистана со странами-партнерами. Например, если взглянуть на развитие контактов между Таджикистаном и Россией начиная с августа 2008 г., то, учитывая вышеупомянутое обстоятельство, гораздо легче разобраться в противоречиях, возникших недавно между двумя странами. Так, в ходе визита российского президента Дмитрия Медведева в Таджикистан был подписан меморандум о сотрудничестве в области энергетики; но почти одновременно, во время посещения соседнего Узбекистана, им было сделано заявление по поводу водной проблемы, разделяющей страны Центральной Азии. Между меморандумом, подписанным в Душанбе, и заявлением, сделанным в Ташкенте, можно заметить противоречие, за которым стоит определенное изменение центральноазиатских приоритетов России. В последовавшем затем дипломатическом демарше Таджикистана указанное противоречие было зафиксировано. Но если исходить из интересов самой России, то высказывания главы российского государства вполне укладываются в логику *Realpolitik*.

Топливно-экономический комплекс таких стран, как Казахстан, Туркменистан и Узбекистан, вызывает у России больше внимания, чем энергетические проекты Таджикистана и Киргизстана. Основная причина заключается в богатстве недр первой тройки государств углеводородами и бедности полезными ископаемыми двух последних стран. Иначе говоря, в geopolитической конкурентной борьбе за доступ к углеводородам Центральной Азии Россия отводит Таджикистану далеко не приоритетное место. В принципе, поступая подобным образом, она придерживается своих национальных интересов, контуры которых все более отчетливо вырисовываются в последнее время: Россия занимает не последнее место в ряду экспортёров нефти, а в газовой сфере пытается соз-

дать нечто вроде ОПЕК. Учитывая все это, было бы непозволительным идеализмом считать, что ради Таджикистана Россия готова будет поступиться собственными выгодами.

С самого момента своего образования Узбекистан воспринимался как один из основных форпостов советской Центральной Азии; именно на него предполагалось опираться в управлении всем регионом. Вместе с тем последующее развитие постсоветских государств показало, что России не следует ограничиваться старыми рамками советской геополитики в отношении Центральной Азии, – у каждой страны здесь свои преимущества и своя специфика. Подобную ошибку делают, в частности, и американцы, рассматривавшие Казахстан как ключевое государство Центральной Азии, с помощью которого можно выйти на все остальные страны региона. Малая продуктивность такой тактики обусловлена хотя бы тем, что у каждой страны есть свои слабые места, заставляющие ее, вопреки желанию, занимать достаточно предопределенные позиции в отношении соседей. Все страны Центральной Азии взаимосвязаны настолько плотно и тесно, что выделить среди них какую-то одну, считая ее голос решающим, в принципе невозможно. В то время как для России, ЕС и Китая тройка в составе Узбекистана, Туркменистана и Казахстана представляется наиболее важной с геополитической точки зрения, для самих ее участников Таджикистан и Киргизстан выступают главными партнерами, с которыми следует выстраивать и поддерживать добрососедские отношения. Не стоит забывать, что в регионе, где проживает более 50 млн. человек, главным энергетическим ресурсом оказывается вода, а доступ к ней имеют в первую очередь Таджикистан и Киргизстан.

Несовпадение интересов Таджикистана и России в области электроэнергетики, наметившееся в последние месяцы, можно объяснить именно акцентом на значимости газа, а не воды. Однако новые тренды в дипломатических отношениях не следует драматизировать, так как у Таджикистана накоплен конкретный опыт сотрудничества в области электроэнергетики с Россией – достаточно напомнить о такой вехе, как 2004 г., когда было достигнуто соглашение и начаты работы по строительству ГЭС «Сангтуда-1», которая с 2009 г. заработает в полную мощность. По этой причине заявление президента Дмитрия Медведева, сделанное в Ташкенте в январе 2009 г., следует расценивать не как отказ от строительства трех малых ГЭС, но как отсрочку участия России в проекте Рогун-

ской ГЭС до нахождения компромисса по водной проблеме между Таджикистаном и Узбекистаном.

Компромисс по проблеме водопользования труден, но вполне возможен. С 2008 г. работает независимая экспертная группа, организованная Всемирным банком, чтобы оценить проект Рогунской ГЭС и определить его влияние на водопользование стран, находящихся в нижней части реки Вахш. По словам первого заместителя министра энергетики и промышленности Таджикистана Пулода Мухитдинова, в конце декабря 2008 г. в ходе переговоров в Ташкенте первый вице-премьер правительства Узбекистана заявил, что президент его страны «обеспокоен вопросом строительства Рогунской ГЭС, которое осуществляется без согласия соседних стран». Таджикистанская сторона ответила, что Всемирный банк проводит «независимую и объективную» экспертизу, результаты которой будут обнародованы позже, после консультаций с Афганистаном, Казахстаном, Киргизстаном и Туркменистаном. «Проведение экспертизы не согласовано только с Узбекистаном, поскольку эта страна каждый раз отказывается от встречи с экспертами Всемирного банка по разным причинам». Нежелание встречаться с независимыми специалистами продиктовано, видимо, стремлением сохранить старые договоренности по водным вопросам, достигнутые между странами Центральной Азии еще в 1992 г. Но не вызывает сомнения, что Узбекистану все-таки придется встретиться с экспертной группой и определить свои позиции в решении водной проблемы. Тем самым перед Россией открывается шанс принять участие в консорциуме по Рогунской ГЭС.

История проектирования и строительства этой электростанции еще в советское время свидетельствует, что Узбекистан с самого начала был заинтересован в реализации данного проекта. Однако после обретения независимости эта страна начала всячески препятствовать строительству, несмотря на то, что ввод объекта в строй мог бы позволить Узбекистану потреблять дешевое электричество, а свои газ и нефть использовать по другому назначению. Автарическая экономическая стратегия Узбекистана может сослужить ему плохую службу: невозможно производить все товары у себя дома, ибо мировое разделение труда формируется вполне объективно, и любой стране необходимо это учитывать при выработке стратегии национального развития. Именно такое разделение труда требует от Таджикистана развития энергетических проектов, так как его земля не богата углеводородами. Таджикистан может

развиваться исключительно при условии наращивания электроэнергетического потенциала при поддержке соседей и мирового сообщества; в противном случае в мировой конкуренции наша страна останется на задворках.

Возвращаясь к отношениям России со странами Центральной Азии, следует отметить, что они напрямую зависят от динамики рыночных цен на углеводороды. В минувшие пять лет цены на нефть и газ шли вверх, и поэтому России было выгодно иметь более дружественные отношения с Узбекистаном, Казахстаном и Туркменистаном. Но если допустить, что цены на углеводороды снижаются на долгое время, то Россия может изменить свои приоритеты. Еще более серьезным вызовом способны стать газопровод и нефтепровод в Китай в обход России; реализация подобной инициативы будет означать, что страны Центральной Азии стали бы соперниками России в этой сфере. Иными словами, если Китай и центральноазиатские государства действительно начнут конкурировать с Россией, то гидроэнергетические проекты Таджикистана приобретут, несомненно, большую, нежели сегодня, ценность в глазах российской дипломатии.

Впрочем, было бы недальновидно ожидать, что цены на нефть и газ на мировом рынке упадут надолго, а у Таджикистана появится возможность твердо заручиться российскими кредитами и технологической поддержкой в реализации своих энергетических проектов. Если для России приоритетом остается сотрудничество с Таджикистаном в сфере политической безопасности, борьбы с терроризмом и наркотрафиком, то и сам Таджикистан на данном направлении определил для себя страны, готовые с ним сотрудничать. Несомненно, для Таджикистана огромное значение сохраняет сотрудничество в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В новой стратегии Европейского союза Таджикистану также отводится роль государства, с которым необходимо взаимодействовать в этих областях. Правда, расставив акценты именно таким образом, Европейский союз, несмотря на имеющийся финансовый потенциал, не выделяет в особую статью сотрудничество с Таджикистаном в электроэнергетике.

Политика многовекторности позволяет Таджикистану отойти от сосредоточенности лишь на одном внешнеполитическом направлении и начать рассматривать Россию как партнера, имеющего такой же статус, как и прочие участники политических отно-

шений в Центральной Азии. При таком подходе Таджикистану предстоит спокойно и сдержанно принимать любые изменения во взаимоотношениях со своими партнерами. Ведь политика – не только искусство возможного; это еще и талант выжидания удобного момента. Реализуя линию многовекторности, Таджикистан сможет выбирать те страны, которые действительно готовы более действенно участвовать в его проектах, касающихся энергетики. Уместно заметить, что активный интерес к энергетическим инициативам Таджикистана проявляют некоторые ближние соседи, ощущающие большие проблемы в обеспечении себя дешевой электроэнергией, – Иран, Китай, Пакистан. Их интерес вполне понятен: в то время как цены на углеводороды на мировом рынке крайне неустойчивы, стоимость электроэнергии, скорее всего, будет оставаться низкой, предсказуемой и стабильной.

Учитывая заинтересованность Ирана в строительстве высоковольтной линии от Сангруды до Машхада через Кабул и Герат, можно предположить, что иранские власти всерьез намерены не только участвовать в строительстве ГЭС «Сангруд-2», но и войти в консорциум по Рогунской ГЭС. Как сообщил в феврале 2009 г. на пресс-конференции в Душанбе иранский посол в Таджикистане Али Асгар Шердуст, его страна «будет участвовать в строительстве Рогунской ГЭС в любом случае, как на правительственном уровне, так и через частный сектор». Подобные интересы, кстати, имеет и Пакистан. В итоге проект Рогунской ГЭС превращается в международный, выходящий за рамки сугубо экономического начинания, а любое безосновательное противодействие ему будет восприниматься как вмешательство в интересы третьих стран.

Но если выстраивать geopolитическую доктрину Таджикистана только из энергетических составляющих, без внимания остается инфраструктурная сторона, которая не менее важна. В настоящее время транзит грузов через Узбекистан доставляет Таджикистану немалые трудности, оказываясь при этом экономически более затратным и долгим. Это подталкивает к поиску альтернативного пути, что вполне соответствует концепции многовекторности во внешней политике. Таджикистану экономически и политически выгодно освоить южное направление – транспортный коридор до портов Карачи (Пакистан) и Бандар-Аббас (Иран). Строительство железной дороги через Таджикистан и Афганистан до Машхада лоббируется Ираном и Китаем; такая артерия не только обеспечит Ирану и Китаю более благоприятный доступ к мест-

ным рынкам, но и сблизит их друг с другом. В дальнейшем Китай, Афганистан, Пакистан и Иран могут сыграть ключевую роль в строительстве необходимой инфраструктуры, поэтому для Таджикистана жизненно важно привлечение этих стран к участию и в своих энергетических проектах. Разумеется, к этому плану могла бы присоединиться и Россия, поскольку использование южного коридора обеспечило бы ей более короткий путь для продвижения товаров к Индийскому океану.

Подводя итог краткого анализа геополитических приоритетов современного Таджикистана, можно выделить следующие моменты:

1. В развитии электроэнергетики для Таджикистана наиболее приоритетными являются те страны, с которыми у него есть реальное совпадение интересов; сегодня в число таких стран входят Иран, Россия, Китай, Пакистан.

2. Россия постепенно перестает играть ведущую роль в определении политики стран Центральной Азии в ключевых экономических областях, уступая ее самим центральноазиатским игрокам, а также Китаю.

3. Таджикистан намерен и далее оставаться в составе межгосударственных организаций ОДКБ и ШОС, которые на данный момент поддерживают безопасность в Центральной Азии.

4. Таджикистан будет стремиться выйти из инфраструктурного тупика через южное направление и, занимаясь этим, расширит сотрудничество с Китаем, Ираном, Афганистаном и Пакистаном.

«Неприкосновенный запас», М., 2009 г., № 4, с. 145–152.

Владимир Парамонов,
кандидат политических наук
Алексей Строков,
политолог
Олег Столповский,
военный аналитик (Узбекистан)
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ВЗГЛЯД ИЗ УЗБЕКИСТАНА

Отношения между Россией и Центральной Азией имеют богатую историю. Наиболее интенсивно они стали развиваться со

второй половины XIX в., когда ЦА вошла в состав Российской империи. Именно с того периода политические, экономические, культурные и другие связи региона стали постепенно замыкаться на России. Это способствовало выходу ЦА из экономико-географической изоляции и существенной интенсификации социально-экономического развития региона. С падением Российской империи началась принципиально новая эпоха отношений. В советский период произошел беспрецедентный в истории России и ЦА экономический взлет, сформировались основные контуры государственности республик региона. Вплоть до распада Советского Союза Россия была локомотивом социального, экономического и научно-технического развития этих республик, оказав решающее влияние на формирование их современного облика. Рассматривая процесс формирования внешней политики Российской Федерации в отношении стран ЦА в постсоветский период, можно условно выделить три основных этапа:

– первый охватывает начало и середину 90-х годов, связан с фактическим исключением новых независимых государств региона из приоритетов РФ на фоне ее иллюзорного стремления стать составной частью Запада;

– второй этап пришелся на конец 90-х годов, во многом обусловливался критическим переосмыслением Москвой результатов всей ее внешней политики, в том числе в ЦА;

– третий этап, начавшийся в 2000 г. с приходом к власти в Кремле В. Путина и его команды, продолжающейся после избрания президентом Д. Медведева, можно охарактеризовать как целенаправленное стремление вовлечь республики региона в орбиту российского влияния, прежде всего в целях кардинального усиления международных позиций РФ.

Первый этап (1992–1995). После распада Советского Союза пришедшая к власти в России новая элита во главе с Б. Ельциным стала решительно избавляться от политического и экономического наследия СССР, разрушая тем самым фундаментальные основы бывшей советской государственной системы. Вплоть до середины 90-х годов у ельцинской России не было внятной политики в отношении постсоветского пространства, в том числе в Центральной Азии. Новая российская элита с ее ультралиберальной идеологической ориентацией видела в Западе единственный эталон ценностей и воспринимала интересы западных стран как тождественные рос-

сийским. Поэтому главной целью внешней политики РФ в тот период была ее интеграция в евроатлантическое сообщество.

В начале 90-х годов Москва рассматривала республики ЦА как некий аппендиц, без которого реформирование российской экономики и встраивание страны в экономическую и военно-политическую систему Запада пойдет и легче, и быстрее. Исходя из этого, политика в отношении региона была нацелена на освобождение от «груза национальных республик». Страны ЦА были по большому счету оставлены наедине с угрозами, исходящими из охваченного гражданской войной Афганистана. В 1992 г. Россия объявила себя правопреемницей СССР и, соответственно, должна была выполнять его договорные обязательства по отношению к Афганистану, в первую очередь Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, подписанный в 1978 г. в Москве. Более того, и с самими странами региона Россия связала себя договорными обязательствами (главным образом Договором о коллективной безопасности, подписанным в 1992 г. в Ташкенте). Несмотря на эти и многие другие факторы, Москва вообще прекратила оказывать помощь официальному Кабулу.

РФ значительно снизила и уровень военного сотрудничества со странами ЦА. Декларируемые планы о формировании системы коллективной безопасности практически не реализовывались. Аналогичная ситуация складывалась и в двустороннем формате отношений. Важным исключением, выбывающим из общего контекста политики России того времени, стали 201-я мотострелковая дивизия, дислоцированная в Таджикистане, и российские пограничники в ряде стран региона. Во многом именно усилиями российских военных в начале 90-х годов была предотвращена угроза дестабилизации стран региона вследствие гражданской войны в Таджикистане. Однако в целом тогдашнее руководство РФ пыталось дистанцироваться от событий в ЦА. В отсутствие политической воли и поддержки со стороны Кремля, российские военные фактически были оставлены на произвол судьбы, а само военное присутствие России в регионе постепенно приобретало все более формальный характер. Москва не смогла воспрепятствовать ни эскалации внутритаджикского конфликта, ни потоку наркотиков из Афганистана, ни усилению военного присутствия в ЦА других стран. Например, когда в конце 1994 г. НАТО приступила к реализации в странах региона программы «Партнерство ради мира»,

Россия даже не предприняла серьезных попыток согласовать с государствами ЦА единый подход к данной программе.

Одновременно с разрушением единого военного и оборонного пространства с ЦА ельцинская Россия сделала все возможное для ликвидации общего экономического пространства. В этом плане особо выделяется политика правительства Е. Гайдара по выдавливанию стран региона из рублевой зоны. Напомним, что в 1992–1993 гг. республики ЦА еще пользовались единым с РФ платежным средством – российским рублем. Причем в самих странах региона оставалось желание сохранить с Россией единую систему товарно-денежного обращения. Однако в 1993 г. Москва отсекла республики ЦА от рублевой зоны, по сути оставив их без платежных средств. В целом же гайдаровская экономическая политика привела к практически полной ликвидации существовавшей до 1993 г. системы товарно-денежного обращения между постсоветскими странами. Это, в свою очередь, дало мощный импульс разрушению экономических связей в рамках СНГ. Так, в 1992–1993 гг. объемы торговли РФ с государствами региона упали в среднем почти в десять раз по сравнению с 1991 г. (приблизительно с 60 млрд. долл. до порядка 6,3–6,7 млрд. долл.), а в 1994–1995 гг. оставались примерно на таком же уровне.

Стремление России дистанцироваться от государств ЦА (как и от других постсоветских стран) проявилось и в институциональной сфере. В силу того что евро-атлантическое направление стало не только основным, но и практически единственным во внешней политике Москвы, СНГ с самого начала своего существования превратилось, по сути, в формальную организацию. К тому же Кремль не приветствовал и инициативы по новым форматам сотрудничества между постсоветскими государствами.

Демонстрация «ненужности» ЦА на фоне ярко выраженного взятого Москвой курса на Запад стала одной из главных причин формирования в государствах региона недоверия к РФ и ее политике, а также их все более очевидных попыток переориентировать свои международные связи. Дело было не столько в антироссийских настроениях правящих элит стран ЦА (хотя, очевидно, и это имело место в ряде случаев), сколько в сомнениях относительно того, можно ли вообще полагаться на Россию. В условиях реальной угрозы дестабилизации региона подобные настроения значительно усиливались крайней сложностью и болезненностью процессов экономической, политической и социальной трансформации в самих

государствах ЦА, которые гораздо больше, чем РФ, пострадали от разрыва экономических связей на постсоветском пространстве.

Так, после дезинтеграции СССР с особой силой проявились относительно малый размер экономик и слабость национальных производителей стран ЦА. Во многом это было вызвано закрепившейся за регионом нишней в экономической системе СССР. Кроме того, в результате сложившегося в советское время разделения труда (и соответственно территориального размещения производительных сил) практически все промышленные предприятия республик ЦА были в ощущимой взаимозависимости (структурной и технологической) с экономическими субъектами России и других республик Советского Союза. С распадом СССР и отсечением стран ЦА от российской системы товарно-денежного обращения разрушились ранее тесные межреспубликанские экономические связи. Со всей силой проявилась и экономико-географическая изоляция республик региона. География стала диктовать свои «правила игры». (По оценкам отдельных экспертов, стоимость транспортировки товаров из экономически и географически изолированных стран более чем на 50% выше стоимости транспортировки товаров из приморских государств.)

В этих сложных условиях целые отрасли промышленности стран ЦА оказались нежизнеспособны, экономическая ситуация катастрофически ухудшилась, социальная сфера деградировала. Все это вызвало (особенно в первые годы независимости) резкое падение уровня жизни населения, рост социальной напряженности и массовый отток из республик региона квалифицированных специалистов. Учитывая же перманентную нестабильность в Афганистане, можно сказать, что в начале 90-х годов все государства ЦА фактически оказались на грани дестабилизации, а одному из них – Таджикистану – не удалось сохранить гражданский мир. Возможно, если бы не было распада единого экономического, оборонного и институционального пространства, то удалось бы избежать гражданской войны в Таджикистане, а также многих других негативных моментов.

В целом же именно в начале – середине 90-х годов в республиках ЦА возник некий «барьер отчуждения» от РФ. Действия ельцинской администрации провоцировали рост антироссийских настроений у политических элит ряда стран региона, подталкивая их не только более решительно избавляться от комплекса «младшего брата», но и налаживать более тесные связи с альтернатив-

ными России центрами силы. Более того, диверсификация внешнеэкономических контактов стала для стран региона жизненной необходимостью в целях преодоления тяжелых последствий распада единой экономической системы. При этом основную ставку государства ЦА делали на промышленно развитые страны Запада, а также на некоторые финансово состоятельные и близкие по культуре страны исламского мира.

Второй этап (1996–1999). В середине 90-х годов стали появляться все более отчетливые признаки того, что Россия пытается выработать принципиально иные внешнеполитические подходы вообще и в отношении постсоветского пространства (включая ЦА) в частности. Значение региона в системе национальных приоритетов РФ существенно выросло, когда концептуальной основой внешней политики Москвы стал курс на многополярность, озвученный в 1996 г. новым главой российского МИДа Е. Примаковым. Основной целью внешней политики РФ было провозглашено становление в качестве самостоятельного центра силы, а интеграция в евро-атлантическое сообщество отошла на второй план (хотя и не была снята с повестки дня ельцинской России).

Реализация «доктрины Примакова» потребовала от России усиления своего регионального влияния. Во многом именно через эту призму Москва стала рассматривать республики ЦА, за счет которых РФ пыталась усилить свои позиции как региональной евразийской державы. Эти задачи предполагалось решить главным образом на основе интенсификации сотрудничества со странами региона в сфере безопасности, а также использования транспортной монополии, в первую очередь на транзит энергоресурсов республик ЦА на внешние рынки. Необходимо признать, что у ослабленной России тогда и не было иных рычагов влияния. При тяжелой экономической и политической ситуации в самой РФ ставка именно на эти направления сотрудничества стала наиболее приемлемой для нее, как менее дорогостоящий (например, по сравнению с развитием полноценных экономических связей), но достаточно эффективный подход.

Во второй половине 90-х годов Москва стала придавать большее значение стабильности и безопасности стран ЦА. Главным образом это было связано с возросшим пониманием в РФ угрозы ее собственной безопасности со стороны политического ислама. В конце 90-х годов исламские радикалы практически полностью контролировали Афганистан (после поражения Северного

альянса в 1998 г.) и Чечню (после вывода из нее в 1996 г. федеральных войск). Учитывая рост террористической активности в самой РФ и параллельную эскалацию военного конфликта на Северном Кавказе, Москва осознала тесную связь между деструктивными силами, действующими на территории России, в Афганистане и ряде стран ЦА. В тот период значительным успехом Москвы стало урегулирование дипломатическими средствами и при содействии других заинтересованных стран (в первую очередь Ирана и Узбекистана) внутритаджикского конфликта.

Как и ранее, РФ не придавала серьезного значения развитию экономического сотрудничества со странами ЦА. Наиболее яркое тому свидетельство – объемы торговли России с республиками региона снизились даже по сравнению с первой половиной 90-х годов. Так, в 1996–1999 гг. объемы товарооборота уменьшились примерно в два раза – с 7,2 до 3,7 млрд. долл. При этом из-за дефицита валютных средств в России и государствах региона торговля между ними в ряде случаев осуществлялась по бартеру. Продолжалась фрагментация постсоветского экономического пространства, начатая еще в 1992 г. правительством Е. Гайдара. Единственное отличие заключалось в том, что несколько оживилось сотрудничество в нефтегазовом секторе, которое коснулось Казахстана и Туркменистана. Однако все это лишь с большой долей условности можно отнести к сфере экономических отношений. Более того, взаимодействие было несистемным, его зачастую использовали в политических целях в качестве некоего рычага воздействия на вышеуказанные страны, учитывая, что тогда РФ сохраняла абсолютную монополию на транзит казахстанской нефти и туркменского газа. Именно по этой причине даже начавшееся нефтегазовое сотрудничество России с Казахстаном и Туркменистаном было во многом противоречивым. С одной стороны, РФ демонстрировала заинтересованность в том, чтобы осуществлять транзит углеводородов республик ЦА исключительно по своей территории, воспрепятствовать строительству трубопроводов в обход России и за счет этого усилить свои позиции в регионе. С другой стороны, положение РФ в качестве монополиста по транзиту углеводородов из ЦА зачастую было крайне соблазнительным. Наиболее ярко это проявлялось по отношению к Туркменистану, когда «Газпром» периодически блокировал транзит его голубого топлива, что приводило к серьезным охлаждениям отношений между Москвой и Ашхабадом. Кро-

ме того, имели место случаи квотирования Россией объемов экспорта казахстанской нефти по своей территории.

В плане институционального сотрудничества со странами ЦА ельцинская администрация, как и в начале 90-х годов, ограничивалась форматом взаимодействия в рамках СНГ. Само же Содружество к тому времени фактически трансформировалось в недееспособную структуру, а отношения между РФ и странами ЦА поддерживались лишь на уровне двусторонних связей.

Непоследовательность и противоречивость российской политики лишь укрепляли взаимное недоверие. Тем более что у власти в РФ по-прежнему находилась администрация, еще недавно подчеркнуто демонстрировавшая «ненужность» ЦА. Все это усугублялось осознанием в государствах региона не только экономической, но и военной слабости России, что весьма проявилось в результате фактического провала первой чеченской кампании (1994–1996). При этом как РФ, так и государства ЦА были вынуждены сконцентрироваться на решении многочисленных и достаточно острых внутренних проблем: кризис промышленного производства (в результате разрыва и/или ослабления традиционных связей), сложная ситуация в социальной сфере, подрывная деятельность религиозно-экстремистских организаций и многое другое. В целом, поскольку Россия в тот период так и не смогла преодолеть тот самый «барьер отчуждения» в отношениях с государствами региона, они (уже не рассчитывая на сколько-нибудь существенную российскую помощь) стали надеяться в основном на собственные силы и содействие международных организаций, внешних доноров и центров силы. В итоге именно во второй половине 90-х годов окончательно оформился генеральный курс всех стран ЦА на многовекторность.

Третий этап (2000 – настоящее время). Приход к власти в 2000 г. В. Путина и его команды стал в какой-то мере поворотным событием в развитии РФ. Ее внешнеполитическая стратегия обретала все более выраженную направленность на становление страны в качестве одного из центров современных международных отношений и глобальной экономики. Смена же политического руководства России в 2008 г. в целом пока не изменила этот вектор развития. По сути, как в основе курса В. Путина, так и нынешнего тандема «Медведев–Путин» лежит концепция многополярного мира, выдвинутая еще Е. Примаковым. Первые признаки перехода Кремля от слов к делу стали возможны лишь в условиях, когда у РФ появились финансовые, административные и иные ресурсы. С

одной стороны, уменьшилась хаотичность и непоследовательность ее внешнеполитического курса, с другой – наблюдавшаяся вплоть до сентября 2008 г. крайне благоприятная конъюнктура мировых цен на основные виды российского экспорта (сырье, в первую очередь нефть и газ) действительно оказалась для путинской России подарком судьбы. Это не только сделало реальной возможность решить многочисленные внутренние проблемы (на чем, кстати, и было сфокусировано внимание Кремля в первые годы пребывания В. Путина у власти), но и позволило использовать часть финансовых средств на реализацию целей нового внешнеполитического курса.

Многие из этих целей стали очевидны, когда у Москвы сформировалось и окрепло представление, что восстановление утраченных ею позиций на постсоветском пространстве – неизбежный шаг для повышения международной роли РФ. В таком контексте Россия стала рассматривать республики Центральной Азии в качестве одного из направлений, за счет которого можно было бы приступить к практической отработке элементов новой внешней политики, в том числе таких, как прагматизм, гибкость, конкретность. К тому же после начавшейся в 2001 г. антитеррористической операции в Афганистане под эгидой США и НАТО статус ЦА как периферийного региона мировой политики трансформировался в стратегически важный. Однако, как представляется, главный недостаток современной внешней политики РФ вообще и в ЦА в частности – отсутствие в ее основе устойчивой концептуальной базы, предполагающей более конкретные (чем несколько абстрактная многополярность) долгосрочные приоритеты и соответствующие механизмы их реализации. В этой связи Москва еще довольно слабо понимает роль и место тех или иных стран и регионов, в том числе ЦА и постсоветского пространства в целом, в общей системе внутренних и внешних мер. В итоге до тех пор пока Россия четко не определилась с магистральным вектором своего развития, нельзя говорить и о ее системе стратегических целей в Центральной Азии, а также об алгоритме действий Москвы на этом направлении и, очевидно, об успешности ее политики в регионе.

Более того, глобальный финансово-экономический кризис способен внести значительные корректировки в процесс дальнейшего оформления внешней стратегии РФ, что, безусловно, отразится и на политике Москвы в ЦА. В случае дальнейшего углубления кризисных процессов в самой РФ она может оказаться перед сложным

выбором: отмежеваться от постсоветского пространства, в частности от стран ЦА, сосредоточившись на преодолении кризиса внутри страны собственными силами, либо, напротив, попытаться форсировать процесс экономической интеграции на постсоветском пространстве, чтобы вместе с партнерами по СНГ (или хотя бы в рамках ЕврАЗЭС) найти новые возможности экономического роста. С точки зрения современных реалий такой выбор России еще не очевиден.

По сравнению с 1990-ми годами внешнеполитическая активность России в ЦА резко возросла, а многочисленные декларации о необходимости развития тесного сотрудничества постепенно наполняются конкретным содержанием. Это способствовало резкой интенсификации в первую очередь двусторонних отношений РФ с государствами региона. В то же время Кремлю пока не удалось выработать эффективные формы и механизмы именно многостороннего сотрудничества со всеми странами ЦА и в целом предложить новый, более дееспособный проект интеграции на постсоветском пространстве. Похоже, что у России пока отсутствует понимание принципиальной важности экономической интеграции с государствами региона. С одной стороны, Москва все активнее пытается стимулировать интеграционные процессы, но с другой – пока детально не разработала стратегический курс и программу реальной интеграции, поэтому во многом продолжает действовать преимущественно на двусторонней основе.

Новым и важным аспектом во внешней политике России на центральноазиатском направлении стал решительный переход к конкретным действиям и инициативам по развитию институционального сотрудничества. При этом закономерно, что основная ставка была сделана на поиск новых интеграционных схем и форматов, а не на реанимацию старых (как, например, СНГ, которое все же сохранило функцию некоего политического клуба). Здесь проявилась и достаточно высокая гибкость новой российской политики; Москва стала практически одновременно развивать сразу несколько интеграционных схем/институтов: ЕврАЗЭС, ЕЭП, ОЦАС (в 2006 г. интегрировалась в ЕврАЗЭС), ОДКБ. Очевидно, что на данном направлении России приходится сталкиваться как с объективными, так и с субъективными трудностями. Последние во многом обусловлены настороженностью ряда постсоветских государств относительно создания наднациональных структур и опасениями возрождения у РФ роли «старшего брата». Москва тем не

менее старается выступать локомотивом интеграционных процессов в СНГ, что особенно заметно в последнее время – на фоне развивающегося мирового финансового кризиса. Не случайно, что на прошедшем в начале февраля 2009 г. в Москве внеочередном заседании Межгосударственного совета ЕврАзЭС было принято решение создать совместный антикризисный фонд (10 млрд. долл., из них 7,5 млрд. выделит РФ), который планируется использовать для поддержания национальных экономик стран – членов Сообщества. Кроме того, руководство РФ рассчитывает, что уже с 1 января 2010 г. начнет функционировать Единое экономическое пространство (ЕЭП) России, Казахстана и Беларуси, к которому затем присоединятся и другие страны. Однако в основу институционального взаимодействия Москва изначально все же заложила идею усиления своего влияния, а не продвижения интеграции как некоего масштабного проекта (хотя и под эгидой РФ). В итоге среди всех институтов сегодня определенной дееспособностью обладает лишь ОДКБ, а ЕврАзЭС и тем более ЕЭП как экономические блоки пока не эффективны. Более того, нынешнее положение в сфере многостороннего экономического сотрудничества является критическим, не стимулирует ни комплексное развитие организаций стран-членов, ни решение важных социальных задач, с которыми столкнулись постсоветские республики после обретения независимости. И пока неясно, можно ли в таких условиях рассчитывать на эффективность совместной борьбы с набирающим обороты глобальным экономическим кризисом. Видимо, отнюдь не случайно в октябре 2008 г. Узбекистан приостановил свое участие в ЕврАзЭС. Низкая эффективность институционального сотрудничества России и стран региона, как представляется, связана с тем, что даже в период президентства В. Путина в своей политике на постсоветском пространстве Россия фактически пустила на самотек столь важный процесс межгосударственного взаимодействия, как экономическая интеграция. Кроме того, Россия – естественный лидер на постсоветском пространстве – опрометчиво устранилась от участия в урегулировании жизненно важной для республик ЦА водно-энергетической проблемы. В результате назревает конфликтная ситуация между рядом стран региона (в основном это касается Узбекистана, Киргизстана и Таджикистана), хотя именно активное участие России в урегулировании этого конфликта могло бы стать важным стимулом развития регионального сотрудничества, в том числе в рамках ЕврАзЭС. Необходимо признать и то, что экономи-

ческая интеграция РФ и стран ЦА невозможна без решения другого жизненно важного вопроса – урегулирования ситуации в Афганистане или, по крайней мере, существенного снижения влияния на регион исходящих из этой страны угроз. В то же время по объективным и субъективным причинам возможности для этого у России все еще значительно ограничены. В целом же представляется, что именно недооценка Москвой важности придания многостороннему сотрудничеству со странами ЦА большей динамики, управляемости и координации на государственном уровне во многом и предопределяет низкую эффективность существующих интеграционных институтов. Правда, с развитием мирового финансового кризиса наблюдаются попытки РФ придать интеграционным процессам новый импульс. Однако эти попытки, как и ранее, осуществляются преимущественно в рамках двусторонних, а не многосторонних отношений.

Развитие сотрудничества со странами ЦА в сфере безопасности Россия, пожалуй, по-прежнему рассматривает как основной механизм проецирования и усиления своего влияния в регионе, что в целом соответствует нынешнему внешнеполитическому курсу Москвы на укрепление своих глобальных позиций. Извлекая уроки из ошибок 1990-х (в частности тех, из-за которых в 1999 г. практически перестал работать ДКБ), руководство РФ уделяет большее внимание стимулированию заинтересованности государств региона в сотрудничестве именно с Россией. Для этого Кремль все активнее использует благоприятную стратегическую ситуацию – развернувшуюся на глобальном уровне борьбу с международным терроризмом, эпицентром которой стал соседний с ЦА Афганистан. К тому же развитие в этих условиях именно военных форм сотрудничества остается для РФ наиболее эффективным и одновременно менее затратным инструментом политики.

Последние события на Кавказе внесли дополнительный импульс в военное сотрудничество РФ со своими центральноазиатскими партнерами в рамках ОДКБ. На саммите, состоявшемся в начале февраля 2009 г. в Москве, главы государств ЦА поддержали конкретное предложение России усилить военную составляющую ОДКБ – создать коллективные силы оперативного реагирования. Вместе с тем по-прежнему прослеживается стремление России развивать с государствами ЦА не только многостороннее сотрудничество, в котором Москва могла бы взять на себя функцию координатора формирования региональной системы безопасности,

сколько двусторонние связи. Причем, как показывает практика, двусторонний формат сотрудничества со странами региона более удобен. Он, в частности, позволяет избегать негативного налета межгосударственных амбиций, особенно ярко проявляющихся в многостороннем формате. Кроме того, двусторонний формат сотрудничества пока включает и более конкретное взаимодействие РФ со странами ЦА. В итоге эффективность российской политики в регионе, даже в таких, казалось бы, достаточно успешных для Кремля сферах, как безопасность и военное сотрудничество, также все еще остается низкой. Как представляется, главная тому причина – отсутствие реальной экономической интеграции в системе РФ – ЦА, что является безусловной основой для выстраивания любых межгосударственных альянсов. Ведь главным образом из-за отсутствия экономической интеграции страны региона придерживаются в своей внешней стратегии многовекторного курса. При этом нельзя исключать, что по мере нарастания негативных тенденций в Афганистане у России появится реальная возможность использовать афганское направление для более тесного взаимодействия с государствами ЦА и согласования с ними подходов к решению вопросов региональной безопасности. В то же время афганское направление еще не заняло важного места во внешней политике РФ. Более того, в Афганистане Россия все еще отодвинута Западом на вторые роли, и лишь в последние два года Москва пытается приобрести действенные рычаги влияния на происходящие там процессы. Поэтому пока крайне преждевременно делать выводы и прогнозы относительно возможности успешного использования Москвой Кабула, в том числе в контексте укрепления своих позиций в ЦА. На состоявшейся в марте 2009 г. в Москве международной конференции под эгидой ШОС стало очевидно, что России еще предстоит выработать единую с партнерами по Организации позицию по Афганистану. Пока же члены ШОС ограничились констатацией проблемы и заявлениями о необходимости «повышения эффективности и согласованности международных усилий по возрождению Афганистана».

По сравнению с 1990-ми годами заметно активизировались как российский бизнес, так и экономическая политика РФ в странах ЦА. Однако стратегические направления экономических интересов России по-прежнему сфокусированы преимущественно на нефтегазовом секторе. Наиболее высокая проектно-инвестиционная активность заметна именно в тех странах региона,

которые обладают промышленными запасами углеводородов (Казахстан, Туркменистан и Узбекистан). За рамками же этого сектора экономическое сотрудничество и в целом активность России в республиках ЦА существенно не изменились. В этой связи важный индикатор – отношения в сфере торговли, которые на протяжении последних восьми лет хотя и развиваются, но остаются на крайне низком уровне (даже по сравнению с советским периодом). Причем в 2000–2002 гг. товарооборот между РФ и странами ЦА оставался примерно на уровне второй половины 1990-х. Связи в этой сфере начали активизироваться лишь с 2003 г. Так, в 2003–2008 гг. среднегодовой уровень товарооборота вырос с 7,1 до 29,3 млрд. долл. Однако в целом в период 2000–2008 гг. доля государств региона не превышала 4% от общего внешнеторгового оборота России, что немногим больше уровня 90-х годов. При этом в последнее время все же появились некоторые достаточно видимые изменения в экономической политике РФ. Например, исходя из геополитической целесообразности, Россия выражает готовность предоставлять кредиты государствам ЦА, рассчитывая взамен на поддержку своих интересов в регионе. Наглядное тому подтверждение – кредитование Киргизстана на 2 млрд. долл., по времени совпавшее с решением Бишкека закрыть в стране базу США.

Еще один новый аспект экономической политики РФ в ЦА – российские власти намерены использовать сложившуюся в результате мирового финансового кризиса тяжелую ситуацию для усиления в регионе позиций отечественного бизнеса. Для этого Москва предполагает создать специальную структуру, которая будет координировать действия бизнеса и правительства РФ в приобретении подешевевших активов в сопредельных странах. И хотя есть определенные сомнения относительно возможности разработать широкомасштабную программу экономической экспансии, поскольку у РФ сейчас нет для того в достаточной мере финансовых ресурсов, эти новые подходы к расширению своего экономического присутствия на постсоветском пространстве свидетельствуют об определенном повышении интереса России, в том числе к странам ЦА.

Несмотря на кардинальные и в целом позитивные изменения в России во время президентства В. Путина и в начальный период президентства Д. Медведева, результаты российской внешней политики в странах региона пока представляются крайне неоднозначными. С одной стороны, РФ удалось замедлить развитие центробежных тенденций, укрепить свои позиции, во многом преодолеть

недоверие к себе, сформированное в 90-х годах. Очевидно, что при этом Москва внесла в политику относительно стран ЦА элементы большей гибкости, прагматизма, устойчивости и последовательности. В значительной степени все это стало возможным благодаря возросшему пониманию стратегического значения региона и одновременно наличия больших ресурсов в его странах для проведения Россией своей внешней политики. В странах ЦА стали иначе, чем во второй половине 90-х годов, воспринимать сигналы Москвы о готовности перейти к решительным действиям в плане политического, экономического и военного сближения. В результате значение России во внешней политике каждого государства ЦА возросло. С другой стороны, Россия так и не смогла заполнить ни геополитический, ни тем более геоэкономический вакuum в регионе, поскольку у нее не сложилось окончательного понимания острой необходимости развития разноплановых связей с центрально-азиатскими странами, причем не только на двусторонней, но и на многосторонней основах. В результате, пока нет существенных подвижек именно в плане экономического сближения РФ со странами региона (разумеется, если не считать сотрудничества в нефтегазовом секторе). Складывается впечатление, что восприятие России стратегической важности республик ЦА по-прежнему связано преимущественно с возрождением формального статуса «великой державы», т.е. чтобы иметь некий козырь в диалоге с тем же Западом.

* * *

Представляется, что эффективность российской политики в странах ЦА кардинально повысится лишь в том случае, если Кремль предложит новую и привлекательную программу сотрудничества, основанную на форсировании процесса экономической интеграции как фундамента для выстраивания реальных союзнических отношений во всех сферах взаимодействия. Поэтому в перспективе отношения РФ со странами ЦА во многом будут зависеть от нее самой. Тем более что в пределах постсоветского пространства только Россия, учитывая ее экономический и геополитический потенциал, способна стать локомотивом комплексного экономического развития стран ЦА и гарантом обеспечения их безопасности. Однако в Кремле до сих пор не сформировалось понимания того, что регион важен не только в плане укрепления внешнеполитических позиций РФ в мире, но прежде всего для эф-

фективного и комплексного экономического развития самой России.

Во-первых, дальнейшая консервация экономических отношений на нынешнем крайне низком уровне неизбежно приведет к тому, что страны ЦА со временем начнут еще больше ориентироваться на развитие связей с иными мировыми центрами силы. Богатые минеральные ресурсы республик региона рано или поздно станут объектом еще более острого, чем сегодня, соперничества экономически сильных государств и блоков. Причем не факт, что Россия с ее ориентированной на экспорт сырьевой экономикой, ослабленным промышленным и научным потенциалом победит в этой конкурентной борьбе. С высокой долей вероятности можно предположить, что богатейшие запасы минерального сырья республик ЦА (особенно энергоресурсов, цветных и драгоценных металлов) со временем достанутся соседнему Китаю, который сегодня стремительно усиливает свое экономическое присутствие в регионе.

Во-вторых, наращивание Россией политической и военной активности в ЦА, не подкрепленное адекватным развитием экономического сотрудничества, вряд ли станет гарантией необратимости наблюдаемого в настоящее время российско-центральноазиатского сближения. Наиболее яркое тому свидетельство – межгосударственный блок ЕврАзЭС, который до сих пор не соответствует своему названию: он пока не стал полноценным экономическим сообществом. Как представляется, в основном это вызвано принципиальными расхождениями в стратегии экономического развития России и ряда других стран – членов данной организации. Так, Узбекистан, Беларусь и (в меньшей степени) Таджикистан не желают следовать неолиберальной модели экономического развития, в рамках которой развиваются Россия, Киргизстан и Казахстан (в значительной степени). Данное нежелание представляется оправданным, так как неолиберальная модель сопряжена с чрезвычайно высокими рисками. К тому же многие эксперты считают, что нынешний глобальный финансово-экономический кризис есть не что иное, как крах неолиберальной экономической модели.

В-третьих, Россия явно недооценивает стратегическое значение республик ЦА, что, как представляется, во многом обусловлено слабостью аналитики и экспертизы, а также укоренившимися в РФ представлениями о регионе как о некоем «экономическом бремени», брать которое «на баланс» нецелесообразно. При этом

игнорируется принципиально важный момент: убыточность и дотационность республик ЦА даже в советское время были искусственными. И все же в мышлении правящей элиты, даже академических кругов РФ, а также в российском обществе и сегодня превалирует ложный посыл «экономической ненужности ЦА».

В итоге, пока предпринимаемые Россией в плане экономической интеграции на постсоветском пространстве меры будут несистемными, хаотичными и непоследовательными, любая (даже самая гениальная) программа действий в том или ином секторе российской внутренней и внешней политики неизбежно войдет в противоречие с другими программами, будет сталкиваться с тупиковыми дилеммами, так как их решение невозможно в узких национальных, секторальных и иных рамках. В результате подобные разрозненные программы не достигнут самого главного: они будут не расширять, а, наоборот, сузят диапазон стратегических и тактических возможностей РФ.

«Центральная Азия и Кавказ»,
Лулео (Швеция), 2009 г., № 3.

Василий Белозёров,
кандидат политических наук
СТРАСТИ ПО ВОДЕ И
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Тема борьбы за нефть и газ, которая стала особенно актуальной в предшествующие годы ценового бума, отодвинула на второй план в общественном сознании проблемы дефицита других природных ресурсов. Между тем ситуация с водой чревата разнообразными конфликтами уже в среднесрочной перспективе.

Из всех запасов воды на нашей планете для питья пригодны лишь 2,5%, да и те распределены крайне неравномерно. Если на каждого жителя Земли в среднем приходится 7,5 тыс. м³ воды, то в Европе – 4,7, а в Азии – всего 3,4 тыс. м³. ООН оценивает дефицит пресной воды в 230 млрд. м³ в год, к 2025 г. он увеличится до 1,3–2,0 трлн. По некоторым расчетам, через четверть века нехватку жизнительной влаги будут испытывать уже две трети землян. Ухудшается и качество воды. Каждый год из грунтовых вод человек отбирает 160 млрд. м³, и до 95% жидких промышленных отходов сливаются в водоемы абсолютно бесконтрольно. Кислотные дожди

во многих странах давно не редкость. Если же загрязнения примут необратимый характер, то вода может стать невоспроизводимым ресурсом.

Сложность состоит в том, что почти на 50% суши влага подается из речных бассейнов, принадлежащих двум или более государствам, порой готовым обвинить соседей в дефиците воды. В этих условиях установление контроля над ее запасами все чаще становится причиной международных конфликтов, тем более если соседи исторически враждовали и одна из стран в состоянии ограничить водоток. В схватку за жизненно важные источники вступают группировки экстремистского и криминального толка, особенно там, где власть коррумпирована либо присутствуют признаки «падающего» государства. Однако спектр проблем в сфере национальной и международной безопасности, так или иначе связанных с водой, гораздо шире. И рассматривать их следует в комплексе.

Даже самые первые конфликты между политическими субъектами в истории человечества, по всей видимости, происходили из-за рек и источников. Тогда, за 2,5 тыс. лет до Рождества Христова, в Месопотамии, в шумерской цивилизации, велась острая борьба за право пользования водами Тигра и Евфрата. Сегодня же многие эксперты сходятся во мнении, что после эпохи борьбы с терроризмом в ближайшие десятилетия последуют вооруженные конфликты за ресурсы и вода станет одним из главных объектов противоборства. Наиболее активно тревогу поднимают представители экспертного сообщества и политики на Западе, в то время как компетентная позиция российской стороны по данной проблеме пока не прозвучала. Еще в 1995 г. вице-президент Международного банка реконструкции и развития И. Серагельдин выразил уверенность в том, что войны следующего столетия будут вестись не за нефть, а за воду. На саммите, посвященном проблеме изменения климата (Найроби, ноябрь 2006 г.), тогдашний министр обороны Великобритании Дж. Рейд предупреждал, что насилие и политические конфликты станут вероятнее по мере превращения водных бассейнов в пустыни, таяния ледников, отравления водоемов. Фактически в одно время с Рейдом М. Альо-Мари, в ту пору глава оборонного ведомства Франции, заявила: «Завтрашние войны – это войны за воду, энергию и, возможно, за пропитание». Исследовательские структуры в Соединенных Штатах все более склонны увязывать проблемы гидроресурсов, от которых зависит стабильность во многих странах – экспортёрах нефти, с энергетической безопас-

ностью. В докладе, подготовленном Центром морских исследований и направленном в апреле 2007 г. президенту США, отмечено, что сокращение водных ресурсов представляет «серьезную угрозу» национальной безопасности. Группа отставных адмиралов и генералов предупреждает руководство страны, что когда-нибудь США будут втянуты в ряд жестоких войн за воду.

Вода может быть использована и как мощный инструмент реализации национальных интересов. Подобным образом поступают Китай, некоторые другие страны. Наиболее же ярким примером того, как в полной мере прагматично и рационально используются гидроресурсы и природно-географическое положение, является Турция. Страна имеет опыт продажи значительных объемов питьевой воды, однако интерес представляет не только коммерческая сторона проблемы, поскольку власти Турции активно прибегают к «водным» рычагам политического воздействия на соседей. Максимальные выгоды извлекаются из того обстоятельства, что на территории страны находятся верховья Тигра и Евфрата, где к 2010 г. планируется воздвигнуть 22 плотины, 19 гидроэлектростанций и водохранилищ. Вследствие малого количества осадков страны, расположенные в бассейнах этих рек, вынуждены прибегать к искусенному орошению сельскохозяйственных земель. Если намеченные Анкарой планы воплотятся в жизнь, значительно сократится количество воды, попадающей в Сирию и Ирак, которые находятся ниже по течению. Турция получает возможность дозированно выделять соседям воду, объем которой зависит от их сговорчивости. Кстати, в 1990–1991 гг., накануне войны в Персидском заливе, Турция – по договоренности с Сирией – уже оказывала давление на режим Саддама Хусейна посредством ограничения объемов отпускаемой воды. Водный фактор используется Турцией и в отношении Сирии. В 1987 г. оба государства подписали соглашение, регулирующее вопросы водоснабжения. Условием турецкой стороны стало требование к Сирии не оказывать поддержку Курдской рабочей партии. Характерно, что свои гидросооружения Турция строит как раз на территории проживания курдов, борющихся за создание собственного государства.

Любопытна ситуация вокруг поставок турецкой воды в Израиль. В августе 2002 г. между обеими странами был подписан договор о поставках 50 млн. м³ воды в год, что обеспечивает лишь 3% потребности Израиля. Стороны остановились на доставке воды по трубопроводу, что дороже по сравнению с использованием танке-

ров. При этом возможности трубопровода в 4–6 раз превышают первоначально предполагавшиеся объемы поставок танкерами. В то же время это обойдется гораздо дороже строительства в Израиле опреснительных установок, себестоимость же опресненной морской воды значительно ниже, чем турецкой.

Чтобы разобраться в ситуации, следует учитывать не столько экономическое, сколько политическое значение соглашения. В последние годы Турция превратилась для Израиля в стратегического партнера, подписан договор о расширении сотрудничества в области безопасности. Возможно, секрет кроется в том, что от подписания договора о поставках воды зависели перспективы закупок Турцией вооружения, произведенного в Израиле.

Потенциал конфликта в Центральной Азии и Китае

Конфликты различной остроты, предметом которых является пресная вода, имеют место на всех континентах. Сосредоточимся на ситуации, складывающейся вблизи России, а именно в Центральной Азии и Китае. В Центральной Азии коллизии вокруг источников воды происходили и во времена СССР, однако тогда их удавалось сдерживать. Сегодня ситуация постоянно ухудшается в силу ряда причин. Так, ожидается, что через 15–20 лет водные ресурсы региона сократятся, как минимум, на треть.

Во-первых, в регионе остро ощущается изменение климата. Вот уже несколько лет в Ферганской долине стоит засуха, западные области Узбекистана практически полностью обезвожены.

Во-вторых, усиливается антропогенная нагрузка на экосистему. Регион отличается высокими темпами роста населения, ощущается нехватка продовольствия, ввиду чего невозможно сокращение посевных площадей. Между тем полив полей до сих пор производится архаичным способом, по арыкам, в результате чего на выращивание урожая тратится влаги в несколько раз больше, чем при применении современных технологий. Особенно показателен печальный пример Аральского озера-моря, площадь которого за каких-нибудь пять десятилетий сократилась более чем на половину вследствие «холодной войны» стран региона за воды впадающих в Арал Амудары и Сырдарьи. А ведь когда-то полноvodное и богатое рыбой море было четвертым по величине озером мира.

В-третьих, не урегулированы межгосударственные отношения касательно использования водных ресурсов.

Наиболее острые противоречия возникают в связи с режимом работы Токтогульского водохранилища в Киргизии. В нем содержится примерно 40% всех запасов пресной воды региона. Самой республике достаточно и десятой части всего годового стока влаги. Однако из-за недостатка средств Киргизия уже несколько лет вынуждена отапливаться электричеством, вырабатываемым на собственных гидроэлектростанциях. В итоге зимой воды сбрасывается больше, чем требуется Казахстану и Узбекистану; летом же сброс ограничен, хотя потребность в воде в это время года намного выше. Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан заключили рамочное соглашение об использовании гидроресурсов Нарын-Сырдарьинского речного бассейна. В нем предусматривается ежегодное принятие соответствующих четырехсторонних документов с последующим заключением двусторонних соглашений. Однако в течение ряда лет узбекская сторона уклоняется от их подписания.

На саммите Шанхайской организации сотрудничества в августе 2007 г. вновь обнаружились различия во взглядах на решение водно-энергетических проблем в регионе. В частности, президенты Таджикистана и Узбекистана обменялись колкостями по поводу планов Душанбе по строительству плотины Рогунской ГЭС. Ташкент опасается, что слишком высокая плотина позволит Душанбе регулировать стоки воды, орошающие узбекские долины. Хотя руководство Таджикистана и опровергло такие опасения, но трения усугублялись. В начале 2009 г. заявление Президента Российской Федерации Д. Медведева, сделанное в ходе его визита в Узбекистан и истолкованное таджикской стороной как поддержка позиции Ташкента, вызвало дипломатический конфликт с Москвой и чуть было не привело к отмене визита президента Таджикистана Эмомали Рахмона в Россию.

Нурсултан Назарбаев высказал на саммите ШОС-2007 ряд претензий к Китаю. Астана испытывает серьезные опасения в связи с осуществлением Пекином ряда водных проектов. Президента Казахстана можно понять, если учесть, что его страна занимает последнее место в СНГ по обеспечению водой. Руководство же КНР нацелилось на ускоренное освоение Западного Китая, одного из наиболее отсталых регионов страны. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе завершается строительство канала, по которому часть вод из верховьев Иртыша будет перебрасываться на предпри-

ятия Карамайского нефтяного бассейна и для орошения сельхозугодий. Планируется увеличение забора воды в верхнем течении трансграничной реки Или, которая обеспечивает 80% притока воды в озеро Балхаш. В настоящее время объем забора воды из Или в пределах КНР составляет 3,5 тыс. м³ в год, увеличение объема до 5 тыс. вызовет обмеление и засоление озера Балхаш. Иртыш же является крупнейшим притоком Оби, одной из главных рек России, и питает озеро Зайсан в Казахстане. Реализация планов Пекина значительно сократит поступление воды в восточную и центральную области Казахстана, под угрозой водного голода окажутся города Усть-Каменогорск, Семипалатинск, Павлодар, канал Иртыш–Караганда, а уровень Иртыша в районе российского Омска может понизиться на 60 см. В самом Китае дефицит качественной воды ощущается почти повсеместно, 70% ее нельзя использовать даже в технических целях. Загрязнение рек самыми опасными отходами стало обычным явлением, а очистные сооружения на предприятиях практически отсутствуют. В большинстве случаев Пекин скрывает масштабы аварий и катастроф, что затрудняет оценку их последствий и принятие соответствующих мер соседями. Вдоль пограничной с Россией Сунгари стоят сотни промышленных предприятий, не оснащенных экологосберегающими сооружениями, а вода из реки прямиком попадает в Амур. Россией уже привлекались воинские формирования для ликвидации последствий загрязнений.

М. Барлоу, автор книги «Голубой договор» (Blue Covenant), выделяет три основные причины водного кризиса в мире:

- истощение запасов пресной воды,
- несправедливый доступ к водным источникам,
- корпоративный контроль над водными резервами.

Все это, по его мнению, составляет «главную современную угрозу планете и нашему выживанию». Автор предлагает начать с глобального договора – «завета» – о воде, который должен включать в себя три обязательства.

Первое – о сбережении воды, что требует от людей и государств защищать и сохранять мировые водные ресурсы.

Второе – о водной справедливости между мировым Севером, в достатке обладающим соответствующими источниками, и мировым Югом, который испытывает дефицит гидроресурсов.

Третье – о водной демократии между всеми правительствами, которые должны признать, что право на воду является фундаментальным всеобщим правом людей. Наряду с этим правительст-

вам следует согласиться с тем, что граждане других стран также имеют право на воду.

То, что Барлоу предлагает обеспечить абстрактным «всем» беспрепятственный доступ к воде любого государства, мягко говоря, смущает. Ведь ответ на вопрос, у кого воды достаточно и кому, напротив, она так нужна, не является секретом Полишинеля, компенсация же владельцам воды не предусматривается. Скорее всего, в условиях обострения глобальной борьбы за ресурсы такой подход найдет заинтересованных последователей. Сегодня мировой общественности уже пытаются навязать мысль о том, что природные ресурсы России есть достояние всего человечества. А если быть точнее, то ими должны свободно пользоваться те, кто в них нуждается. Словом, если отбросить казуистику и называть вещи своими именами, то странам, богатым пресной водой, к числу которых в первую очередь относится Россия, по-хорошему предлагают «поделиться».

Положение России уникально. Достаточно сказать, что 23,6 тыс. м³ воды Байкала – это не только более 80% российских запасов пресной воды, но и порядка 20% мировых. В целом же наша страна располагает третью мировых ресурсов и находится по данному показателю на втором месте, уступая лишь Бразилии. При этом Россию отличает более выгодное географическое положение – близость к странам, испытывающим дефицит воды. Трудно сказать, в чем состоял изначальный замысел организаторов V Всемирного водного форума, состоявшегося в Стамбуле (март 2009 г.), но его тема «Устранение границ, разделяющих воду» с учетом сказанного выше звучит, мягко говоря, неоднозначно. Эпоха всеобщей любви, благоденствия, равных возможностей, полного умиротворения и воцарения гуманизма наступит еще не скоро. Реалии же таковы, что в международных отношениях по-прежнему господствуют прагматизм и политические субъекты отстаивают национальные интересы (как правило, за счет других), а дефицит природных ресурсов растет со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В любом случае Россия быстро приближается к той точке, когда придется делать выбор. Хотелось бы, чтоб он был не спонтанным, а сознательным и подготовленным, с просчитанными последствиями. При взвешенном и разумном подходе к использованию имеющихся гидроресурсов Россия сможет отстоять свои

национальные интересы и извлечь определенные выгоды из складывающейся, пусть и весьма непростой, ситуации.

«Россия в глобальной политике»,
М., 2009, № 3 (май–июнь), с. 150–160.

М. Карамихова,
этнограф (Этнографический институт
и музей при Болгарской АН, София)
ИСЛАМ В БОЛГАРИИ

Современные территории Болгарии с XIV до XIX в. (1396–1878) входили в состав Османской империи. Поэтому длительное время ислам в Болгарии отражал специфику османского ислама и развивался в рамках ханафитского мазхаба. После освободительной Русско-турецкой войны (1876–1878) и становления Болгарского царства, ислам быстро утратил доминирующие позиции в качестве государственной доктрины. Но социальные и идеологические связи между Болгарией и Турцией сохранились. До начала демократизации болгарского общества (1989), несмотря на светский характер Республики Турция, для мусульман она все-таки оставалась идеологическим исламским центром. С начала 90-х годов XX в. началась миссионерская деятельность арабских проповедников, в основном из Саудовской Аравии. Сначала они занимались благотворительной деятельностью и восстановлением мечетей. В середине 1990-х годов миссионеры стали отправлять юношей, преимущественно из среды болгар-мусульман (так называемые помаки), в теологические университеты арабских стран. Позднее эти люди стали возвращаться домой и занимать лидирующие позиции в местных мусульманских общинах. Вооруженные новыми знаниями, они упорно работают над «очищением» ислама. Помаки – это большая конфессиональная группа, ее члены говорят на болгарском языке, но исповедуют ислам. Согласно данным переписи 2001 г., их численность оценивается в 83 тыс. человек (1,2% всего населения).

Оформление болгарской национальной идеологии имело в XIX в. две стратегические цели: достижение независимости от Османской империи и освобождение от господства греческого духовенства в странах восточного православия. В согласии с логикой национальной идеологии болгары-мусульмане (помаки) были

заклеймены как «вероотступники». Эта позиция определила процесс длительной ассимиляционной политики. Ассимиляционная политика Третьего Болгарского царства (1878–1944) и тоталитарного режима (1944–1989) проявлялась в откровенной форме: проводились жестокие акции «крещения» мусульман: в 1912–1913 гг., в конце 30-х годов, в начале 60-х и начале 70-х годов. Официальная политика включала в себя целую гамму разнообразных возможностей: гегемония и тотальный контроль со стороны большинства, выселение (в пределах страны) и принуждение к эмиграции, попытка интеграции на надэтнической базе («братство социалистического рабочего класса»), насильственная ассимиляция. Все акции предполагали смену мусульманских имен на «болгарские». Во время последней акции, закончившейся около 1974 г., тоталитарная власть считала, что болгары-мусульмане ассимилировались окончательно, но вплоть до 1989 г. строго контролировала их общественную и частную жизнь, чтобы не допустить проявления каких-либо действий, которые могли бы восприниматься как специфические, принятые у «помаков». Эти повторяющиеся акции по ассимиляции, сопровождавшиеся активной пропагандой в средствах массовой информации, вселяли в болгар-мусульман чувство неполноценности и неуверенности. Таким образом, сформировался групповой комплекс.

В начале 90-х годов XX в. социологи констатировали, что не более 5% каждой конфессиональной группы в Болгарии определяют себя как людей религиозных, точно соблюдающих требования веры. Действительно, в сознание масс была внедрена идея, что религия как «опиум для народа» в наше рациональное Новейшее время может сохраняться и доживать свой век только среди самых бедных, необразованных (по умолчанию – пожилых), деревенских слоев населения. Население села Сатовча составляет 2400 человек. Сатовча является центром территории, южная граница которой совпадает с государственной границей между Республикой Болгария и Грецией. Согласно официальной местной статистике, в селе проживают болгары-мусульмане (50%), православные болгары (40%) и цыгане-мусульмане (10%), среди которых в настоящее время происходит бурный процесс евангелизации. В селе расположены и функционируют православная церковь и мечеть. Кварталы различных групп уже давно смешались. До начала евангелизации цыгане были мусульманами. В результате агрессивной атеистической политики тоталитарного государства, сочетавшейся с универ-

сальной тенденцией к секуляризации в современном мире, в начале XXI в. жители села демонстрировали очень низкую степень религиозности. Внешние знаки мусульманской идентичности в общественном пространстве ограничивались возвышающимся минаретом мечети. Поколения людей, родившихся после 1944 г., получали образование вне горных районов и отошли от исполнения групповых ритуалов как неприменимых для своих личных стратегий. Эрозия духовного образования, в том числе и самих духовных вождей, отсутствие контроля четкого исполнения религиозных предписаний (даже наоборот, требование их забыть), новый ритм и правила современной жизни привели к сильной секуляризации сознания и этих граждан Болгарии. Эта система, связанная с доиндустриальным обществом, которую по традиции мы называем народной культурой, окончательно распадается в начале 60-х годов. XX в. Прекратилось соблюдение поста в период Рамадана. Казалось, что религия умирает, однако принадлежность к определенной конфессиональной группе сохранилась, причем со всей своей высокой знаковой разделительно/объединительной значимостью. Системная ассимиляционная политика вызвала ощущение постоянной неуверенности в повседневной жизни и страх нового «оболгаривания». Эти ощущения доминируют в настоящий момент у представителей данной группы.

Затянувшийся переход к рыночной экономике вызвал, особенно после 1997 г., усиление эмиграционной волны из общины. Зафиксированы все известные типы миграции в Болгарии, а также в различные страны Европы и США. Продолжительность и характер миграционных движений варьируются: от временных (несколько месяцев) до выезда на постоянное место жительства. Намечается тенденция к оседанию части мигрантов (в США, Португалии и Испании). Практически каждая семья дает трудовых мигрантов,езжающих в различных направлениях с разной продолжительностью пребывания за границей. В конце 90-х годов социальная жизнь мусульман села определялась стабильной иерархической системой родственных связей. Родственные сети – это пример широких объединений, которые строятся на связях сильного типа. При такой организации весьма заметен ежедневный контроль со стороны родственников и соседей над всеми половозрастными группами. В общественном пространстве очевиден традиционно высокий, декларируемый как исламский, авторитет мужчин и в целом старших. Сегодня эта иерархическая система меняется, благодаря возникно-

вению небольшой прослойки образованных женщин, отстаивающих свою экономическую и социальную эмансипацию. Однако даже преуспевающие женщины в общественном месте стараются оставаться в тени, демонстрируя уважение к авторитету мужчин. Для внешнего взгляда исследователя создается ощущение, что принятие решений и в повседневных, и в кризисных ситуациях все еще остается «мужским» делом и осуществляется всегда в соответствии с родственными интересами. Эта классическая, определяемая как «исламская», модель остается устойчивой благодаря относительной изоляции села, многократным ассимиляционным натискам на мусульман и крепкой взаимосвязи хозяйств, которые характеризуются низкой механизацией и малопроизводительной горной аграрной культурой.

Социальная дистанция членов группы невелика. Это обусловлено, с одной стороны, эффективной уравнительной стратегией в экономической и социальной сферах при социализме, а с другой – сравнительно слабыми стартовыми позициями эмигрантов. Несмотря на то что доходы в денежном выражении в Сатовче очень низкие, семьи производят достаточно продуктов питания (по некоторым данным, в Болгарии это самая большая статья в бюджете хозяйств – до 47%), вкладывая исключительно собственный труд. Они проживают в собственных домах, которые неплохо обрудованы, используют традиционно большое приданое для невест (одежда и ткани) и свадебные подарки (бытовая техника и посуда). Сильная локальная солидарность в сочетании с балканской моральной моделью коллективной ответственности за нуждающихся людей, дополненная исламской концепцией милостины, приводит к тому, что все материальные блага распределяются в группе и до крайней нужды не доходит никто. Так формируется небольшое социальное расслоение между отдельными ядрами сети.

Наблюдения 2000–2007 гг. показали, что жители Сатовче нашли свою модель осуществления кратко- и долгосрочных успешных стратегий. В 2005 г. уже не звучали высказывания, что нужно эмигрировать «любой ценой», что так настойчиво декларировалось в 2000 г. Жители Сатовчи впервые стали производить впечатление экономически эмансипированных и в какой-то степени дистанцировавшихся от односельчан-эмигрантов. Стал возникать разрыв между основным ядром сети, находящимся в родном селе, и новыми социальными образованиями, которые создаются в результате многолетней эмиграции в Европе и Америке. Безуслов-

но, изменения обстоятельств приводят к изменениям в сети. Создаются новые сети в эмиграции и в селе. Различные локальные сети перекрываются многими полями и формируют растянутую в пространстве общую среду, в которой индивидуальные связи сильного и слабого характера постоянно меняются. Мы наблюдаем одновременно цикл глобализации и усиления региональных сетей и в самом селе Сатовча, и в группах выходцев из него в диаспоре. Важный фактор групповой стратегии успеха, который создают и поддерживают эти сети, – это возможность доступа к власти, решениям и ресурсам локального, регионального и национального уровня, что осуществляется через политическое представительство.

Основным политическим представителем мусульман в Болгарии является Движение за права и свободу (ДПС), созданное 26 марта 2003 г. в Софии во главе с А. Доганом. Секретом Полишинеля, который периодически эксплуатируют в политических дебатах, является то, что в нарушение Конституции ДПС практически представляет собой этническую партию, партию турок в Болгарии. В Западных Родопах болгары-мусульмане активно поддерживают ДПС. Они считают, что благодаря этому они окажутся защищенными от новой ассимиляционной политики. Реальный доступ к власти и ресурсам по этой линии, однако, ограничивается местным уровнем. Таким образом, ядро власти и контроль, который создается и предполагает наличие сети, функционируют в относительно узких географических рамках и покрывают традиционно занимающими властные позиции несколькими родами. Так, связи сильного типа подтверждают свое существование и в новой политической реальности после 1989 г. Естественно, что своей деятельностью ДПС укрепляет выстраивание и стабилизацию исламской идентичности на государственном и региональном уровнях. В массовом сознании в Болгарии ислам ассоциируется с необразованными, бедными группами общества. Это было типично в течение долгого времени для самых пожилых людей, для тех, кто к концу своей жизни надеялся очиститься и получить гарантию загробной жизни. Ограничения в получении исламского образования долгие годы поддерживали это явление. В 2002 г. я идентифицировала только одного мальчика в 6 классе средней школы, который систематически изучал Коран и определенно хотел продолжить свое образование в духовной школе в г. Момчилграде (Восточные Родопы). Его отец был первым, кто сформулировал идею, что «обращение к исламу обеспечивает успех в бизнесе». В конкретном

случае отец перестал продавать алкоголь в местном магазине и говорил, что в результате этого Аллах поддерживает его торговлю.

В начале XXI в. эта картина начинает меняться: в Сатовче эту мысль разделяют молодые, интеллигентные люди, получившие светское и духовное образование, имеющие сильное влияние (в том числе и экономическое) в местном обществе при политической поддержке представителей ДПС. В конце 90-х годов XX в. тимназисты общины стали настраиваться на получение образования в исламских университетах Саудовской Аравии, Египта, Кувейта и Иордании. В настоящий момент не представляется возможным указать точные цифры, но эмпирический материал говорит, что по крайней мере 20 молодых людей, по двое–трое ребят из каждого села, уехали получать высшее духовное образование. В 2003–2004 гг. первые молодые образованные исламские духовные лица вернулись в село и заняли позиции в мечетях и школах села и общины. Однако «ученые», как их называют, имеют глубокую мотивацию в изменениях. Выбрана эффективная стратегия воздействия на самое гибкое поколение – младших школьников. Ведущей идеей в этих изменениях служит создание стройной мусульманской в своих характеристиках ценностной системы и модели поведения. В этих усилиях им помогают власти различных уровней. Политическим представителем, который систематически работает в этом направлении, является ДПС. В 2001/2002 учебном году впервые в истории школ в Болгарии в регионах со смешанным в религиозном отношении населением была введена обязательная подготовка по исламу, которую финансировал Главный совет. В августе 2003 г. главный муфтий С. Мехмед представил первые учебники по исламскому вероисповеданию (1–8 классы). Учебники бесплатные, они одобрены Советом муфтиев и Министерством образования и науки Болгарии. Они составлены арабскими духовными деятелями и наставляют молодежь в соответствии с идеями молодого духовенства. В Сатовче сразу же ввели новый предмет. Сейчас там есть пять групп с 1 по 4 класс и девять групп с 5 по 12 класс. Религиозным образованием охвачены 40% учеников. За детей 1–4 классов выбор делают матери, поэтому некоторые не посещают занятия.

Возрастающий интерес стимулирует детей, направляя их в поиск за дополнительной информацией. Школьники смотрят бразильский сериал «Клон», который в стиле мыльных опер представляет жизнь богатых мусульман. Ключевыми словами в интервью на тему религии у жителей Сатовчи стали «ученые» и «знание». Эти

изменения, которые происходят сейчас, похоже, стали восприниматься как прогрессивное идеиное и практическое движение. В 2005 г. уже определились параметры существенных изменений, которые хотели бы провести молодые люди, получившие духовное образование. Их целью является коренное изменение как внутреннего, личного мира мусульман, так и внешнее, общественное присутствие «новой, чистой» веры. Сейчас «ученые», как называют реформаторов, борются за то, чтобы отменить три практики религиозной жизни общества. Все они играют важную роль в ритуальном цикле: похороны, поминовение пятьдесят второго дня (мевлид) и поминальные практики каждого года. Они затрагивают самую сокровенную сущность местной культуры. Молодежь выступает против местной практики поминовения памяти умерших и отказывается выполнять роль духовных лиц в подобных ритуалах. Попытка коренного изменения в самой существенной, глубинной части личного мировоззрения – в поминальных ритуалах – вызывает острую реакцию пожилых. Пожилые люди привыкли и принимают, то, что они делали в течение 30–40 лет, это хорошо: «Неужели мы столько лет шли по греховному пути?» До настоящего времени открытого конфликта не наблюдалось. Старики ищут более легкий путь, платят «старым» неместным ходжам, чтобы те исполнили традиционные ритуалы. В то же время, однако, оказавшись затронутыми в самой личной сфере своей веры, пожилые люди используют удобное послание, которое тиражируется националистическими силами, что современный ислам по определению связан с фундаментализмом или сектантством. Молодых часто называют «талибанами». К старикам-мусульманам присоединяются и люди среднего возраста, и молодежь – те, кто предпочитает светскую, свободную от религиозных ограничений жизнь.

Внутреннее разделение общности, очевидно, нельзя преодолеть среди пожилых до тех пор, пока они живы и пока непрактикующие мусульмане отстаивают свое право на удобную, современную схему жизни, свободную от ежедневных ограничительных правил в светском, но по определению христианском, государстве. По традиции считается, что ислам практикуют и поддерживают в общественном пространстве мужчины. В ситуации, когда мужчины работоспособного возраста постоянно отсутствуют из-за миграций, начинается новый процесс – усиления женского влияния в сфере принятия решений. В 2005 г. образованные ходжи получили поддержку со стороны молодых работающих женщин, которые, со-

гласно исследованиям, начинают интересоваться теорией и практикой ислама и постепенно вводят в своих домах, например, соблюдение поста в Рамадан (начиная с 2004 г.). Естественно, что женщины являются «хранительницами родственных связей», они их поддерживают и используют больше, чем мужчины. Так, получая стимуляцию от молодых мусульманских священников, женщины широко используют каналы сильных и слабых сетей, чтобы ввести новые для села нормы и практики.

Еще одна серьезная инициатива, предпринятая реформаторами, – это постройка новой представительной мечети в селе. Попечители мечети подготовили проект и получили финансирование как из исламских фондов, так и от местных жителей и эмигрантов. Новая мечеть была построена на месте старой в 2006–2007 гг. При ней создан компьютерный клуб, в котором молодежь получает духовные знания и навыки работы с компьютером и Интернетом. По воскресеньям работает школа для женщин. Самые успешные эмигранты инвестировали много средств в построение мечети. Это универсалия поведения эмигрантов, независимо от того, к какому вероисповеданию они относятся. Таким образом, они стремятся подтвердить, что занимают высокие позиции в обществе и санкционируют правильность своего решения эмигрировать. По существу, они подчиняются диктату своего родного места, интенсивному жизненному центру своей собственной социальной сети.

Среди факторов, которые сдерживают процесс по массовому внедрению новой исламской модели, можно назвать следующие: во-первых, все этнокультурные группы в Болгарии, в том числе и болгары-мусульмане, до конца ХХ в. были сильно секуляризованы. Создание глубоко религиозного мировоззрения – это трудная и медленно исполнимая задача в современном обществе. Ассимиляторские попытки периода Третьего Болгарского царства и тоталитарного государства создали чувство неуверенности в повседневной жизни мусульман. Это в значительной степени поддерживает в местных людях убежденность, что следует сохранить внешнюю форму лояльной преданности, не демонстрировать свое вероисповедание, чтобы не вызвать новых мер по ассимиляции со стороны властей; во-вторых, стратегии эмигрантов в современном мире, особенно после 11 сентября 2001 г., требуют мимикрии идентичности.

Трудовая эмиграция (с высоким процентом нелегальности) в христианские страны требует отказа от исламской идентичности

или хотя бы ограничения ее проявления лишь дома. В общественном пространстве знаки принадлежности к исламу не демонстрируются, официальные имена эмигрантов по большей части не имеют мусульманского звучания. Широко практикующаяся в Болгарии модель связывания веры с возрастной группой пенсионного возраста психологически освобождает эмигрантов от проявления религиозности. Они упорно работают, накапливая средства, и откладывают восприятие религиозных практик до того времени, «когда состарятся и вернутся домой».

Большинство эмигрантов оказались в ситуации понижения социального статуса, ослабления привычных связей (включая родственные), нестабильной идентичности в процессе адаптации в принимающем обществе. В то же время большинство местных людей стабилизируют свои доходы, используют новую кредитную политику банков, у них устойчивая стратегия успешного развития семьи и воспитания детей, они поддерживают и расширяют стабильные социальные сети, постепенно переживают изменения в болгарском обществе, без резких переходов, постепенно воспринимают и укрепляют «новую» престижную исламскую идентичность. Внутренняя иерархия в сетях и в Сатовче, и в эмиграции, безусловно, находится в динамике. Начинает меняться самый важный принцип иерархии – авторитет молодых (дети эмигрантов, молодежь с высшим образованием) возрастает до такой степени, что они принимают все больше важных решений, ведь они быстрее адаптируются к новым условиям. Намечающаяся тенденция к изменениям в положении женщины (дочери, супруги) приобретает новые измерения, поскольку в молодежной среде воспринимается в большем масштабе исламская модель общественного поведения. Как эта реформированная «исламизация» базисного ядра отражается на отношениях с многочисленными эмигрантами, уезжающими на долгий или короткий срок?

Существенная часть диалога между местными и эмигрантами в 2005 г. формулировалась следующим образом: «Ты преуспеешь и здесь, и в эмиграции только в том случае, если ты верующий мусульманин». Местные духовные лидеры свысока и с чувством превосходства комментируют удаленность эмигрантов от веры. Они говорят, что «вся вера большинства эмигрантов исчерпывается ножением с собой амулетов». «Носить амулеты нужно, если ты веришь, что на них написаны слова Аллаха, и твоя вера сильна. Отправляясь за границу, они идут к мулле: «Ходжа, напиши мне

амulet, чтобы дорога была удачной и чтобы у меня там все было хорошо!" Они замещают веру, обращают внимание на амулет, вешают его на зеркало в машину, чтобы там висело. Верующему не нужен амулет, он обращается непосредственно к Аллаху с просьбой о покровительстве. А неверующему и 100 талисманов повесишь...»

Так ядро большой локальной сети, которая провожает эмигрантов, отходит с пассивных позиций. Она начинает влиять на эмигрантов, используя различные механизмы, в том числе и вхождение Болгарии в Европейский союз, что превращает родное село в привлекательное место, куда эмигранты могут инвестировать средства, в основном закупая роскошные дома. Местные люди готовятся к этому изменению. Они высоко поднимают планку в соревновании по демонстрации жизненного стандарта и устойчивого повышения социального статуса (успешный бизнес, доходы от табака, высшее образование для детей). В этом соревновании простое зарабатывание денег и демонстрация «люкса в кредит» со стороны эмигрантов уже обесцениваются. Реформаторы ислама предлагают систему этики, которая абсолютно необходима каждому жителю нашего переживающего глобализацию мира, наполненного трагедиями и конфликтами и подверженного влиянию СМИ. Эта система этики имеет преимущество выступать как освященная традицией, но обновленная идентичность группы и каждого индивида. Ее апологеты являются самыми авторитетными и преуспевающими местными людьми из известных иуважаемых родов Сатовчи. Осовремененный вариант ислама предлагает новую идентификацию с широкой сетью уммы, что в первый раз в историческом развитии нашей территории включает местное, приграничное население из бедного, считающегося отсталым региона, в богатый мир нефтяных шейхов, освященный обязанностью охранять святые для верующих места.

Таким образом, мы становимся свидетелями нового процесса. Среда, которая порождает эмигрантов, уже не пассивна. Сатовча не ждет от эмигрантов денег, новых технологий, знаний, ценностей, стиля жизни, как это происходило в классических эмигрантских поселениях. Наоборот, мы видим, что лидеры села инициируют новые активные позиции, которые воздействуют на эмигрантов, ставят им условия и диктуют им определенные новые ценности и нормы поведения. Принятие и демонстрация исламской идентичности становятся условиями для облегченного (бескон-

фликтного) сохранения связей сильного типа для временных эмигрантов. Часть из них уже принимает новые правила.

«*Mир ислама: История, общество, культура*». M, 2009, с. 21–224.

А. Драганов,

публицист

ИРАН КАК РЕГИОНАЛЬНЫЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ИГРОК

Исламская Республика Иран (ИРИ) большинством западных экспертов считается одним из главных вызовов международной безопасности XXI в. Достаточно лишь бегло взглянуть на новостные ленты, чтобы убедиться, что Иран наряду с Ираком занимает одно из главных мест на мирополитической повестке дня. Можно, конечно, указать на то, что эта глобальная повестка формулируется преимущественно Соединенными Штатами, и спорить о том, насколько это правомерно. Но факт остается фактом: постоянные осуждающие и тревожные заявления МАГАТЭ, регулярно возникающие скандалы по поводу утаенных иранским руководством в нарушение международного режима нераспространения ядерных технологий. Все это говорит об Иране не только как об объекте повышенного внимания со стороны западного сообщества, но и как об одном из главных раздражителей мирового сообщества. На сегодняшний день Иран все больше и больше предъявляет претензии на главную роль во всех процессах Ближнего Востока. Можно с уверенностью утверждать, что ИРИ стремится занять ключевое положение в регионе. Данный вывод основывается на ряде объективных фактов, которые позволяют нам говорить об Иране как об одной из ключевых стран на Ближнем Востоке.

Ключевое положение Ирана заключается в следующем:

1. Исламская Республика Иран имеет уникальное географическое положение.
2. Иран располагает большим экономическим потенциалом (углеводородные ресурсы, наличие развивающихся высоких технологий).
3. Иран активно взаимодействует с государствами Южного Кавказа, в частности Азербайджаном и Арменией.

4. Интересы современного Азербайджана и Армении отвечают внешнеполитическим интересам ИРИ: они договариваются о стратегическом партнерстве. Азербайджан и Армения, являясь странами Южного Кавказа, заслуживающими особого внимания, в свою очередь, попадают в сферу интересов США и Российской Федерации.

5. Иран также активно сотрудничает с Пакистаном и Туркменистаном.

6. После исламской революции Иран приобрел статус мусульманского государства, стремящегося стать региональной державой. И вполне естественно, что страны мусульманского мира находятся в сфере стратегических интересов ИРИ. Естественно, что к мнению Ирана будут прислушиваться все geopolитические «игроки» данного региона.

Для того чтобы утверждать, что Исламская Республика Иран имеет устремление стать региональной геополитической державой, необходимо проанализировать ситуацию и в других странах Среднего Востока: Пакистане, Саудовской Аравии, ОАЭ, Азербайджане, Афганистане, Туркменистане, Ираке, у которых есть немалый потенциал для подобных устремлений.

Одной из стран Центральной Азии, которая заслуживает нашего внимания, является Пакистан. Данное государство – мусульманское, хотя официально этот статус не запротоколирован. Территория Пакистана богата углеводородными ресурсами и другими полезными ископаемыми, что, в свою очередь, является основанием для привлечения иностранного капитала, который оказывает положительное воздействие на развитие экономики и страны в целом. Также нельзя упускать и то, что Пакистан обладает ядерным оружием (последнее испытание баллистических ракет, которые способны нести в себе ядерный заряд, произошло 23.02.2007). Принимая во внимание последний факт, можно утверждать, что Пакистан имеет предрасположенность к контролю над всеми политическими процессами в данном регионе. Однако некоторые противоречия между Пакистаном и другими странами, в частности Индией, которая также обладает ядерным оружием, являются препятствием в проведении политического курса данной страны на весь Ближний Восток. В этом случае Пакистан будет руководствоваться интересами национальной безопасности.

Следующее государство, которое необходимо рассмотреть в контексте нашего анализа, – Саудовская Аравия, также являющая-

ся мусульманским государством. Как и большинство стран Ближнего Востока, данная страна богата природными ресурсами: согласно статистическим данным, территория Саудовской Аравии обладает огромными запасами углеводородных ресурсов, в частности нефти. Аналогично Пакистану, Саудовская Аравия имеет достаточно возможностей для привлечения иностранного капитала, который стимулирует развитие наукоемких технологий и способствует экономическому росту. Однако высокоточные и передовые технологии в королевстве слабо развиты. Отсутствие у Саудовской Аравии ядерного оружия, каких-либо программ по получению энергии «мирного атома», а также выступление в роли партнера США не позволяют говорить об этом государстве как о самостоятельном региональном geopolитическом «игроке». В силу вышеуказанных фактов, в проведении своей линии политики на Ближнем Востоке Саудовская Аравия не может руководствоваться только национальными интересами.

Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) также представляют собой мусульманское государство, основной религией которого является ислам. По данным западных источников, мусульман в этой стране – 96% (из них шиитов – 16%), христиан, индусов и др. – 4%. Приведенные выше данные говорят о сплоченности народонаселения данной страны, что, в свою очередь, является немаловажным фактором при рассмотрении Объединенных Арабских Эмиратов как государства, претендующего на роль ведущего регионального geopolитического «игрока». Как и в случае с вышеуказанными странами, ОАЭ обладают огромными запасами углеводородных ресурсов и являются их поставщиками на мировой рынок. Имея подобный запас полезных ископаемых, страна довольно успешно развивается. Вместе с тем, аналогично Саудовской Аравии, ОАЭ следует считать самодостаточной страной, которую, однако, в ближайшей перспективе не представляется возможным рассматривать как региональную geopolитическую державу.

Немаловажную роль в региональных geopolитических процессах Ближнего Востока играют и государства постсоветского пространства (Южный Кавказ), такие как Азербайджан, Грузия и Армения. Остановимся поподробнее на первом из них.

Азербайджан, пожалуй, единственное государство на Южном Кавказе, которое является мусульманским (с преобладанием в нем мусульманского населения). Азербайджан обладает огромными запасами нефти. Естественно, наличие подобного запаса полезных

ископаемых привлекает иностранных инвесторов, что, в свою очередь, можно рассматривать как положительное воздействие на развитие всей экономики страны. Геополитическая панорама Южного Кавказа и то стратегическое место, которое занимает Азербайджан в этом контексте, с давних пор находятся в центре внимания различных аналитических центров, экспертов и политологов многих стран, имеющих политические, экономические и иные интересы в этом регионе. По мнению А. Дугина, на Южном Кавказе действуют две геополитические стратегии – евразийская и атлантистская, которые применительно к Кавказу являются взаимоисключающими. Если сравнивать подобную ситуацию с шахматами, то здесь нельзя играть одновременно и «за белых», и «за черных». Поэтому у Азербайджана есть определенная свобода выбора. Совершенно очевидно, что это государство не обладает достаточным геополитическим потенциалом, чтобы в новых условиях претендовать на собственную игру – правила игры заведомо уже определены. Именно поэтому Азербайджан выбрал стратегическое партнерство с Турцией, но никогда не отказывался от сотрудничества с другими государствами, в том числе и с Россией.

Завершающим этапом нашего анализа является рассмотрение современной геополитической ситуации в Афганистане, Туркменистане и Ираке. В настоящее время в этих трех странах сложилась довольно сложная обстановка. В Афганистане по окончании военной кампании Советского Союза возрос конфликтный потенциал внутри страны. После начала военных операций Соединенных Штатов против религиозного движения «Талибан» уровень интенсивности возникновения новых конфликтов неуклонно растет. Можно спорить, насколько правомерно подобное заявление, но факты упрямые: различные контртеррористические операции стран блока НАТО, ответные террористические акты со стороны движения «Талибан» и т.п. Все вышеперечисленное не позволяет нам утверждать о том, что конфликтный потенциал в Афганистане будет угасать. Хотя у Афганистана, как и у других стран данного региона, имеется большой запас природного газа (добыча: 20 млн. м³) и энергоресурсов, наличие внутри страны вооруженных конфликтов идет вразрез с представлениями о государстве, которое претендует на главную роль в региональных геополитических процессах Среднего Востока.

В Туркменистане ушел из жизни «бессменный туркменбashi» Сапармурат Ниязов. Он руководил страной с момента провозгла-

шения ее независимости, т.е. с момента фактического распада СССР. В связи с этим в стране разгорелась внутриполитическая борьба за рычаги управления государством. В результате проведенных выборов победил Гурбангулы Бердымухаммедов, который заявил о продолжении курса Сапармурата Ниязова. Его можно считать «идеологическим преемником» Туркменбashi. На сегодняшний день Туркменистан «является одним из крупнейших поставщиков природного газа на мировой рынок. После смерти Ниязова у многих аналитиков и политологов возникал вопрос по поводу дальнейшего стратегического партнерства Туркмении и других стран в сфере энергоресурсов (природный газ). Гурбангулы Бердымухаммедов заверил стран – импортеров туркменского газа, что приоритеты в энергетической политике останутся без изменения. Если говорить о Туркменистане как о ведущем региональном геополитическом игроке, то здесь необходимо отметить следующее: страна еще не «остывшая» от внутриполитических потрясений, в ближайшей перспективе не может рассматриваться как региональная geopolитическая держава.

Последняя страна, рассматриваемая нами в рамках нашего анализа, – Ирак, который, как и Афганистан, охвачен внутренними конфликтами. В настоящее время территория Ирака охвачена гражданской войной, разгоревшейся после свержения режима Саддама Хусейна, которое свершилось не без «помощи» военного контингента Соединенных Штатов Америки. Страна погрузилась в войну, которая практически уже не поддается никакому контролю, в том числе и со стороны США. Ирак так же, как и другие страны рассматриваемого нами региона, обладает запасами углеводородных ресурсов, в первую очередь нефтью: добыча нефти – 2,093 млн. баррелей, экспорт – 1,42 млн. баррелей в день. В силу вышесказанного, данное государство, аналогично Афганистану, не может иметь статус самостоятельного регионального геополитического «кирока».

Подводя итоги проделанного анализа непосредственно соседствующих с Ираном государств, можно с уверенностью утверждать, что данные страны Среднего Востока и Центральной Азии из-за определенных обстоятельств в ближайшем будущем не будут выступать в качестве региональных геополитических держав. Если посмотреть на отношения между Ираном и окружающими его государствами, то четко видно активное стратегическое сотрудничество с Туркменистаном: между Туркменистаном и Ираном подпи-

саны свыше 150 различных документов, регламентирующих сотрудничество в разных областях. Связи Туркменистана и Ирана тем самым, очевидно, укрепляются. Тем не менее возможности расширения сотрудничества Ашхабада с Тегераном лимитируются неоднозначным отношением со стороны мирового сообщества к политике руководства Исламской Республики Иран, и особенно к атомным проектам Тегерана. Мягкая изоляция Ирана препятствует, например, реализации масштабных проектов экспорта туркменских энергоносителей на внешние рынки через иранскую территорию. ИРИ активно взаимодействует с Пакистаном в торгово-экономической сфере (энергоресурсы). Афганистан и Ирак не могут рассматриваться как стратегические партнеры Ирана в силу их высокого конфликтного потенциала. А ОАЭ и Саудовская Аравия выступают как относительно самостоятельные игроки на Среднем Востоке, без претензий на региональное господство.

В ближайшей перспективе Иран также не может рассматриваться как региональная геополитическая держава. Хотя Иран и имеет претензии на главную роль во всех политических процессах в данном регионе, полным самостоятельным субъектом в региональных геополитических отношениях ему пока не стать, поскольку противостояние с Западом в вопросах «Иранского ядерного dossier» является своего рода «изоляцией», или «политикой регионального сдерживания» Ирана на Ближнем Востоке. Причем эта политика, в основном, исходит от Соединенных Штатов, которые не желают видеть ИРИ во главе геополитических процессов в вышеупомянутом регионе. Также в ближайшей перспективе не представляется возможным говорить об Иране как о самостоятельном региональном геополитическом «игроке» в силу сложившейся ситуации внутри страны. На территории современной Исламской Республики Иран проживает много народностей (азербайджанцы, персы, мазендеране, курды и др.), в связи с этим внутри данного государства существуют такие проблемы как:

1. Проблема Иранского КурDISTANA (численность курдов в ИРИ занимает третье место после азербайджанцев).
2. Проблема Иранского Азербайджана (численность азербайджанцев занимает второе место после персов в Иране, причем она превышает численность народонаселения самого Азербайджана).
3. С недавних пор между духовным лидером Ирана аятоллой Хомейни, который по Конституции является представителем верховной власти в Исламской Республике, и президентом ИРИ Мах-

мудром Ахмадинежадом возникли разногласия, в которых первая сторона высказывает недовольство ядерной политикой президента страны.

«Современный Кавказ: Геополитический выбор»,
Москва–Пятигорск, 2009 г., с. 242–247.

Е. Мелкумян,

доктор исторических наук,

(Институт востоковедения РАН)

**ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ: ВЛИЯНИЕ ИСЛАМА
НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СТРАН РЕГИОНА**

Все государства Залива принадлежат к мусульманскому сообществу. Это обстоятельство помогает укреплению региональных связей, несмотря на то что исламская общность не избавляет регион от возникновения политических или территориальных конфликтов. Однако роль ислама в государственном управлении, внутренней и внешней политике этих государств различна. Особую роль он играет в Исламской Республике Иран (ИРИ). Ислам, в соответствии с ее Конституцией, регламентирует всю жизнедеятельность ИРИ. В преамбуле Основного закона говорится: «Конституция Исламской Республики Иран на основе исламских установлений отражает культурные, социальные, политические и экономические институты иранского общества, являясь воплощением искренних стремлений исламской нации. Она должна способствовать укреплению основ исламского правления, показывая образец нового строя, возникшего на развалинах тирании». При этом акцентируются два момента – революционность ИРИ и универсальный характер иранской модели государственного устройства. Зафиксированная в Конституции цель – образцовое исламское общество – свидетельствует о мессианском характере ИРИ. Все содержание Конституции проникнуто религиозным содержанием. В ней упоминается значение Божественного откровения, Страшного суда, Божественной справедливости и т.д. В преамбуле Конституции говорится, что после свершения исламской революции в 1979 г. был проведен референдум. За создание нового исламского республиканского строя проголосовало 98,2%. Таким образом, «исламская республика – это система правления, основанная на вере в единого бога, в то, что он устанавливает законы шариата и что человек

должен покоряться его воле». Иранские идеологи стремятся подтвердить высшие достижения исламской революции, их всемирное значение, а также единство Ирана со всей мусульманской уммой. Конституция провозглашает, что «официальной религией Ирана является ислам джаафаритского толка, признающий существование 12 имамов, и этот принцип навсегда остается неизменным. Другие исламские верования, в частности ханафитское, шафиитское, маликитское, ханбалитское и зейдитское, пользуются полным уважением, что свидетельствует о возможности для ИРИ занять особое положение в мусульманском политическом пространстве. Этот принципиально важный момент иранской идеологии находит широкое применение во внешней политике, что должно свидетельствовать о стремлении поддерживать добрососедские отношения с арабскими государствами Залива. Далее говорится, что «Конституция создает условия для продолжения революции в стране и за ее пределами и пытается путем развития отношений с другими исламскими и народными движениями найти путь образования единой мировой исламской уммы». В таком толковании внешнеполитических задач страны заложены возможности для возникновения конфликтов. Продолжение исламской революции может быть истолковано как угроза для существующих в мусульманских странах режимов. Тем более что в 80-е годы Иран активно проводил политику экспорта исламской революции, объектами которой стали соседние страны. ИРИ также провозглашает намерение выступить в качестве объединителя всех мусульман, тем самым заявляя о своих претензиях на лидирующие позиции в мусульманском сообществе.

Другая страна региона Залива, которая в своей внешней и внутренней политике придерживается исламской идеологии, – это Королевство Саудовская Аравия (КСА). В Основном законе, принятом в 1992 г., подчеркивается, что система правления в КСА основывается на власти, почерпнутой из Книги Аллаха и Сунны Пророка, которые определяют систему правления и все остальные государственные системы. Саудовская Аравия (СА) провозглашается арабским и мусульманским государством, обладающим полным суверенитетом, религия которого – ислам. Говорится и о том, что власть в королевстве опирается на справедливость, совещательность, равенство в соответствии с шариатом. Еще в первом законодательном акте, принятом Хиджазским королевством в 1926 г., подтверждалось, что Хиджазское арабское государство – государство, власть в котором принадлежит королю, но носит со-

вещательный характер. Оно провозглашалось независимым государством, руководствуясь положениями ислама в своей внутренней и внешней политике. Подчеркивалась также роль Корана и Сунны в определении основ управления Хиджазского королевства.

Исламский характер СА вытекает из ее истории, местоположения и сложившейся религиозной традиции. Ислам возник на территории саудовского королевства, к расположенным там основным святыням ислама каждый мусульманин должен совершить паломничество. Не случайно король СА носит титул Служителя двух благородных святынь. Кроме того, история развития ислама тесным образом связана с той ролью, которую СА играла в укреплении исламской солидарности, оказании помощи мусульманским странам и народам и повышении престижа мусульманских государств в мире. Саудовский исследователь Ахмед бен Абдалла бен Баз подчеркивает, что саудовское государство считает своей главной обязанностью служение исламу и мусульманам. Оно заботится о сохранении исламской идеологии и претворении в жизнь положений шариата. Оно также заботится о сохранении двух священных мечетей, об их безопасности и поддержании их предназначения. Оно стремится к достижению надежд верующих на единство и солидарность, а также укреплению отношений с дружественными странами. Династия Саудидов, скрепив путем заключения брака между сыном Мухаммеда ибн Сауда и дочерью мусульманского реформатора Мухаммеда ибн Абдель Ваххаба союз между кланами Аль-Сауд и Аль Аш-Шейх, стала «защитницей ислама в его наиболее верном и неискаженном виде».

Саудовское королевство, как и Иран, является миссионерским государством. Однако, в отличие от ИРИ, саудовская миссия не носит революционного характера, а направлена на укрепление престижа мусульманского сообщества и прогресс мусульманских народов. Анализируя особенности внешней политики саудовского королевства, следует отметить, что исламский характер внешней политики остается неизменным, хотя и наполняется адекватным современному этапу развития системы международных отношений содержанием. Это качество саудовской политики – быть государством, которое вносит свой вклад в мировое развитие, позволяет ей отвечать на вызовы времени и проводить политику, которая соответствовала бы как ее национальным интересам, так и общим устремлениям международного сообщества. Она руководствуется принципами, которые были заложены основателем государства –

Абдель Азизом Аль-Саудом, и которые, по словам одного из его последователей, короля Фейсала, заключались в разоружении, не-распространении оружия массового поражения, поддержании международного мира, права на решение народами своей судьбы, разрешении международных конфликтов мирными средствами на основе права и справедливости. Саудовская внешняя политика, базирующаяся на исламских принципах, определила главной сферой своей внешнеполитической деятельности мусульманский мир. Для КСА принципиально важно создание такой региональной системы, которая бы помогала в реализации стратегической задачи, связанной с превращением мусульманского сообщества в один из ведущих центров мировой политики.

Ирак после свержения в 2003 г. режима С. Хусейна приступил к созданию новых органов государственного управления. Перед иракской политической элитой встало задание определить характер создаваемого государства и направления его внутренней и внешней политики. В Конституции Ирака, одобренной на всеобщем референдуме 15 октября в 2005 г., декларировалось: «Мы, иракский народ, недавно оправившись от наших бедствий и с уверенностью глядя в будущее, связанное с республиканской, федеративной, демократической, плюралистической системой, преисполнены решимости уважать принцип верховенства закона, установить справедливость и равенство и отбросить политику агрессии, проявлять заботу о женщинах и защищать их права, заботиться о престарелых и детях, распространять культуру, основанную на многообразии, и содействовать искоренению терроризма». Если в Ираке удастся создать такое государства, как оно сможет вписаться в существующую региональную систему? Сможет ли оно способствовать ее стабилизации? Вот основные вопросы, которые возникают и на которые можно постараться найти ответы, анализируя те принципы государственного строительства, которые изложены в Конституции.

Исламская идентичность Ирака акцентируется в новой Конституции (ст. 2): «Ислам – официальная религия государства и основной источник законодательства. Ни один закон не может быть принят, если он противоречит установленным нормам ислама». И далее: «Настоящая Конституция гарантирует исламскую идентичность большинства иракского населения и полноту религиозных прав каждого, а также свободу вероисповедания и отправления религиозных культов, в частности культа христиан, йезидов и сабеян-

мандеев». В Ираке, где население страны гетерогенно по своему национальному и конфессиональному составу, опора на ислам как ту основу, которая может объединить страну, принципиально важна, прежде всего с точки зрения поддержания единства и территориальной целостности государства. Обращение к исламу как базису, на котором строится создаваемое государство, необходимо и для того, чтобы найти поддержку в мусульманском сообществе. В Конституции также подчеркивается, что Ирак – часть исламского мира. Показательно, что в предшествующей Конституции, принятой баасистским режимом в 1970 г., исламу было уделено крайне мало внимания. Ирак рассматривался лишь как часть арабской нации. В тот период Ирак проводил светскую политику. Его внешнеполитические интересы были сконцентрированы на арабском мире и на той роли, которую он играл в арабском геополитическом пространстве. Он также не ставил своей целью развивать отношения с соседними странами, тем более что часть из них еще находилась в колониальной зависимости от Великобритании. Сегодня иракские власти пытаются акцентировать то значение, которое Ирак имел в истории развития исламской цивилизации. В выступлении министра иностранных дел Иракской Республики Х. Зебари эта мысль была выражена следующим образом: «Ирак – не Сомали, Ирак – не Афганистан. Ирак – в сердце Ближнего Востока, он – в сердце исламского мира». Соседние с Ираком государства используют при надлежность Ирака к исламской умме для того, чтобы помочь стабилизации ситуации в этой стране. Они прибегают к авторитету крупнейшей мусульманской организации – ОИК для того, чтобы способствовать национальному примирению в Ираке. В заключительном коммюнике международной конференции министров иностранных дел соседних с Ираком государств отмечался «позитивный вклад ОИК в развитие политического процесса в Ираке и ее конструктивная роль в поощрении толерантности различных сект в Ираке». Этой же задаче посвящены и усилия стран Залива.

Другие государства региона Залива – Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ и Оман также идентифицируют себя как исламские государства. В их конституциях подтверждается, что их религия – ислам, а основа законодательства – шариат. В конституции Бахрейна, в частности, говорится: «Ислам – источник знаний и закона, а также путь, по которому мы следуем». Для бахрейнского королевства, подавляющую часть населения которого составляют шииты, борющиеся за свои политические права, объединительная роль, кото-

рую может сыграть ислам, очень важна. Ислам используется правящими кругами этой страны и для упрочения своего положения в мусульманском мире, главным образом, в регионе Залива – основном пространстве внешнеполитической активности этой страны. Несмотря на объединяющую роль ислама, в истории взаимоотношений между государствами региона Залива немало примеров конфликтов между ними и даже прямых вооруженных столкновений. Однако во всех подобных ситуациях декларировалось то, что одна из сторон, которую противная сторона считала виновной, отошла от ислама, нарушила его предписания и стала нарушителем исламских норм. Амбивалентность исламских трактовок проявилась с достаточной ясностью в период кризиса, возникшего в результате иракской агрессии против Кувейта и последовавших затем военных действий многонациональной коалиции под эгидой США по его освобождению. Тогда мусульманское общественное мнение оказалось расколотым. По словам М. Каддури, известного специалиста по Ираку, те силы, которые поддерживали Ирак, «были мотивированы в значительной степени исламскими стандартами восприятия ситуации, когда Ирак был объявлен объектом западной (христианской) интервенции на арабскую (исламскую) землю и поэтому был вынужден защищать себя, объявив джихад против неверных, рассматривая его в качестве своего долга». Те силы, которые поддержали Кувейт, «аргументировали свою позицию следующим образом: так как Ирак, будучи мусульманской страной, напал на другую мусульманскую страну, объявление джихада против неверных не является релевантным».

Принадлежность государства к мусульманскому сообществу уже само по себе ставит его в положение, когда его действия становятся объектом рассмотрения со стороны других мусульманских участников международных отношений. Если его политика не устраивает по тем или иным причинам, его обвиняют в отказе от следования истинным исламским нормам. Так, говоря о С. Хусейне после его агрессии в отношении Кувейта, министр обороны СА принц Султан сказал: «У меня нет намерения нанести Ираку урон. Но если Саддам станет упорствовать, если он по-прежнему будет позором ислама, – принц использовал именно это выражение, – тогда мы сделаем все, что в наших силах, чтобы остановить его». Кувейтские официальные лица также интерпретировали итоги войны за освобождение Кувейта как победу истинно верующих мусульман против тех, кто нарушил заповеди ислама.

В работах западных исследователей в последние годы большое внимание уделяется исследованию причин конфликтов, в которых участвуют мусульманские страны. По мнению известного американского ученого С. Хантингтона, автора вызвавшей бурные дискуссии книги «Столкновение цивилизаций», «отсутствие исламского стержневого государства – основная причина продолжающихся внутренних и внешних конфликтов, присущих исламу. Осознание без сплоченности – вот источник слабости ислама и источник, от которого исходит угроза другим странам». Говоря о стержневом государстве, автор подразумевает единого признанного всеми лидера мусульманской уммы. Среди государств, претендующих на эту роль, два государства региона Залива: Саудовская Аравия и Иран. С точки зрения С. Хантингтона, ИРИ и СА обладают определенными параметрами, которые дают им право претендовать на роль стержневого государства. У Ирана – это значительная территория и население, центральное географическое местоположение, исторические традиции, нефтяные ресурсы и средний уровень экономического развития. Однако С. Хантингтон не упоминает главного – того, что это исламская республика с особой формой государственного устройства, созданной на исламских принципах. Слабостью ИРИ, по мнению этого автора, является то, что в Иране преобладают шииты, тогда как 90% всех мусульман – сунниты, а также то, что персидский язык – основной язык Ирана, не является языком Корана. В то же время автор не затрагивает еще один кардинальный вопрос. По мнению А.М. Довалла, «по мере усиления суннитского радикализма, возглавляемого “Аль-Каидой” и ее союзниками, Иран предлагает значительно более умеренную альтернативу. Он предлагает сильное централизованное государство, с элементами демократии, с индустриализацией и участием в региональных делах...».

Претензии Саудовской Аравии на лидерство основываются на том, что это колыбель ислама, где расположены самые почитаемые святыни ислама, ее язык – это язык ислама, она обладает самыми крупными в мире запасами нефти и, следовательно, финансовым влиянием; ее правительство ведет общество по исключительно исламскому пути. Слабость саудовского королевства заключается в относительно небольшой численности населения, стратегической уязвимости и зависимости от Запада в плане обеспечения безопасности. Однако в стране происходят изменения динамического характера, в том числе быстрый рост населения, укреп-

пление обороноспособности, повышение политического престижа не только в мусульманском сообществе, но и в мире в целом. Поэтому соперничество между ИРИ и СА все больше сдвигается в сторону завоевания превосходства последней, и не в последнюю очередь из-за той роли, которую эта страна стала играть в урегулировании региональных конфликтов и в борьбе с радикальными исламскими террористическими движениями. Это вызывает не только поддержку западных государств, но и ведет к сближению ее позиций с теми силами, которые стремятся к преодолению межконфессиональных и национальных противоречий, к развитию межцивилизационного диалога, к укреплению сотрудничества и развитию интеграционных процессов между странами, принадлежащими к разным культурно-цивилизационным ареалам. Претензии Ирана и СА на лидерство в мусульманском сообществе реализуются и через их деятельность в рамках Организации Исламская конференция (ОИК). СА была инициатором ее создания. В саудовском городе Джидда располагается штаб-квартира Генерального секретариата ОИК. Деятельность организации в значительной степени зависит от финансовых дотаций со стороны королевства: в объеме финансовой помощи, предоставляемой членами ОИК, доля СА составляла в период с 1970 по 1995 г. 64,1%. Иран, с точки зрения иранских исследователей, с момента провозглашения ОИК в Рабате и вплоть до третьего совещания министров иностранных дел в 1972 г. в Джидде играл «позитивную роль, создавая и стабилизируя ОИК». Однако они считают, что с 1973 по 1979 г. ведущую роль в ОИК стали играть арабские государства, проводящие антиизраильскую политику, а позиции Ирана ослабли. Однако «победа исламской революции в качестве мощного, основанного на исламизме и республиканизме народного движения, поставила в трудное положение господствовавшие в ОИК традиционно консервативные государства». Одновременно «исламская революция выдвинула новое понимание идеи исламского единства».

Многие западные исследователи пытаются проанализировать конфликты внутри исламского мира. Регион Залива дает примеры подобных конфликтов. Это и ирано-иракская война, одной из причин которой были противоречия между шиитами и суннитами, и внутренняя нестабильность в постсаддамовском Ираке. Выделение конфессиональных различий как основы для возникновения конфликта имеет все основания для их рассмотрения. Различия между приверженцами тех или иных исламских направлений может при-

водить к конфликтности. Это происходит, прежде всего, в тех случаях, когда взаимодействуют два государства, лидеры которых принадлежат к разным направлениям в исламе. Объясняется это тем, что государственные лидеры в первом случае могут использовать конфессиональные различия для мобилизации населения против представителей противоположного направления, с целью укрепления своего собственного режима.

В современной политической практике различия между такими основными направлениями ислама, как суннизм и шиизм, возникают, прежде всего, в связи с развитием ситуации в Ираке. Борьба за власть во вновь создаваемых после крушения режима С. Хусейна органах государственного управления и распределения властных полномочий на местах лежит в основе суннитско-шиитских столкновений. Ситуация в шиитской общине очень неоднозначная. Духовные авторитеты и политические лидеры придерживаются разных взглядов на происходящие в Ираке события. Великий аятолла Ас-Систани принадлежит к традиционным богословиям, которые не занимаются политической деятельностью, однако их влияние на верующих шиитов огромно. После смерти имама Хомейни, который был непререкаемым авторитетом для всех шиитов, встал вопрос о том, кто может считаться его наследником. Аятолла Хаменеи, занявший пост верховного руководителя Ирана (Рахбара), не является «марджа ат-таклид» – источником для подражания. В свою очередь, А. Ас-Систани был признан «марджа ат-таклид», наряду с четырьмя другими наиболее компетентными духовными шиитскими деятелями в Ираке. В 1992 г. Ас-Систани получил титул «Великий аятолла», ибо он обладает необходимым авторитетом в религиозных вопросах. Кроме того, он из тех, кто контролирует достаточно большие финансовые средства, поступающие в виде пожертвований или обязательных для мусульман взносов, а также возглавляет Фонд Хои, распространяющий шиизм по всему свету. Все четыре высших духовных шиитских деятеля – Ас-Систани, Ан-Наджафи, Сайд Аль-Хаким и Исхак Фаяад – выступили против вооруженной борьбы с американским присутствием в Ираке. Но они заявили, что готовы к нему прибегнуть в том случае, если мирные методы не приведут к прекращению оккупации страны. Единое решение духовных шиитских лидеров было принято после того, как Ас-Систани провел с ними консультации.

Неоднородность шиитской общины, существующие внутри нее серьезные разногласия по вопросам государства и власти – ос-

ложняют положение иракского властей. Помимо двух ведущих шиитских структур – Ад-Даава Аль-Ислямийа и Высшего совета исламской революции в Ираке, существуют духовные лидеры, такие как Муктада Ас-Садр, объявивший себя маҳди (мессией), хотя большинство верующих-шиитов это не признает. Нельзя исключать и поддержку Ираном радикальных шиитских движений в Ираке, несмотря на утверждения Тегерана о своем невмешательстве во внутренние дела соседней страны. Однако специфика отношений в регионе заключается в том, что общая исламская ориентация позволяет сглаживать возникающие противоречия или же переводить их в политическую плоскость. Иранский президент М. Ахмадинежад охарактеризовал отношения своей страны с Ираком так: «Ирано-иракская война (1980–1988) была войной режима С. Хусейна и его союзников против народов Ирана и Ирака. Она не имеет ничего общего с сердечными отношениями между двумя странами». И далее: «Иран будет поддерживать правительство национального и народного примирения, потому что независимость, единство, власть и безопасность страны будут в интересах всех региональных государств и народов». Иракские власти надеются на невмешательство соседа во внутренние дела своей страны. При надлежность Ирака к мусульманскому сообществу обязывает иранских лидеров проявлять заботу о сохранении его единства и независимости. Распад Ирака может вызвать и рост сепаратистских настроений в Иране, в котором проживает достаточное число курдов, азербайджанцев и представителей других национальных меньшинств. Иранские политики, проявляя не чуждый им pragmatizm, заботятся о сохранении региональной стабильности. В то же время, их идеологическая борьба против западного военного присутствия в регионе заставляет их увязывать все проблемы Ирака с ним. Президент Ирана М. Ахмадинежад заявил, что «сразу же после агрессии США и Великобритании против Ирака проблема суннитов и шиитов была создана в стране».

Саудовская Аравия также склонна преуменьшать значение существующих между суннитами и шиитами противоречий, заботясь о единстве мусульманской уммы. В заявлениях ее официальных лиц не уделяется особого внимания борьбе между суннитами и шиитами, которая ведет к усилению напряженности в Ираке и является одной из причин нестабильности в этой стране. По словам саудовского короля Абдаллы бен Абдель Азиза, «региональные конфессиональные различия являются объектом заботы, а не объ-

ектом опасности». Сдержанное отношение саудовского истеблишмента к этой проблеме объясняется многими факторами: СА стремится сохранить региональный баланс сил. В условиях жесткого противостояния ИРИ с США она не хочет быть обвиненной в том, что стала одним из членов антииранского блока. Кроме того, королевство стремится к сохранению спокойствия в шиитских районах Восточной провинции, в которых в последние годы установилась стабильная обстановка, благодаря усилиям саудовского правительства. Шиитский фактор существует и на внутриполитическую ситуацию других государств Залива, так как в большинстве арабских стран этого региона шииты составляют значительную, а в некоторых странах и подавляющую часть населения. Шиитские выступления, поддержанные Ираном, были особенно активны в 80-е годы XX в., когда ИРИ проводила свою политику «экспорта исламской революции». Эти события заставили правящие круги арабских государств предпринять шаги, направленные на экономическое развитие районов проживания шиитского населения, а также предоставить им больше прав в политической жизни. В Кувейте и Бахрейне шииты широко представлены в парламенте и отстаивают свои интересы конституционным путем. В последние годы положение шиитских общин в арабских странах Залива значительно улучшилось. Власти пытаются консолидировать свои национальные сообщества, и поэтому акцентирование внимания во внешне-политической сфере на шиитско-суннитских противоречиях может привести к нарушению достигнутой с большим трудом внутриполитической стабильности.

Совпадение позиций ИРИ и СА по вопросу о необходимости сглаживать конфессиональные различия, по всей вероятности, связано с их особым положением в мусульманском мире. Можно предположить, что и для ИРИ, и для СА поддержка идеи о разделении мусульман на приверженцев различных направлений в исламе вызывает опасения, так как может привести к ослаблению их позиций в борьбе за лидерство в мусульманском мире, а также в регионе. Они претендуют на роль общеисламских лидеров, поэтому ориентация на суннитскую или шиитскую часть мусульман для них вряд ли приемлема. В региональном масштабе, хотя оба государства и используют неофициально свои позиции в шиитских (для ИРИ) или суннитских (для СА) кругах, они также предпочитают выступать от лица единой мусульманской уммы, что позволяет им

проецировать завоеванные ими позиции в мусульманском сообществе на региональный уровень.

Достаточно показательна в этой связи ситуация, которая возникла во взаимоотношениях между Ираном и Бахрейном летом 2007 г. Х. Шариатмадари – советник высшего духовного лидера Ирана аятоллы Хаменеи и главный редактор тегеранской газеты «Кейхан» в написанной им передовой статье, напечатанной в этой газете 9 июля 2007 г., заявил о том, что Бахрейн исторически является частью ИРИ. Соответствующее положение его статьи гласило: «Среди стран Совета сотрудничества стоило бы предъявить особый счет Бахрейну. Бахрейн – часть иранской территории. Он был оторван от Ирана в результате незаконного урегулирования, осуществленного, с одной стороны, шахом, а с другой – правительствами США и Великобритании». Все политические силы, представленные в Королевстве Бахрейн, выступили с осуждением этого заявления. Раньше всех откликнулся глава бахрейнских шиитов аятолла шейх Хусейн Ан-Наджати, который подчеркнул, что «Королевство Бахрейн – независимое арабское и мусульманское государство, обладающее полным суверенитетом. Оно – неотъемлемая часть арабской родины». В своем заявлении лидер организации, объединяющей шиитов, сказал, что «заявления Х. Шариатмадари не служат развитию добрососедских отношений между двумя независимыми государствами». Позиция общественно-политических сил Бахрейна получила поддержку Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), членом которого является эта страна.

Религиозная ситуация на Бахрейне сложная. Столкновения между двумя конфессиональными группами коренного населения – шиитами и суннитами – носят перманентный характер. Шиитская община, преобладающая по численности населения, считает себя угнетенной по сравнению с суннитами, к которым принадлежит правящая в королевстве семья Аль-Халифа. Однако в последние годы, после того как в 2002 г. был воссоздан парламент, политические организации шиитов стали системной оппозицией. Изменение в их положении привело к стабилизации обстановки в стране и способствовало развитию процесса национальной консолидации. Успех в становлении единого бахрейнского общества, будет зависеть от многих факторов, однако некоторые подвижки в этом направлении уже достигнуты.

Власти Бахрейна попытались смягчить ситуацию. Премьер-министр страны шейх Халифа бен Сальман Аль-Халифа назвал за-

явления Тегерана безответственными, однако он подчеркнул, что «между его страной и ИРИ существуют отношения, базирующиеся на взаимном уважении. Это прочные отношения между соседями-мусульманами». Акцент на исламской общности, которая лежит в основе взаимоотношений государств Залива, помогает им улаживать проблемы в том случае, если они в данный момент в этом заинтересованы, исходя из их политической ситуации. Иран, оказавшийся в сложном положении из-за своей ядерной программы, встречающей негативное отношение в мире, стремится улучшить отношения с региональными государствами. Поэтому и в случае с Бахрейном он попытался урегулировать возникшую конфликтную ситуацию. 15 июля министр иностранных дел Ирана М. Моттаки на встрече со своим коллегой, министром иностранных дел Королевства Бахрейн шейхом Хамадом бен Ахмедом Аль-Халифой, заявил: «Иран стремится к установлению сердечных отношений с региональными государствами».

В условиях усиления процессов глобализации, лидеры некоторых арабских государств Залива рассматривают свою принадлежность к мусульманскому миру не как преграду для плодотворного сотрудничества с представителями других цивилизационно-культурных ареалов. Напротив, с их точки зрения, они могутнести свой вклад в поступательное развитие мирового сообщества. По словам султана Кабуса – правителя Омана, чтобы «мусульмане не оставались отсталыми, когда другие идут вперед, они должны, подчиняясь законам ислама, оценить ситуацию, пересмотреть и обновить свое мышление, чтобы они могли найти правильное решение современных проблем, с которыми сталкивается исламское сообщество. Тогда они смогут продемонстрировать миру реальный ислам и его принципы, которые возможно применять в любое время и в любом месте». Для оманского лидера вполне очевидна возможность приспособливать исламские принципы к нуждам современного этапа развития системы международных отношений. Кабус особо отметил, что «всемогущий бог послал священный Коран, в котором сосредоточена вся мудрость. Он наметил в нем основные принципы и законы юриспруденции, но он не отразил их детально, потому что они могут отличаться в зависимости от места и времени. Он сделал так, чтобы можно было интерпретировать законы ислама в соответствии с его базовыми принципами и жизненными требованиями». О возможности ислама интегрироваться в современный мир говорил и министр иностранных дел СА принц

С. Аль-Фейсал. Он подтвердил, что «арабский и мусульманский мир обладают огромными возможностями и ресурсами, способными обеспечить их поступательное развитие, а обществам этих стран – безопасность, стабильность и процветание. На этой основе арабо-мусульманский мир сможет внести свой значительный вклад в создание будущего мира и развитие процесса сближения между культурами». Таким образом, различная интерпретация ислама дает возможность не только вписываться в современную систему международных отношений, но и реалистически подходить к решению возникающих региональных проблем. Исламские принципы, на которых осуществляется взаимодействие между государствами региона Залива, в зависимости от установок, которые принимаются политической элитой, могут как ограничивать политическую маневренность государства, так и стать инструментом для лучшего приспособления к требованиям времени.

«Иран и исламские страны», М., 2009, с. 115–130

И. Яшин,

ПОЛИТОЛОГ

«БРАТЬЯ-МУСУЛЬМАНЕ» В ЕГИПТЕ: ОТ РАДИКАЛЬНОСТИ К УМЕРЕННОСТИ

После прихода на смену Абдель Насеру на пост президента в Египте Анвара Садата начались коренные изменения как во внутренней, так и во внешней политике страны. Для египетской ассоциации «Братья-мусульмане» эти перемены означали прекращение пятнадцатилетнего забвения и возвращение на политическую сцену. В 1971 г. из тюрьмы выходит генеральный предводитель «братьев» Хасан аль-Худейби, начинается восстановление структуры и деятельности ассоциации. В следующей статье будет проанализирован процесс возвращения «Братьев-мусульман» в политическую жизнь Египта в качестве активной силы, трансформации ее идеологии и практики в сторону большей умеренности на фоне общего роста исламистского движения.

Президента Садата с «Братьями-мусульманами» связывали давние отношения. В своих воспоминаниях он признает, что в 1940 г., когда ему представилась возможность познакомиться с «братьями» и лично Х. аль-Банной, он был впечатлен организованностью группировки и степенью ее влияния. Он также упоминает о

том, что «братья» даже оказывали помощь семье Садата, когда тот попал в тюрьму. Бывший высокопоставленный офицер спецслужб Ф. Алям упоминает в своей книге, что контакты Садата с «братьями» начались еще до смерти Насера. Садат намерен был воспользоваться помощью исламистов, прежде всего «братьев», поскольку полагал, что последние могут противостоять оппозиционным по отношению к нему националистическим, коммунистическим и нацистским течениям и организациям.

В период правления Насера многие из лидеров «братьев» покинули Египет и обосновались на Аравийском полуострове, в Европе или Америке. Этот факт имел важные последствия для дальнейшей политики ассоциации. Во-первых, это способствовало большей интернационализации движения. В 1973 г. Х. аль-Худейби провел расширенное совещание «Братьев-мусульман» в Мекке в Саудовской Аравии, где было принято решение о восстановлении Консультативного совета («Маджлис аш-Шура») и формировании комитетов для определения членства в Кувейте, ОАЭ, Катаре и трех комитетов в Саудовской Аравии. В последующем было принято решение о формировании «международной организации «Братьев-мусульман». Во-вторых, пребывание лидеров «братьев» в странах, где им удалось обосноваться после изгнания из Египта, оказало значительное влияние на их представление как об исламском мире, так и Западе.

По своим взглядам руководство «Братьев-мусульман» было близко к консервативным взглядам традиционных арабских монархий. Экономические интересы многих видных «братьев», обосновавшихся в нефтяных арабских монархиях, зависимость ассоциации от финансовой поддержки различных саудовских и прочих фондов еще больше привязали «братьев» к этим государствам, их политике и идеям, которые разделяла консервативная верхушка данных государств. С другой стороны, «братья», проведшие много лет в тюрьмах, были настроены гораздо радикальнее, склоняясь к подпольной работе, конспирации, и стремились захватить инициативу. В 70-х годах стал очевиден процесс радикализации исламистского движения. «Братья-мусульмане» теряют монопольное положение как на внутренней, так и на внешней сцене. Если Х. аль-Банна стремился создать широкое движение, апеллирующее и объединяющее все слои мусульман, то подъем исламизма в 70-е годы привел к концу почти безраздельного господства «братьев» в политическом исламском движении. В этот период в резуль-

тате достижений индустриализации, а также сфер здравоохранения и образования происходит демографический бум, молодежь из деревень устремляется в города в надежде получить образование и работу. Однако либерализация экономики приводит к разрушению социальной сферы, росту безработицы и цен на основные продукты. На фоне кризиса левой и национальной идеологии после поражения в войне 1967 г. молодежь все чаще устремляется в радикальные исламистские организации, которые пытаются формулировать свои ответы на стоящие социальные и политические проблемы.

В мае 1971 г. Садат смог нанести решающий удар по старой насеристской гвардии, которая по-прежнему была ориентирована на Советский Союз и Восточный блок. Сам Садат назвал этот шаг «новой революцией». В своих воспоминаниях он пишет, что эти меры позволили ему избавить Египет от «навязанных философий, чуждых арабским ценностям, вере в небесные послания, наследию и традициям египетской семьи». Однако позиции нового президента были еще шаткими, и он нуждался в поддержке для полнойнейтрализации оппозиции. Садат дал «зеленый свет» исламистам, в университетах началось быстрое распространение «гамаатов» – общин студентов, контролируемых или близких к «Братьям-мусульманам», которые активно противопоставлялись влиянию левонационалистических, насеристских и коммунистических течений. Для решения этой задачи был задействован административный ресурс. Ф. Алям в своей книге пишет, что Садат назначил близкого «братьям» М.О. Исмаиля губернатором Асьюта после того, как в 1972–1973 гг. в стране прошли студенческие демонстрации. Ответственность за них возложили на некую тайную «коммунистическую организацию» и использовали как повод для открытой борьбы с левыми течениями. При этом для поддержки развития «религиозных общин» были использованы средства Социалистического союза – официальной партийной структуры в Египте в то время.

К 1976 г. «братьям» удалось занять лидирующие позиции в студенческих советах многих университетов, в том числе во Всеобщем союзе студентов АРЕ, который, согласно президентскому указу от того же года, получил широкие полномочия и большие финансовые возможности. Однако к этому времени «Братья-мусульмане» уже начали терять монопольные позиции в исламистском движении, где все большую активность начинали проявлять группировки, отличающиеся от «братьев» более радикальными

взглядами на международные отношения. Под влиянием жесточайшего поражения в арабо-израильской войне 1967 г., когда Израиль оккупировал обширные территории, включая египетский Синайский полуостров, а также кризиса идеологии арабского национализма настроения в молодежной среде радикализировались. В условиях притеснения левых течений начали быстро восстанавливать свои силы «Братья-мусульмане», однако их умеренные взгляды не всегда могли привлечь радикально настроенную молодежь, жаждущую немедленной расплаты за жертвы и потери 1967 г. и ставшую основой для небольших экстремистских группировок.

Начало процессу формирования радикальных исламистских групп было положено еще в 70-х, когда появились такие организации, как «Ат-Такфир ва аль-хиджра», призывающая к изоляции от неверного общества, и «Шабаб Мухаммед», лидер которой С. Саррия выступал за «просачивание» в армию и другие структуры государства для подготовки переворота. Однако по-настоящему процесс радикализации станет очевиден в конце десятилетия, когда умеренное крыло, представленное «Братьями-мусульманами», и радикальное – «Аль-Джихад» и др. – разойдутся как по вопросам внутреннего характера, так и по отношению к важным международным проблемам и представлениям о единстве исламского мира и отношении к Западу.

К середине 70-х годов режим Садата смог укрепиться особенно после войны 1973 г., которая в Египте воспринимается как победа, причем личная победа Садата, а также начала процесса сближения с США и мирного урегулирования с Западом. Садат смог подавить левую оппозицию и начать политику экономической либерализации, так называемый «инфитах». Ассоциацию «Братьев-мусульман» можно назвать соучастниками этого процесса, учитывая их активную роль в развитии исламских гамаатов и борьбе с влиянием левых в молодежной среде. Фактически ассоциация, сознательно или нет, занимала сторону США и Запада в ходе противостояния с СССР и Восточным блоком как в Египте, так и в других «точках» столкновения интересов двух супердержав.

Несмотря на внутреннее противостояние в руководстве группировки между группой «силовиков», представленных членами «тайного аппарата» и отбывшими длительные сроки заключения в насеровских застенках, и «умеренными», в том числе «братьями»-эмигрантами, в 70-е годы «Братья-мусульмане» проходят процесс

большего обуржуазивания и консолидации на традиционной умеренной платформе. До этого времени в рамках ассоциации уживались и радикальные элементы, однако с процессом дальнейшей радикализации появились отдельные экстремистские группировки, которые взяли на вооружение опыт «секретного аппарата», возвели насилистические методы в принцип и размежевались с последователями Х. аль-Банны по многим основным вопросам. Сами же «братья» стали еще «умереннее» и взяли курс на легализацию своего статуса в качестве политической партии.

После смерти в 1973 г. второго предводителя «братьев» Х. аль-Худейби лидером группировки был выдвинут О. ат-Тельмасани, выходец из богатой семьи крупных землевладельцев, известный в среде «братьев» своими умеренными взглядами и тем, что всегда сторонился внутренних конфликтов. Этот факт, по мнению некоторых исследователей, и способствовал поддержке его кандидатуры, в том числе со стороны «братьев»-силовиков. «Братья» смогли восстановить и развить свои структуры, наладить издание прессы, в частности журнала «Ад-Даваа», ставшего официальным рупором группировки. О. ат-Тельмасани признавал, что в тот период искренне желал Садату, чтобы его правление было долгим, и говорил об этом публично, поскольку в период президентства Садата «братья» смогли вновь издавать свой журнал, устраивать мероприятия и «говорить все, что захотят».

Многие исследователи полагают, что в этот период «Братья-мусульмане», намеренно или нет, становятся де-факто частью американской политики сдерживания на Ближнем Востоке. Этому способствовала тесная связь и зависимость группировки от традиционных арабских монархий Аравийского полуострова, которые, в свою очередь, были союзниками США. Если в начале 50-х «братья» рассматривали Соединенные Штаты в качестве противовеса Англии, то в 70-х они склонялись к тому, чтобы поддержать Вашингтон в его противостоянии с Москвой. О. ат-Тельмасани заявлял, что в случае войны между Соединенными Штатами и теми, кто не принадлежит к «Ахль аль-Китаб» («людям писания», намек на СССР), «Братья-мусульмане» поддержат первых без каких-либо условий. «Братья-мусульмане» пытались играть роль «конструктивной оппозиции». Признания ныне покойного предводителя «братьев» Омара ат-Тельмасани во многом подтверждают существование между руководством группировки и президентом Садатом негласной договоренности о том, что «братья» могут в большей

или меньшей степени критиковать режим на страницах своих печатных органов, но при этом полностью отказываются от ставки на насилие и поддержку радикального или «революционного» течения в исламизме. Режим пытался использовать группировку в качестве своеобразного амортизатора между властью и радикальным исламизмом.

В конце 70-х годов отношения между «Братьями-мусульманами» и режимом резко ухудшаются, а взгляды на США становятся гораздо более негативными. Этому способствует развитие ряда ключевых международных проблем, важнейшей из которых становится урегулирование с Израилем и заключение сепаратного египетско-израильского Мирного договора. На фоне растущего социального недовольства результатами политики экономической либерализации, приведшей к ухудшению реального уровня жизни значительной части египтян, внешняя политика режима Садата становится «последней каплей» и подталкивает даже умеренных исламистов в оппозицию к режиму, приводит к еще большему разделению исламского движения на радикалов и умеренных.

Еще после Октябрьской войны происходит значительная интенсификация взаимодействия между Египтом и США, в феврале 1974 г. восстанавливаются дипломатические отношения между двумя странами. Садат стремится получить от Вашингтона экономическую и военную помощь, привлечь инвестиции. Однако улучшению отношений с Белым домом сопутствует процесс ухудшения отношений с Москвой. В 1976 г. Садат в одностороннем порядке денонсирует договор о дружбе и сотрудничестве с СССР, а в следующем году по его инициативе были прекращены военные связи между двумя странами. Исламисты приветствовали процесс искоренения советского влияния в стране, однако все с большим негодованием наблюдали за быстрым сближением между Каиром и Вашингтоном. Режим Садата все больше воспринимался исламистами как прямой проводник американской империалистической политики, полный антипод своего предшественника. Если Насера исламисты обвиняли в том, что он – ставленник Москвы и агент мирового коммунизма, то Садата – что он агент Вашингтона. За этими громкими фразами скрывается противоречие интересов различных социальных групп. За Садатом стояла высшая прослойка буржуазии, разбогатевшая за счет политики инфитаха, которой нужен был мир любой ценой, иностранные инвестиции, доступ на западные

рынки. За исламистами же стояли неимущие слои и та часть мелкой и средней буржуазии, которая несла убытки в результате садатовской политики «открытых дверей» и распространения коррупции.

Внешняя политика египетских властей катализировала размежевание между исламским движением и режимом, но она во многом способствовала ускорению процесса радикализации исламистов, их разделению на антисистемных радикалов и консервативных «Братьев-мусульман», которые, несмотря на ухудшение отношений с режимом, продолжали проявлять определенную сдержанность по большинству вопросов и не теряли надежды на легализацию своего статуса. Группировка приветствовала устранение советского влияния, однако в то же самое время «братья» обвинили США в желании полного и окончательного разрыва между Египтом и СССР. Традиционно присущая руководству «братьев» умеренность означала постоянное стремление сохранить определенный баланс как внутри страны, так и на внешней арене, а чрезмерное возрастание влияния Вашингтона в стране и регионе не могло их не беспокоить. Визит Садата в Иерусалим и последующее подписание кэмп-дэвидских соглашений и Мирного договора подверглись резкой критике со стороны «Братьев-мусульман», для которых палестинская проблема имела приоритетное значение с самых ранних этапов деятельности. «Братья» заявляли, что группировка предпочитает джихад, если продолжится оккупация мусульманских земель. Однако, как и во многих других случаях, речь шла скорее об отдаленной перспективе. «Братья» считали, что подготовка к джихаду требует возвращения мусульманских стран к своей вере, введения шариата, принципа шуры, социальной справедливости, т.е. фактически такая подготовка могла растягиваться бесконечно долго.

Важной причиной отрицания Мирного договора с Израилем являлось также почти полное неприятие этого документа другими арабскими странами, большинство из которых разорвали дипломатические отношения с Египтом. Его членство в ЛАГ было приостановлено, страну исключили из Организации арабских стран – экспортеров нефти. Однако «братья» не просто возлагали вину за изоляцию Египта от арабского и мусульманского мира на Садата, но и критиковали страны, разорвавшие отношения с Египтом, призывая их найти альтернативу. С другой стороны, О. ат-Тельмасани отказался войти в оппозиционное объединение, созданное в начале 80-х годов для противодействия мирному процессу и соглашениям

с Израилем. Таким образом, на словах «Братья-мусульмане» были ярыми противниками мирных договоренностей между Израилем и Египтом, в которых видели угрозу всему исламскому миру со стороны триады Запада – Израиля, США и СССР. Однако на деле эта оппозиционность выглядела довольно умеренной, группировка пыталась сохранить баланс, не идти на жесткую конфронтацию с режимом и неумолимо теряла инициативу, которую перехватывало новое поколение радикально настроенной исламистской молодежи.

Ввод советских войск в Афганистан в 1979 г. усилил противостояние исламистов просоветским силам и привел к формированию нового тактического союза между исламистами, египетским режимом и Западом в борьбе против «распространения коммунизма» в исламском мире. Исламские течения считали все формы афганского сопротивления на политическом, военном и экономическом уровнях «джихадом» против советского вторжения, который также считали формой колониального порабощения. Различные исламские течения посыпали добровольцев, медицинскую и прочую материальную помощь афганским «моджахедам».

Группировка «Братьев-мусульман» развернула широкую кампанию по сбору пожертвований для «моджахедов» в Афганистане, организовывала собрания для их поддержки и обвиняла Советский Союз в истреблении мусульман в Афганистане. Примечательно, что именно умеренное крыло исламистов в лице «Братьев-мусульман» развернуло жесточайшую кампанию против советского вторжения в Афганистан и в поддержку афганских моджахедов. Объяснить это можно тем, что война в Афганистане не затрагивала напрямую интересов правящего режима в Египте, а наоборот, была ему только на руку. Советское вторжение дало повод Садату для новой атаки на левые, просоветские силы в стране, а также возможность снискать солидарность исламистов с режимом, отвлечь их внимание от острых противоречий по поводу арабо-израильского конфликта и исламской революции в Иране на борьбу с «советской оккупацией».

Садату и новым союзникам в Белом доме эта война позволила отчасти снять напряжение в Египте и направить исламский радикализм в выгодном для них русле. «Братья-мусульмане» же получили от властей карт-бланш по этому вопросу и были намерены использовать его для увеличения популярности среди населения. «Братья-мусульмане» во многом помогали режиму обуздать радикальное крыло египетского исламизма, направив его активность на

внешнюю по отношению к Египту проблему, в том числе через организацию отправки в Афганистан добровольцев. Этим отчасти объясняется ненримиримость позиции «братьев» по афганскому вопросу, в то время как по поводу мирного договора с Израилем и иранской революции они были осторожны и не нарушали определенных пределов. Радикальные же группировки имели иное представление о власти и возможности построения исламского государства. Группа «Джихад» обязалась противостоять советскому присутствию в Афганистане вплоть до вывода советских войск. Часть членов группы также стали добровольцами в рядах афганских сопротивленцев. В афганской войне члены «Джихада» усматривали хорошую возможность для мобилизации мусульманских масс и подтверждения неэффективности власть предержащих в мусульманских странах. Для радикалов афганская война послужила хорошей возможностью расширения своего влияния, укрепления рядов.

Другим важнейшим фактором для исламского политического движения стала исламская революция в Иране в 1979 г. Ее успех с воодушевлением восприняли практически все исламистские группировки в Египте, поскольку все – как умеренные, так и радикально настроенные исламисты – смогли увидеть в ней черты своей модели и своего представления о будущем исламском правлении. Однако, несмотря на то что умеренные «Братья-мусульмане», в отличие от исламистских радикалов, терпимее относились к религиозным и идеологическим различиям между суннитами и шиитами (26), а Х. аль-Банна возвел в принцип группировки удаленность от внутримусульманских разногласий, именно эти консервативные исламисты вскоре пересмотрели свои взгляды на иранскую исламскую революцию. Ассоциация и ранее, призывая мусульман во всем мире последовать примеру иранцев, поясняла, что она тем самым призывает не к революции, а к единению правителей и подчиненных под знаменем ислама. Впоследствии генеральный предводитель группировки Омар ат-Тельмасани и вовсе заявил, что «эти шииты, если бы они управляли, то поступали бы с нами еще хуже израильтян». Радикальный характер перемен и революционность исламского движения в Иране напугали консервативных «братьев», стремившихся к завоеванию статуса легальной политической силы.

Кроме того, «Братья-мусульмане» были тесно связаны с саудовским режимом и другими консервативными правительствами, для которых исламская революция в Иране была прямой угрозой, в том числе для Эр-Рияда, который сам апеллирует к исламской ре-

лигии для обоснования легитимности своей власти. Важнейшими из причин такой угрозы являются вскрытие псевдоисламской традиционной легитимности трайбалистских арабских режимов в Персидском заливе и обращение лидеров исламской революции напрямую к угнетенным массам, тогда как среди подданных Саудовской Аравии, Кувейта, Бахрейна и некоторых других стран имеется значительное число шиитов.

С другой стороны, исламские радикалы, несмотря на свое обостренное и болезненное отношение к различным ответвлениям от истинного суннитского ислама, высоко оценили опыт исламской революции в Иране. Группировка «Аль-Джихад» дала высокую оценку народному, массовому характеру исламской революции в Иране и вовлечению армейских частей в движение Хомейни. Некоторые лидеры группировки считали, что исламская революция в Иране есть продолжение дела покойных лидеров и авторитетов для исламских радикалов в лице Хасана аль-Банны и Сейида Кутба. Они полагали, что революция Хомейни – это модель, которую должны перенять арабские и другие мусульманские страны. Именно те революционные перемены в политической системе, которые пугали «Братьев-мусульман» и их сторонников из числа «среднего класса», опасающихся за свою собственность, привлекали радикальных исламистов, опирающихся на неимущие слои, которым нечего было терять, но которые имели определенные притязания и иллюзии в отношении радикальных перемен и установления исламского правления.

Таким образом, в 70-е годы на фоне общего роста исламизма происходит поляризация исламистского движения в Египте: появляются самостоятельные радикальные, экстремистские группировки, в то время как «Братья-мусульмане» постепенно консолидируются на более умеренной политической платформе. Несмотря на репрессии Насера, влияние радикальных идей С. Кутба и формирование мощного течения «братьев-силовиков», прошедших через тюрьмы и предпочитающих подпольные методы работы, умеренность как в идеологии, так и на практике «Братство» берет верх. Этот процесс становится неизбежным на фоне резкой социальной поляризации в стране. Если на первом этапе «Братьям-мусульманам» удавалось объединять довольно разные слои населения, то в 70-е годы их риторика уже не могла завоевать маргинализированные слои радикально настроенной молодежи. С другой стороны, средние слои, составлявшие костяк «Братьев-мусульман»,

были напуганы радикализмом новых исламистских групп. Важную роль в этом процессе сыграла также интернационализация движения, зависимость ассоциации от поддержки влиятельных «братьев-эмигрантов» и консервативных арабских режимов, а также тесные связи с Садатом, особенно в начале рассматриваемого периода.

Неспособность «Братьев-мусульман» занять внятную позицию по ключевым международным вопросам только катализировала процесс размежевания египетских исламистов и способствовала дальнейшей трансформации политической идеологии и практики данного объединения в умеренном русле.

«Ежегодник Научно-образовательного центра
исследований Арабского Востока РУДН»,
М., 2009 г., с. 114–126.

**О. Трофимова,
канд. экономических наук (ИМЭМО РАН)
МУСУЛЬМАНЕ И ИСЛАМ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ**

В мире насчитывается более 200 млн. иммигрантов, это примерно 2,8% населения. Из них почти 15 млн. – мусульмане, проживающие в странах Евросоюза (3,3% его жителей). В США их численность в два раза меньше. Причем около 500 тыс. человек каждый год прибывают в Европу нелегально, без документов. Крупная община образовалась после Второй мировой войны, так как Европа нуждалась в трудовых ресурсах для восстановления экономики. Сейчас Европу завоевывают те, кого европейцы завоевали в прошлом, в период колониализма. В связи с высокой рождаемостью среди иммигрантов мусульманское население в Европе может к 2025 г. удвоиться. Это способствует возникновению противоречий и напряженности между европейцами и мусульманами, появляется радикальный исламизм. Мусульманские общины практически не интегрируются в социально-культурное пространство Европы, придерживаясь своей системы ценностей. Тенденция к концентрации иммигрантов в отдельных районах усиливается, так как легче сохранять мусульманскую идентичность при заселении «чужой» территории анклавными вкраплениями. Уже сейчас мусульманские сообщества в европейских странах являются «государством в государстве».

В Западной Европе с ее светскими обычаями и продвинутым менталитетом признание ислама наталкивается на серьезные проблемы. Все европейские страны признают свободу вероисповедания, но с учетом разделения функций государства и религии. Основная часть европейских мусульман проживает во Франции, Германии и Великобритании. $\frac{2}{3}$ британских мусульман проживают в районе Большого Лондона, $\frac{1}{3}$ французских – в Париже и его пригородах, $\frac{1}{3}$ немецких – в промышленном районе Рура. В Марселе численность мусульманского населения составляет более 25%. Большие мусульманские диаспоры существуют также в Лионе и Лилле. Первому поколению иммигрантов в Европе не удалось ассимилироваться. Религия в жизни иммигрантов не занимала ведущее место – более важными были экономические проблемы. В 1972–1974 гг. правительства пошли на расширение иммиграции за счет воссоединениям семей. Социально-экономические проблемы (плохие жилищные условия, высокий уровень безработицы, трудности в получении образования и пр.), дискриминация по признакам вероисповедания – все это способствовало радикализации мусульман и усилению исламского экстремизма. Увеличивается число мечетей в Европе, возникают школы по изучению ислама, различные мусульманские организации и исламистские политические партии. Пока они слабо представлены во власти. Но с учетом роста мусульманского населения их значение может усилиться. Особенно это касается второго и третьего поколений иммигрантов, которые говорят на европейских языках, получают европейское образование. Однако современная ситуация, осложненная экономическими трудностями (уровень безработицы во Франции и Бельгии достигает 40%), усиливает дискриминацию иммигрантов со стороны коренного населения. Молодежь становится все более радикальной и вступает в экстремистские исламские организации. Об этом свидетельствуют взрывы в парижском метро в 1995–1996 гг., в поезде в Мадриде и в лондонском метро в 2005 г. Перед странами ЕС стоит сложная задача по защите своей национальной идентичности и обеспечению стабильного экономического развития; при этом им нужны иммигранты как дешевая рабочая сила. Для этого необходимо разработать единую иммиграционную политику, которая бы регулировала достаточный приток иностранных граждан и препятствовала нелегальной иммиграции. Хотя европейцы опасаются исламизации Европы, Евросоюз намеревается принять

в ближайшие два десятилетия еще 20 млн. рабочих фертильного возраста.

В настоящее время во Франции проживает самая многочисленная в Европе мусульманская diáспора (от 5 до 6 млн. человек, или около 9–10% населения страны). Почти 2/5 из них прибыли из стран Северной Африки. На первом месте стоят алжирцы (800–900 тыс. человек), затем идут марокканцы (600 тыс.) и тунисцы (300–400 тыс. человек). В целях установления социального мира в стране французское правительство поддержало строительство мечетей, недорогого жилья для иммигрантов. В настоящее время после перехода от промышленной модели экономики к экономической с преобладанием сферы услуг Франция гораздо меньше нуждается в притоке неквалифицированных трудовых ресурсов.

В начале 70-х годов французские власти предприняли ряд мер по ограничению притока иммигрантов из Северной Африки. В 1974 г. граница Франции фактически была закрыта, а процесс воссоединения семей превратился в длительную бюрократическую процедуру. В 1977 г. была разработана схема депатриации иммигрантов, а в 1980 г. внесены изменения в миграционное законодательство, разрешающие депортировать выходцев из стран Магриба. В результате Францию покинули 4 тыс. североафриканских иммигрантов, большинство из которых давно проживали здесь и имели детей с французским гражданством. После принятия в 1986 г. дополнительных мер из Франции выехали еще 17 тыс. человек. В 1992 г. была проведена очередная реформа национального законодательства: получение французского гражданства детьми иммигрантов было отложено до достижения ими совершеннолетия. В марте 1993 г. были введены более жесткие ограничения, касающиеся притока иммигрантов, которые были негативно встречены североафриканцами. В 1995 г. произошла серия терактов в Париже.

Новая иммиграционная политика премьер-министра Л. Жоспена, направленная на упрощение получения французского гражданства и вида на жительство, отмену «сертификатов проживания», облегчение процедуры воссоединения семей, не дала заметных результатов и не ослабила социальную напряженность. Франция продолжает занимать ведущее место среди стран ОЭСР по притоку иммигрантов: в 1994 г. он составлял 25 тыс. человек, в 2004 г. – более 60 тыс. человек. Ежегодно французское гражданство получают 145 тыс. человек. По данным Национального института статистики и экономических исследований (INSEE) доля иммигран-

тов, въехавших во Францию по семейным мотивам, в 2003 г. составила 77,6%. Существующая во Франции дискриминация вынуждает мусульман, живущих в бедных пригородах крупных городов и не имеющих постоянной работы, чувствовать себя людьми «второго сорта» в обществе, враждебно настроенном по отношению к ним. Это привело к появлению «французского ислама», который ищет свое место в национальном религиозном пейзаже и является элементом социализации главным образом молодежи. Поэтому второе и третье поколения мусульман, рожденных во Франции и считающих себя французами, с одной стороны, мало интересуются страной своего происхождения, ее культурой и языком, с другой – становятся ярыми приверженцами ислама. Недовольство выходцев из Магриба своим положением, рост исламистских тенденций, особенно среди безработной молодежи, во многом являются следствием иммиграционной политики последних 20 лет, усилившей социально-экономическое неравенство. Известный французский исследователь ислама О. Руа отмечал, что зачинщики погромов и исполнители терактов (2005–2006) были потомками мусульманских иммигрантов во втором поколении. Они выросли в «неблагоприятных городских зонах» и пригородах крупных городов без нормальной социально-культурной и экономической инфраструктуры. В этих районах проживает почти 2,7 млн. человек.

В конце 70-х – начале 80-х годов на общественную сцену вышло молодое поколение, частично ассимилированное в европейское общество и постоянно сталкивающееся с трудностями в отстаивании своих прав. Тяга к исламу стала выражением мусульманской идентичности, компенсацией за неспособность интегрироваться во французское общество. Во Франции возникли первые объединения: Союз мусульманских организаций в составе 15 ассоциаций из больших городов Франции (1983), Национальная федерация мусульман Франции (1985). За последние 20 лет в стране было создано более 2000 исламских ассоциаций, религиозных и культурных центров. В стране зарегистрировано 1558 культовых зданий (мечети и помещения для молитвы), управляемых 1126 ассоциациями. Постепенно ислам становится второй по распространению и значению религией во Франции. Фактически произошло «вторжение» мусульман во Францию, что превратило ее в самую «мусульманскую» страну Европы. Серьезную угрозу для Франции и Европы в целом представляет также поддержка мусульманскими странами своих диаспор.

Превращение ислама во вторую религию Франции выразилось не только в формировании «религиозной инфраструктуры», но и в постановке вопроса о статусе ислама в традиционно светском государстве. Главная задача политики Франции в отношении «внутреннего» ислама состоит в интегрировании его в общественно-культурную жизнь страны в рамках существующих демократических ценностей и светского характера государства. На протяжении последних двух десятков лет «левые» и «правые» правительства страны призывали к созданию организационных структур французского ислама, так как он, в отличие от других религий, не имеет центрального регулирующего органа. В 1994 г. был сформирован Совет мусульманских представителей Франции, который единогласно принял устав. К ведущим мусульманским организациям Франции относится Федерация мусульманского института Великой мечети Парижа. В 1985 г. ряд мусульманских лидеров вышел из нее и основал Национальную федерацию мусульман Франции. Инициатором стал французский интеллектуал Даниэль Юсуф-Леклерк, а основные посты заняли выходцы из Марокко. Это весьма консервативное движение находится в оппозиции парижской Мечети из-за разногласий между Рабатом и Алжиром. Наименее подконтрольным французским властям, наиболее влиятельным и политизированным является Союз исламских организаций Франции (генеральный секретарь – Ф. Аляуи). Союз представляет собой французское отделение Союза исламских организаций Европы, объединяющее более 200 ассоциаций, преимущественно консервативных мусульманских взглядов. Союз пользуется финансовой поддержкой религиозных фондов стран Персидского залива.

В 2003 г. был создан Французский мусульманский совет, объединивший три ведущих мусульманских федерации (Федерация мусульманского института Великой мечети Парижа) и пять «Больших мечетей». Его основная задача состояла в продвижении ислама по пути интеграции в социокультурную среду государства. Однако существенные разногласия между главными федерациями – членами Совета, а также чрезмерное вмешательство властей в его деятельность мешают эффективной работе этой организации. Проблема взаимоотношений государства и мусульманских объединений имеет два аспекта: а) совместимость мусульманской религии с демократическими ценностями страны пребывания и требованиями, предъявляемыми светским государством; б) интегрирование мусульманского населения во французское общество. После мно-

голетних трений между властью и мусульманской диаспорой, отстаивающей свободу вероисповедания, удалось добиться определенного равновесия, которое, к сожалению, периодически нарушается. По данным некоторых исследований, только 5% французских мусульман можно отнести к фундаменталистам, из них – 3–5% (примерно 10 тыс. человек) можно считать потенциально опасными.

Французская «республиканская» модель интеграции иммигрантов подразумевает ассимиляцию, но без учета культурных и этнических особенностей различных групп населения. Ее основными элементами являются: обучение в светских школах детей всех национальностей и вероисповеданий; обязательное знание языка страны пребывания, что позволяет влиться во французское общество и приобщиться к национальной культуре; и в то же время признание «права крови» и «права земли» при предоставлении гражданства. Однако многие иммигранты считают идею формирования французской идентичности односторонней и в чем-то даже принудительной. Создание в 1981 г. «приоритетных образовательных зон», олицетворяющих идею борьбы с социальным неравенством, не изменило ситуацию. Французская ассимиляционная модель интеграции была успешной в период первой волны иммиграции из Италии, Бельгии, Испании. Выходцы из Португалии и Магриба того периода также интегрировались во французское общество в социально-культурном и политическом плане, но не в экономическом. В дальнейшем ассимиляция иммигрантских культур себя не оправдала. Государственная иммиграционная политика Франции базируется на принципе равенства всех граждан независимо от национальности и страны происхождения. Юридически иностранцы имеют те же права, что и титульная нация; фактически же существует дискrimинация в отношении иммигрантов. Этнические общины из стран Магриба и Африки мало представлены в бизнесе и властных структурах Франции. Мусульманам-выпускникам вузов трудно найти престижную работу, чтобы занять соответствующее их образованию место в социальной иерархии. По сравнению с коренными французами или выходцами из европейских стран уровень безработицы среди мусульманского населения выше (20–25%, а для молодежи от 15 до 25 лет – до 45%). Вместе с тем заметно улучшение экономического положения второго и третьего поколения иммигрантов; в их среде даже появились представители среднего класса. Новое поколение не довольствуется неквалифициро-

ванной тяжелой работой и хочет иметь те же возможности, которыми обладают коренные французы.

В Германии проживает вторая по численности в Европе мусульманская диаспора (3,4 млн. человек, или 4% населения). При мерно 3/4 из них – выходцы из Турции и их дети, и только 5% прибыли из арабских стран. Как и в других европейских странах, иммигранты оказались в Германии в качестве дешевой рабочей силы для подъема немецкой экономики. К началу 70-х годов их численность составляла 1 млн. человек, а в 2005 г. эта цифра достигла уже 2,6 млн. Такой рост турецкого населения обусловлен высоким уровнем рождаемости (2,3%), а также правом на воссоединение семей тех иммигрантов, которые не захотели вернуться на родину (Закон от 1980 г.). С конца 70-х годов в Германию из «горячих точек» – Афганистана, Палестины, Курдистана, Боснии, Косово – в поисках более спокойной жизни стала прибывать новая волна этнических переселенцев. Часть иммигрантов из Палестины и Северной Африки по прибытии получила немецкое гражданство, остальные объединялись в группы и землячества. Основная масса мусульман проживает в столице и крупных городах. Так, в Берлине половину молодежи до 20 лет составляют мусульмане. Отношение к иммигрантам в ФРГ всегда строилось на экономической базе. Учитывая принципы организации государства и обретения гражданского статуса, получить немецкое гражданство достаточно сложно. Оно рассматривается в качестве «награды» за интеграцию, фактическую ассимиляцию в немецкое общество и принятие его образа жизни. Подход к иммигрантам можно выразить одной фразой – «либо устраивайся на любую работу, либо покидай страну». Переселенцы должны соблюдать конституцию, придерживаться норм и ценностей принявшего их социума, владеть немецким языком и не проявлять особой религиозности. Основной упор делается на уровне образования и знании немецкого языка. Поэтому гражданство, в первую очередь, предоставляют тем, кто закончил школу, получил диплом о профессионально-техническом образовании или прошел обучение в рамках соответствующих федеральных программ. В результате такой политики положение немецких мусульман на рынке труда оказалось более прочным, чем в других европейских странах. По данным института «Открытое общество», в наихудшей ситуации в Германии находятся турки, уровень безработицы среди которых достигает 23%, и они составляют $\frac{1}{3}$ всех безработных.

Интеграционная модель Германии не позволяет получать гражданство в третьем поколении и фактически является сегрегационной. В 2005 г. только 800 тыс. из 2,7 млн. турок-иммигрантов имели немецкое гражданство. Это усугубляет проблему адаптации к немецкому обществу и создает почву для социальной напряженности и организации расистских и неонацистских акций. Принятый в январе 2000 г. закон облегчил доступ к получению гражданства. В нем, в частности, предусматривается возможность обретения гражданства детьми иммигрантов, родившимися на территории Германии. Однако статистика показывает, что процесс натурализации имеет тенденцию к замедлению. Вызвано это рядом причин: ограничениями при выдаче свидетельств о гражданстве неэтническим немцам и их детям, ростом антимусульманских настроений в стране и др. 37,6% иммигрантов считают, что они в той или иной степени интегрированы в социально-экономическую жизнь страны, и лишь 11% полагают, что они интегрированы полностью. Почти половина мусульман, проживающих в Германии, ощущает себя «чужаками», отвергнутыми коренным населением. Несмотря на то, что более 700 тыс. детей мусульман-иммигрантов посещают школы и учатся в университетах, большинство из них демонстрируют плохие результаты на экзаменах, так как в основном родились в сельскохозяйственных районах Германии и не используют немецкий язык в повседневной жизни. Выпускникам школ, не имеющим немецкого гражданства, доступ к высшему образованию закрыт. Свыше 70% мусульманского населения получили диплом о среднем образовании, 12% – об университете.

На практике имеет место социокультурное отчуждение иммигрантов, которые остаются в рамках замкнутых общин, придерживаясь своих культурных и религиозных традиций. Правда, второе и третье поколения мусульман в большей степени чувствуют свою принадлежность к Германии. По данным доклада федерального министерства внутренних дел от 2008 г., более 85% мусульман Германии позиционируют себя как верующих, а число посещающих мечеть хотя бы раз в неделю увеличилось в 2000–2005 гг. с 30,7 до 41,6%. Более 90% мусульман выступают за введение уроков по изучению Корана. В настоящее время правительство ФРГ разрешило это лишь одной мусульманской организации в Берлине – Исламской федерации. С конца 90-х годов религиозная жизнь мусульман активизировалась: в 2007 г. было уже около

100 мечетей и 2200 молельных домов. Растет число коренных немцев, принявших ислам (4 тыс. человек в 2004–2005 гг.).

К основным мусульманским организациям ФРГ относятся: Центральный совет мусульман Германии, Турецко-исламский союз, Исламский совет Германии, Союз исламских культурных центров. Они объединяют 2,5 тыс. мусульманских общин и действуют под эгидой Координационного совета мусульман Германии. Эта структура вырабатывает позиции мусульман по различным проблемам и лоббирует их интересы в федеральном правительстве, в частности, введение изучения ислама в немецких школах. Мусульманское сообщество имеет свою академию и ежемесячную газету, издаваемую для немецкоговорящей диаспоры, – «*Islamische Zeitung*». В отличие от Франции, где выходцы из мусульманских стран мало представлены в бизнесе, турки и другие мусульмане в Германии активно участвуют в деловой жизни: имеют большие торговые фирмы, занимаются инвестиционной деятельностью, создают свои производственные союзы. Важную роль играют также союзы предпринимателей, которые пытаются расширить сферу влияния мусульман на деловые круги Германии. Немецкая интеграционная политика направлена на минимизацию культурных различий в отличие от мультикультурализма, который предлагает мирное сосуществование различных культур в одной стране и их интеграцию без ассимиляции. Поскольку Германия является федеральным государством, власти различных земель могут вносить определенные изменения в национальную политику в этой области. Например, муниципалитеты, третий уровень федерального устройства Германии, используют следующие принципы: интеграция иммигрантов и их детей с помощью различных программ и структур (французская модель), ассимиляция и плюралистический подход к интеграции и культурному слиянию (британская). Однако несовершенный механизм интеграции мусульман в немецкое общество, плохие социально-экономические условия (отсутствие жилья, безработица), с одной стороны, и проводимая федеральным правительством сегрегационная политика в отношении мусульман, особенно при получении гражданства – с другой, создают почву для роста исламистских настроений. Нередко внутриобщинная жизнь мусульман выстраивается согласно законам шариата, используются знаки религиозной атрибутики. Компактное проживание мусульман часто приводит к тому, что коренные немцы стараются покинуть места, в которых возникают подобные общины. Под воздейст-

вием определенных сил, в частности Союза исламских организаций Европы, растет политическая активность мусульман Германии.

В Англии в 2006 г. число мусульман превысило 1,7 млн. человек и, по некоторым данным, приближается к 2 млн. человек (около 3% населения), не считая нелегалов. В основном это выходцы из бывших колоний Британского содружества – Индии, Пакистана, Бангладеш, Ирака и других арабских стран. Большую их часть составляют сунниты. Согласно переписи 2001 г., около 38% мусульман обосновалось в Лондоне, т.е. четверо из каждого десяти жителей британской столицы. Массовая иммиграция мусульман совпала с завершением Второй мировой войны и деколонизацией. С принятием Британского национального акта в 1948 г. завершилась замена имперской колониальной модели инонациональной, предусматривающей единое гражданство для Англии и ее бывших колоний. Вторая волна иммиграции пришла из Восточной Африки. После получения независимости странами этого региона и национализации основных отраслей экономики многие азиатские бизнесмены, занимавшиеся там торговлей и банковским делом и имеющие британские паспорта, вынуждены были покинуть Африку и переехать в Англию. Кроме того, в эти годы возросло количество студентов из Малайзии, Пакистана, Ирана и арабских стран. Массовый наплыв мусульман-иммигрантов вынудил Министерство труда Великобритании запретить въезд неквалифицированной рабочей силы. В 1968 г. был принят Иммиграционный акт Британского содружества, который отменил право въезда в Англию всех живущих за границей владельцев британских паспортов. Ограничения на въезд были вызваны, главным образом, обострением социальных проблем (низкий уровень занятости, рост волнений), спровоцированным иммиграцией. В настоящее время в Великобританию ежегодно приезжают 140–150 тыс. человек.

В 1976 г. был принят Закон о расовых отношениях, который регулировал вопросы дискrimинации мусульман при приеме на работу. Это породило новые проблемы – мусульман-иммигрантов в Англии и других европейских странах объединяло не национальное происхождение, а единая вера. Именно ислам, а не расовые различия, являлся доминирующим фактором в отношениях с другими национальностями. Поэтому поправки к закону, принятые в 1986 г., касались в первую очередь общей веры, гражданства и только потом уже этнонационального происхождения. Таким образом, была сформирована английская иммиграционная модель. По

сути – либерально-плуралистическая, базирующаяся в большей степени не на ассимиляции, а на многонациональности и мультикультурализме английского общества, признании расовых и этнических различий. Рост мусульманской общины в Великобритании привел к созданию различных исламских объединений и школ, занимающихся изучением Корана, строительством мечетей. В настоящее время в Англии насчитывается 1600 мечетей, 22 школы по обучению имамов, 130 школ для мусульманских детей. В качестве спонсоров выступают мусульманские благотворительные фонды, в том числе пять государственных. Лондон является крупнейшим и единственным финансовым центром немусульманского мира, в котором сосредоточен капитал из мусульманских стран в размере 250 млрд. долл. В Англии насчитывается 5 тыс. мусульман-миллионеров, общие ликвидные активы которых составляют 3,6 млрд. ф. ст. Важнейшей неправительственной организацией мусульман является Мусульманский совет Великобритании (МСВ), имеющий 400 филиалов. Усиление его влияния совпало с победой лейбористов на выборах 1997 г. Учредителям МСВ удалось добиться некоторых успехов: государственного финансирования частных мусульманских школ (пять школ); принятия закона, защищающего мусульман от дискриминации при устройстве на работу; участия мусульман в деятельности парламента и правительства. Четверо мусульман (от лейбористской партии) избраны в палату представителей и шестеро (четверо лейбористов и два либерал-демократа) – в палату лордов. В местных органах власти работают 200 советников-мусульман различной политической ориентации. Функционируют и другие мусульманские объединения – Мусульманская ассоциация Англии, Исламская миссия, Исламский совет Европы, Исламское общество Великобритании, Союз мусульманских организаций, Мусульманский парламент, Исламская партия. Кроме того, правительство Великобритании не препятствует финансированию деятельности экстремистских организаций со стороны арабских стран, что приводит к росту исламского фундаментализма.

Террористические акты в США, Лондоне и Мадриде спровоцировали рост политической активности мусульман в Англии. В ответ произошло усиление исламофобии и расовой дискриминации. В свою очередь имамы в лондонских мечетях стали призывать к солидарности с радикальными группировками антizападной направленности. По некоторым данным, после 11 сентября 2001 г. и

взрывов в лондонском метро 7 июля 2005 г. более 30% мусульман столкнулись с враждебным отношением к ним, 80% – с дискриминацией из-за своей веры (в 1999 г. только 35%). В 2005 г. была создана совместная группа по предотвращению экстремизма, состоящая из членов правительства и известных мусульманских лидеров Англии. Ее основная задача – поиск решения проблем мусульман и, тем самым, снижение риска возможных терактов в будущем. Социально-экономическое положение мусульман Англии схоже с условиями проживания иммигрантов в других европейских странах – это плохое жилье, трудности в получении образования, безработица. Британские мусульмане живут в виде анклавов в крупных английских городах (Лондоне, Ливерпуле, Бирмингеме, Манчестере), т.е. в тех местах, где им предоставляется социальное жилье. Существует особая система квот по выделению социального жилья в основном в бедных районах. Великобритания, сама того не осознавая, постепенно движется в направлении расовой сегрегации: в стране насчитывается уже 14 округов, в которых одна этническая группа составляет более 50% населения.

Английская модель интеграции представляет собой плюралистический подход, признающий наличие различных диаспор и необходимость сохранения культуры нацменьшинств. Местные власти допускают существование школ для мусульман, где обучение ведется на их родном языке с использованием «этнических» учителей. Как правило, дети мусульман-иммигрантов плохо знают английский язык и предпочитают учиться в непривилегированных школах в местах их компактного проживания. Уровень безработицы среди британских мусульман выше по сравнению с коренными жителями (15% против 5%). Местные власти в некоторых графствах стараются обеспечить пропорциональное представительство нацменьшинств в общем числе занятых. Существует ряд государственных программ по подготовке кадров для иммигрантов, в этнической прессе регулярно публикуются предложения о наличии вакантных мест. Однако три основных противоречия этой модели продолжают существовать – идеологическое (отсутствие ассимиляции), политическое (наличие законов шариата, по которым предпочитают жить более $\frac{1}{3}$ английских мусульман) и экономическое (худшие условия проживания иммигрантов).

Экономическая стагнация в Европе, продолжающейся приток иммигрантов способствуют радикализации настроений среди мусульман. Идеологи исламизма всячески поддерживают недо-

вольство выходцев из мусульманских стран своим социально-экономическим положением. Европейским странам с каждым годом становится все сложнее обеспечивать социальными пособиями уже сформировавшийся класс «лояльных» безработных из Марокко, Алжира, Индии, Пакистана, Турции и пр. В перспективе это может привести к кризису всей системы социальной защиты, которая пока еще обеспечивается за счет высокой производительности труда в приоритетных отраслях экономики. Жилищная политика стран Евросоюза, создание гетто и бидонвилей в пригородах больших городов – свидетельство дискриминации иммигрантов, которых искусственно привязывают к местам анклавного проживания. Враждебность по отношению к ним еще более усилилась после событий 11 сентября 2001 г. Все эти факторы являются серьезным препятствием на пути интеграции мусульманского населения в западную цивилизационную систему.

«Мировая экономика и международные отношения», М, 2009, № 10, с. 52–62.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2010 – 2 (212)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 1/II-2010 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 11,0 Уч.-изд. л. 10,2
Тираж 500 экз. Заказ № 17

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отдел маркетинга и распространения информационных изданий

**Тел/ Факс (499) 120-4514
E-mail: market @INION.ru**
E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)